

ОМСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

№ 1(52), 2024 **И**
практика

В НОМЕРЕ

Модернизация правового регулирования залога
Задержание заподозренного лица до возбуждения
уголовного дела

Гражданский иск и обеспечительные меры
по уголовным делам

Исполнение закона как обстоятельство,
исключающее преступность деяния

Отдельное поручение дознавателя, следователя
как предмет процессуального и ведомственного
контроля

Организация деятельности следователя
при рассмотрении сообщения о преступлении

№1(52)
2024

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

Редакционный совет:

С. К. Буряков (Омская академия МВД России)

Г. В. Короткова (Отдел организации дознания
УМВД России по Омской области)

С. В. Марковиченко (Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Омской области)

Т. М. Мартыненко (Следственное управление УМВД
России по Омской области)

К. В. Храпцов (Арбитражный суд Омской области)

Редакционная коллегия:

О. И. Бекетов (Омская академия МВД России)

А. А. Бондаренко — ответственный секретарь
(Омская академия МВД России)

В. Н. Борков (Омская академия МВД России)

А. В. Гриненко (Московский государственный
институт международных отношений (Университет)
МИД России)

В. А. Гусев — главный редактор (Омская академия
МВД России)

А. С. Дежнев (Омская академия МВД России)

В. В. Кальницкий (Омская академия МВД России)

В. Ф. Луговик (Омская академия МВД России)

Я. М. Мазунин (Омская академия МВД России)

А. А. Нечепуренко (Омская академия МВД России)

А. В. Павлов (Омская академия МВД России)

Л. А. Пупышева — заместитель главного редактора
(Омская академия МВД России)

С. Б. Россинский (Институт государства и права
Российской академии наук, г. Москва)

И. Г. Смирнова (Московский государственный
юридический университет имени О. Е. Кутафина)

А. Е. Чечетин (Барнаульский юридический институт
МВД России)

В НОМЕРЕ

Гусев В. А. От главного редактора. 2

Поздравляем с юбилеем!

Борису Борисовичу Булатову — 70! 3

Андрею Сергеевичу Бахте — 65! 5

Меры уголовно-процессуального принуждения

Бекетов А. О. Назначение и подготовка судебного заседания по вопросам,
указанным в статьях 108, 109 УПК РФ 8

Кальницкий В. В. Кратковременный внесудебный домашний арест —
юридическая бессмыслица или возможная реальность? 11

Карпова О. В. Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности
по исполнению мер процессуального принуждения 15

Лыга А. П. Соотношение частных и публичных интересов при наложении ареста
на имущество в уголовном судопроизводстве 20

Пилушин И. П. Задержание заподозренного лица при рассмотрении
сообщения о преступлении 25

Попова И. П. Гражданский иск и обеспечительные меры по уголовным делам:
проблемы эффективности и пути их решения 28

Сидоров Я. Ю. Соотношение мер пресечения в виде заключения под стражу,
домашнего ареста и запрета определенных действий 33

Ткачёва Е. С. Порядок принятия должностным лицом, осуществляющим
расследование, решения о производстве следственного действия в случаях,
не терпящих отлагательства 41

Фёдорова А. А. Система мер процессуального принуждения, применяемых
к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым в совершении
преступления 45

Шайденко Д. А. Генезис оснований задержания подозреваемого
в российском уголовном процессе 48

Шумилова Т. Н. Судебное заседание по вопросу избрания мер пресечения
в досудебном производстве как форма осуществления правосудия 52

Уголовное право

Тихонов И. Н. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее
преступность деяния 57

Актуальные вопросы организации раскрытия и расследования преступлений

Коротаева Ю. А. Отдельное поручение дознавателя, следователя как предмет
процессуального и ведомственного контроля 60

Мерлаков Д. С., Соколов А. Б. Организация деятельности следователя
при рассмотрении сообщения о преступлении: неразрешенные вопросы... 67

Сведения об авторах 72

Abstracts and Key Words 73

Информация для авторов 76

Редактор
Корректор

Е. А. Жукова
Л. И. Замуло

Технический редактор П. В. Ярославцева
Перевод на английский язык Ю. И. Алферова
Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической
и оперативной печати: Россия, 644092, г. Омск,
пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.
Тел.: (3812) 75-13-04, 75-14-97

Выход в свет 28.06.2024. Тираж 100 экз.
Уч.-изд. л. 8,3. Усл. печ. л. 8,8. Заказ № 171.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2024

От главного редактора

Дорогие читатели!

Перед Вами очередной выпуск журнала «Законодательство и практика». Он получился особенным по нескольким причинам. Во-первых, в нем мы чествуем сразу двух юбиляров — Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Бориса Борисовича Булатова, отметившего 31 января 2024 года свое 70-летие, а также доктора юридических наук, профессора Андрея Сергеевича Бахту, которому 17 июля 2024 года исполняется 65 лет!

Судьба этих прославленных ученых и ярчайших представителей уголовно-процессуальной науки неразрывно связана с Омской академией МВД России, которая является для них *alma mater*. Каждый из них в свое время возглавлял образовательные организации высшего образования в си-

стеме МВД России. Вполне ожидаемо, что ученики и коллеги юбиляров инициировали опубликование статей, посвященных их творческому и профессиональному пути*.

Нельзя не сказать, что к юбилейной дате Б. Б. Булатова в Омской академии МВД России была приурочена и проведена международная научно-практическая конференция «Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения», в работе которой приняли участие ведущие российские ученые-процессуалисты, многие из которых являются учениками и последователями Б. Б. Булатова.

В статьях, посвященных главной теме номера «Меры уголовно-процессуального принуждения», отражены наиболее актуальные и интересные аспекты государственного принуждения в уголовном процессе.

*Доктор юридических наук, профессор
Владимир Александрович Гусев*

* Статья, посвященная юбилейной дате Б. Б. Булатова, опубликована в Научном вестнике Омской академии МВД России (см.: Буряков С. К. 70-летию Б. Б. Булатова посвящается // Научный вестник Омской академии. 2024. № 1. С. 5–7).

Борису Борисовичу Булатову — 70 лет!

В связи со столь значительной датой в жизни Бориса Борисовича Булатова выражаем ему искреннюю признательность за многолетний труд в разном качестве в составе кафедры уголовного процесса нашей академии. Желаем долгих лет жизни и дальнейшего столь же активного и продуктивного творчества.

В академии еще работают люди, которые помнят выпускника нашего вуза — молодого преподавателя кафедры уголовного процесса лейтенанта милиции Б. Б. Булатова. Воспринимали его обучающиеся весьма позитивно, проводимые им лекции и семинары вызывали не меньший интерес, чем занятия седовласых доцентов. Внимание к начинающему педагогу подогревалось неподдельным удивлением тому обстоятельству, что столь обширными знаниями обладает тот, кто еще год назад был, как и мы, слушателем. В качестве примера для подражания это стимулировало к глубокому изучению уголовного процесса и других дисциплин.

Борис Борисович проработал преподавателем два года и был направлен для дальнейшего обучения в адъюнктуру Московской высшей школы милиции МВД СССР. Научным руководителем у него был профессор Александр Александрович Чувилев. После успешной защиты кандидатской диссертации Борис Борисович вернулся на кафедру, вскоре перевелся в Тюменский филиал, позже на Пермские высшие курсы МВД СССР (позднее реорганизованные в Пермский факультет юридического института

МВД России, затем в Пермский филиал Нижегородского юридического института МВД России), где после некоторого периода работы на кафедре уголовного процесса стал руководителем филиала. Отдаленность от Омска не препятствовала нашему научному и методическому общению, которое оставалось постоянным, творческим и весьма продуктивным.

Важнейшей вехой в содружестве Бориса Борисовича и кафедры уголовного процесса стало его назначение в 2004 г. после защиты докторской диссертации начальником нашей академии. Помним, насколько это было волнующее событие для всего личного состава академии и вдвойне волнующее и ответственное для коллектива кафедры. Мы понимали, что отныне вся наша научная и методическая работа окажется под пристальным вниманием крупного специалиста в сфере уголовного процесса. Осознавали, что как руководитель вуза Борис Борисович будет опираться на наши наработки для демонстрации успехов подчиненных ему сотрудников, значит, такие заслуживающие широкого внимания методические разработки должны быть. На заседании кафедры особо оговорили, что обязаны быть примером в дисциплине, служебной и боевой подготовке и, конечно же, оставаться интересными в области методики. Кстати, сразу же после назначения Борис Борисович заслушал кафедру о методической работе, скрупулезно оценил ее и лично участвовал в описании имеющегося опыта в отдельном учебном пособии*. Неформально участвовал в составлении и переиздании сборников задач по базовым дисциплинам кафедры.

Настоящим и постоянным экзаменом для кафедры стало согласование и утверждение методических материалов с руководством академии. Все, что касалось уголовного процесса, Борис Борисович замкнул на себя: лично прочитывал разработки, включая билеты для государственного экзамена, и вносил или предлагал корректировки. Иногда удавалось отстоять зафиксированный подход, но это требовало существенных усилий для убеждения руководителя в жизнеспособности кафедрального подхода. Такие «собеседования» заставляли подтянуться, быть внимательными и строгими не только к содержанию, но и к форме документов. Да и не только документов, но и лекций и семинаров, поскольку в рамках педагогического контроля руководитель посещал занятия преимущественно по уголовному процессу и другим дисциплинам, преподаваемым кафедрой.

Огромным благом для кафедры было консультирование Борисом Борисовичем докторантов. Причем он не только выступал научным консультантом у фактически поступивших на учебу членов коллектива, он отбирал таких людей, стимулировал их перспективные научные изыскания. Здесь, признаемся, его роль

* Булатов Б. Б., Николюк В. В., Кальницкий В. В. Преподавание уголовного процесса в вузе МВД России. Омск, 2005. 108 с.

была ведущей от начала и до успешной защиты докторантами диссертаций.

Отдельно остановимся на участии Бориса Борисовича в занятиях по повышению квалификации преподавателей кафедр уголовного процесса вузов МВД России. Такие занятия (всего их было около 15) организовывались на базе нашей академии. В тематическом плане обязательно планировалась встреча обучающихся с начальником академии. Надо сказать, что, ознакомившись с планом работы, обучающиеся без особого интереса воспринимали данную позицию — пройдет формальная встреча, и все. Хотя сам факт общения с ними первого лица вуза принимали с одобрением, так как у себя дома со своим руководителем встречаются нечасто.

Надо видеть, каким было их удивление, когда Борис Борисович начинал рассматривать актуальные проблемы института мер процессуального принуждения и другие злободневные вопросы теории уголовного процесса, оперировал новейшими публикациями, демонстрировал знание содержания работ отдельных присутствующих. Охотно отвечал на вопросы, дискутировал, порой выходя за рамки ответственного времени.

Еще больше гости удивлялись тому, насколько Борис Борисович знает жизнь кафедры, основные методические подходы к обучению, научные интересы отдельных преподавателей. Говорили, что им не приходилось столь содержательно общаться с руководителем такого уровня.

Удивлял Борис Борисович и нас. В 2019 г. генерал-майор полиции в отставке Борис Борисович перешел на должность профессора кафедры. Сразу пригласил весь коллектив на чаепитие. Мы искренне недоумевали: чаю-то попить можно, но зачем генерал обременяет себя необязательными хлопотами; какое вхож-

дение в коллектив, если он возглавлял его в качестве начальника академии? Он настоял. В этом простота и деликатность Бориса Борисовича в общении с людьми. Насколько надо быть уверенным в правильности своих многочисленных решений, включая достаточно жесткие, чтобы легко остаться рядом с теми, чьи профессиональные судьбы зависели от тебя. Здесь и от нас требовалась деликатность в общении, чтобы в каждодневной суете не утратить дистанцию, не проявить невоспитанность и не забыть статус человека, который сам его не подчеркивает. Договорились, что на официальных мероприятиях кафедры при входе Бориса Борисовича всегда должна подаваться команда «Товарищи офицеры!» как ритуал, который не может быть утрачен.

Борис Борисович продолжает формирование научного потенциала кафедры: консультирует докторанта, руководит рядом кандидатских исследований. В декабре прошлого года два его очередных ученика защитили кандидатские диссертации. Кроме того, он — генерал-майор в отставке, в прошлом начальник академии (!) — ведет самые обычные семинарские и практические занятия, консультирует курсантов, принимает отработки, причем в том объеме, в котором это требуется кафедре.

Кафедре очень нужен Борис Борисович как крупный руководитель, научный тяжеловес. В его присутствии на заседаниях заметны высокая дисциплинированность, обстоятельность в суждениях, отсутствие облегченных, недостаточно взвешенных оценок. Благодаря Борису Борисовичу кафедра поддерживает тесные творческие отношения со всеми известными научными коллективами и учеными.

Дай Бог Вам, Борис Борисович, здоровья, чтобы еще долгие годы оставаться вместе на благо академии и кафедры.

Коллектив кафедры уголовного процесса

Андрею Сергеевичу Бахте — 65!

17 июля 2024 г. свой 65-летний юбилей отмечает выдающийся ученый-процессуалист, Заслуженный работник образования Омской области, Заслуженный деятель науки Омской области и Хабаровского края, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор полиции (в отставке) Андрей Сергеевич Бахта.

А. С. Бахта родился 17 июля 1959 г. в г. Омске. Свой профессиональный путь он начал в органах внутренних дел в 1976 г. в возрасте 17 лет, окончив среднюю школу и поступив в Омскую высшую школу милиции МВД СССР (далее — ОВШМ).

С первых дней учебы А. С. Бахта зарекомендовал себя как целеустремленный ученик, желающий достигнуть максимальных результатов при освоении различных отраслей права. Особый интерес он проявлял к изучению уголовного процесса. В дальнейшем именно данная дисциплина займет важное место в жизни профессора.

Окончив с отличием ОВШМ, он получил назначение на должность инспектора уголовного розыска по делам несовершеннолетних Октябрьского РОВД г. Омска. Получив практические знания и выявив проблемные аспекты, возникающие в деятельности правоохранительных органов, Андрей Сергеевич решил связать свою судьбу с наукой и образовательным процессом в родном для себя вузе.

Будучи назначенным на должность преподавателя кафедры юридических дисциплин Омского юридического института МВД России, он активно занимался научно-исследовательской деятельностью. Как итог, руководством вуза было принято решение о направлении перспективного педагога для обучения в адъюнктуру Московской высшей школы милиции МВД СССР (ныне Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

Первый научный триумф произошел в 1992 г., когда в стенах данного вуза под руководством профессора Т. Н. Добровольской была защищена кандидатская диссертация на тему «Полнота предварительного и судебного следствия как средство обеспечения неотвратимости ответственности за совершение преступления».

Защитив кандидатскую диссертацию, на протяжении 17 лет А. С. Бахта продолжал заниматься научной и педагогической деятельностью на различных должностях кафедры юридических дисциплин и уголовного процесса Омского юридического института МВД России.

В этот период им воспитано не одно поколение грамотных и высококвалифицированных сотрудников правоохранительных органов, работающих следователями, прокурорами, судьями в разных регионах страны и по сей день.

Стоит отметить, что свой профессиональный путь педагога Андрей Сергеевич проходил вместе с именитыми представителями омской научной школы процессуалистов, среди которых В. В. Николюк, П. Г. Марфицин, Б. Б. Булатов, В. В. Кальницкий, В. А. Азаров, А. М. Баранов, Ю. В. Деришев и ряд других ученых, внесших огромный вклад в развитие отечественной уголовно-процессуальной науки.

В 1997 г. Андрей Сергеевич, имея огромный опыт научной и педагогической деятельности, возглавил организационно-научный и редакционно-издательский отдел, а спустя три года был назначен на должность заместителя начальника Омской академии МВД России по научной работе.

Отвечая за научную деятельность в вузе, он приложил немало усилий к созданию в академии специального закрытого диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, связанных с тематикой в сфере оперативно-розыскной деятельности.

В 2003 г. Андрей Сергеевич стал первым заместителем начальника Омской академии МВД России по учебной работе, а спустя пять лет был направлен в Дальневосточный юридический институт МВД России (ныне Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова), для того чтобы возглавить главный милицкий вуз на востоке России.

Вступив на должность, он начал формировать профессорско-преподавательский состав преимущественно из числа сотрудников, имеющих практический опыт в органах предварительного следствия, дознания, прокуратуры и суда. При этом приоритетными задачами стало совершенствование образовательного процесса, повышение научного потенциала института и укрепление учебно-материальной базы. В институте активно занимались разработкой учебно-методической документации, для изучения передо-

вого опыта выезжали в ведущие вузы МВД России, поддерживали тесную связь с правоохранительными органами, изучали и анализировали опыт борьбы с преступностью, а результаты исследований использовали в образовательном процессе.

Стремительно развивалось сотрудничество с образовательными организациями зарубежных стран. Так, лучшие курсанты и преподаватели института направлялись для прохождения стажировки и обмена опытом в Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки офицеров милиции общественной безопасности Китайской Народной Республики.

Возглавляя вуз, А. С. Бахта старался привлекать ведущих ученых страны в различных отраслях права для проведения методических семинаров и научных конференций всероссийского и международного уровня.

Будучи ученым-процессуалистом, не забывал он и про кафедру уголовного процесса, где активно участвовал в проведении семинаров и лекций для обучающихся, которые всегда проявляли повышенный интерес к занятиям, проводимым именитым ученым.

При этом стоит отметить, что А. С. Бахта активно занимался научно-исследовательской деятельностью. Так, в 2011 г. во Всероссийском научно-исследовательском институте МВД России (г. Москва) под научным консультированием Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора В. В. Николюка им была защищена докторская диссертация на тему «Механизм уголовно-процессуального регулирования». В 2012 г. решением ВАК Минобрнауки России ему присуждено ученое звание «профессор».

С 2012 г. после реформирования системы МВД России по инициативе А. С. Бахты в институте стали регулярно проводиться этапы всероссийских конкурсов профессионального мастерства среди сотрудников правовых подразделений и участковых уполномоченных полиции «Лучший по профессии». Особое внимание в институте уделялось научной остротенности профессорско-преподавательского состава. В период с 2008 г. по 2015 г. преподавателями института было защищено 22 кандидатских и 4 докторских диссертационных исследования. По данному показателю вуз не раз занимал лидирующие позиции среди образовательных организаций системы МВД России.

Серьезным импульсом в развитии научно-исследовательской деятельности института стало включение в 2015 г. журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, где публикуются результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук.

Все это стало результатом плодотворного труда профессорско-преподавательского состава и, конечно, грамотного руководителя института. За высокие

достижения в научной деятельности Андрею Сергеевичу было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Хабаровского края».

В декабре 2015 г. А. С. Бахта был назначен на должность начальника 5-го факультета, реорганизованного в Высшие академические курсы Академии управления МВД России. Именно здесь колоссальный практический опыт позволил Андрею Сергеевичу не только усовершенствовать деятельность высших академических курсов, но и значительно повысить качество организации образовательного процесса.

Отдав службе в органах внутренних дел долгих 43 года, в 2019 г. Андрей Сергеевич принял решение уйти в отставку.

За столь серьезный период службы Отчизне А. С. Бахта был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, именным наградным оружием — пистолетом Макарова и офицерским кортиком, медалями МВД России «За доблесть в службе», «За безупречную службу», а также другими ведомственными наградами. Пять раз ему объявлялась благодарность министра внутренних дел Российской Федерации. За успехи в научной и педагогической деятельности Андрей Сергеевич удостоен почетных званий «Заслуженный работник образования Омской области», «Заслуженный деятель науки Омской области» и «Заслуженный деятель науки Хабаровского края».

В настоящее время Андрей Сергеевич продолжает активно заниматься научной и образовательной деятельностью на посту директора Омского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Им опубликовано более 80 научных и учебно-методических работ, в том числе в зарубежных изданиях. Под его редакцией вышел научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», он является соавтором ряда авторитетных учебников по уголовному процессу.

Андрей Сергеевич — член диссертационного совета Омской академии МВД России на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки, а также входит в состав редакционных коллегий ведущих научных журналов, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, в которых публикуются результаты диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук.

А. С. Бахта широко востребован в качестве официального оппонента, активно участвует в научно-практических конференциях различного уровня, его труды интересны, обсуждаемы и широко цитируемы.

Большое внимание Андрей Сергеевич уделяет воспитанию молодого поколения ученых. Под его на-

учным руководством защитились такие талантливые ученики, как М. А. Галимова, Е. К. Черкасова, Л. А. Василенко, Ю. Г. Овчинников, А. Б. Судницын, Ю. П. Якубина, И. Н. Нуриев, которые трудятся в различных образовательных организациях и правоохранительных органах нашей страны, продолжая развивать научные идеи своего наставника. Все это подтверждает, что А. С. Бахта является авторитетным ученым в области уголовно-правовых наук.

Андрей Сергеевич честный, бескорыстный, принципиальный и доброжелательный человек, всегда готовый оказать помощь в сложной ситуации. Он Ученый и Педагог с большой буквы.

Отмечая положительные качества уважаемого профессора, восхищаясь его работоспособностью, пожелаем ему крепкого здоровья, счастья, долгих лет жизни, неиссякаемой энергии, талантливых учеников, любящих науку, как их Учитель!

*Кандидат юридических наук И. Н. Нуриев.
Дальневосточный юридический институт имени И. Ф. Шилова
(г. Хабаровск)*

УДК 343.1

А. О. БЕКЕТОВ**Назначение и подготовка судебного заседания по вопросам, указанным в статьях 108, 109 УПК РФ**

В статье исследуется процедура подготовки и назначения судебного заседания по вопросам избрания судом мер пресечения, а также продления сроков их действия. Автор обращает внимание на недостаточную регламентацию процессуального порядка как самого судебного заседания, так и подготовительных действий, осуществляемых судьей в рамках подготовки к его проведению. На основе анализа положений уголовно-процессуального законодательства и практики их применения констатируется фактическое наличие стадии подготовки судебного заседания по рассмотрению соответствующих ходатайств по существу, определяется ее содержание.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, продление срока содержания под стражей, судебное заседание, подготовка и назначение судебного заседания

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает судебный порядок рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с существенным ограничением конституционных прав граждан. В частности, ст. ст. 108 и 109 УПК РФ регламентирован процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока ее действия, применяемый также при избрании и продлении срока мер пресечения в виде запрета определенных действий (чч. 2, 10 ст. 105¹ УПК РФ), залога (чч. 2, 7, 8² ст. 106 УПК РФ), домашнего ареста (чч. 2, 3 ст. 107 УПК РФ). Кроме того, ссылку на указанные нормы содержат положения закона, устанавливающие порядок рассмотрения ходатайства о применении к несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного воздействия по уголовному делу, прекращенному следователем (ч. 2 ст. 427 УПК РФ), и о временном помещении лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также о продлении срока временного пребывания в такой организации (ч. 3 ст. 435 УПК РФ).

Обозначенные вопросы разрешаются в судебном заседании, которое в соответствии с п. 50 ст. 5 УПК РФ является процессуальной формой осуществления правосудия в ходе досудебного производства по уголовному делу. Несмотря на столь высокий статус, придаваемый законодателем, в юридической литературе неоднократно обращалось внимание на весьма лаконичную регламентацию процессуального порядка судебного заседания по разрешению вопросов, указанных в ст. ст. 108, 109 УПК РФ [1]. При этом следует отметить, что подготовительной части такого судебного заседания уделяется не много внимания. Тем не менее надлежащая подготовка к рассмотрению подобного рода ходатайств способствует не только скорейшему их рассмотрению, но и полноценному

обеспечению прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс, что особенно актуально в отношении ходатайств об избрании мер пресечения судом и продлении срока их действия.

В отсутствие надлежащего законодательного регулирования процедуры предварительного рассмотрения судьей ходатайства об избрании меры пресечения и о продлении ее срока исследователи констатируют наличие «буферного» этапа рассмотрения ходатайства [2, с. 44–47], выделяют в качестве субинститута подготовку рассмотрения ходатайства о применении мер пресечения и продлении сроков их действия в структуре уголовно-процессуального института «подготовка к судебному заседанию в досудебном производстве» [3, с. 14], именуют «процедурой предварительного изучения поступившего материала» [4, с. 66–79]. При этом В. Ю. Стельмах совершенно справедливо отмечает, что данная процедура «в известной мере аналогична стадии назначения и подготовки судебного заседания» [4, с. 70].

Верховный Суд Российской Федерации также констатирует необходимость проведения подготовительных действий при поступлении ходатайств об избрании и продлении срока мер пресечения, указывая на возможность их возвращения без рассмотрения до проведения соответствующего судебного заседания в случае недоставления подозреваемого, обвиняемого в суд, а также в случае если согласие на заявление ходатайства дано лицом, не указанным в ч. 3 ст. 108, чч. 2, 3, 7 ст. 109 УПК РФ¹.

Вместе с тем в науке уголовного процесса и правоприменительной деятельности структура и объем подготовительных действий определяются неоднозначно.

Например, С. С. Крипиевич предлагает установить перечень вопросов, подлежащих разрешению судьей, до начала судебного заседания по рассмотрению ходатайств о применении мер пресечения, предлагая включить в него «определение круга необходи-

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий (пп. 15, 24) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (далее — постановление Пленума ВС РФ № 41). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мых участников, их уведомление и разъяснение им их прав и обязанностей», «получение и рассмотрение ходатайств, их разрешение и выполнение необходимых действий», «проверку процессуальных документов, а в случае их отсутствия — их истребование у инициатора ходатайства». При этом сами представленные документы подлежат проверке на предмет правильности закрепления процессуальных сведений, устанавливается допустимость доказательств, их относимость и достаточность [5, с. 27–35]. Поддерживая позицию о необходимости четкого определения перечня вопросов, разрешаемых в подготовительной стадии рассмотрения ходатайств органов расследования об избрании меры пресечения и продлении ее срока, считаем включение в данный перечень всех приведенных вопросов излишним.

Целью подготовки судебного заседания по рассмотрению вопросов, указанных в ст. ст. 108, 109 УПК РФ, является установление наличия препятствий для рассмотрения поступившего ходатайства в судебном заседании и создание условий для его своевременного рассмотрения. Данная цель и определяет круг вопросов, разрешаемых судьей на данном этапе. По нашему мнению, к их числу следует отнести:

— *определение подсудности поступившего ходатайства* (территориальной и иной, специально предусмотренной законом — «специальной»). Территориальная подсудность рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения определяется по месту производства предварительного расследования (по месту нахождения следственного органа) либо по месту задержания подозреваемого (обвиняемого). Последнее правило применяется только при задержании преследуемого лица на значительном отдалении, препятствующем доставлению в суд по месту производства предварительного расследования в установленные законом сроки. Иное толкование в данном случае позволило бы правоприменителю определять подсудность по собственному усмотрению. Территориальная подсудность рассмотрения ходатайства о продлении срока меры пресечения определяется по месту производства предварительного расследования либо по месту содержания обвиняемого под стражей (ч. 8 ст. 109 УПК РФ). Условно обозначенная нами как «специальная» подсудность, обуславливающая состав и уровень суда, рассматривающего соответствующее ходатайство, определяется в случае избрания и продления меры пресечения в отношении судьи (ч. 6 ст. 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»), а также в случае продления срока меры пресечения свыше 12 месяцев (ч. 3 ст. 109 УПК РФ);

— *наличие соответствующего полномочия у должностного лица по обращению в суд*. Правом на обращение в суд с соответствующим ходатайством обладает только следователь или дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело, а также при производ-

стве предварительного следствия следственной группой, а дознания — группой дознавателей — соответственно, руководителем следственной группы и руководителем группы дознавателей;

— *наличие согласия субъекта контроля или надзора (при необходимости), а также согласия соответствующего органа при применении меры пресечения в отношении отдельной категории лиц* (ст. 450 УПК РФ). Судья вправе рассматривать только такие ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, которые возбуждены, внесены с согласия должностных лиц, указанных в ч. 3 ст. 108 и чч. 2, 3, 7 ст. 109 УПК РФ². При этом необходимо учитывать положения ч. 5 ст. 39 УПК РФ о наделении конкретных руководителей следственных подразделений процессуальным статусом руководителя следственного органа;

— *доставление подозреваемого (обвиняемого) в суд (либо наличие сведений об обстоятельствах, исключающих возможность его участия в судебном заседании непосредственно, и возможности его участия в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи (далее — ВКС))*. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» установил, что при наличии обстоятельств, исключающих возможность участия подозреваемого или обвиняемого в судебном заседании непосредственно, судом может быть принято решение о его участии путем использования систем ВКС. Вместе с тем следует отметить, что нормативного закрепления перечень таких обстоятельств не получил, определение «исключительности» обстоятельств возложено на суд. При этом в судебное заседание, соответственно, подозреваемый или обвиняемый не доставлен по усмотрению следователя (дознавателя) и недостаточная мотивировка или подтверждение обстоятельств, препятствующих доставлению, могут повлечь возвращение ходатайства без рассмотрения, что негативно связывается на обеспечении прав задержанного лица. Кроме того, при наличии указанных обстоятельств, как справедливо отмечает А. В. Павлов, инициатор должен создать условия по организации и проведению судебного заседания с использованием ВКС [6, с. 54–57];

— *наличие материалов, обосновывающих ходатайство, а также содержащих сведения о возбуждении уголовного дела, процессуальных сроках его расследования, о применении к подозреваемому (обвиняемому) мер процессуального принуждения, о лицах, имеющих право на участие в судебном заседании, и их надлежащем уведомлении*.

Отсутствие сведений, позволяющих разрешить какой-либо из приведенных вопросов, исключает возможность открыть судебное заседание для разрешения ходатайства по существу и влечет принятие

² Пункт 24 постановления Пленума ВС РФ № 41.

решения о возвращении указанного ходатайства следователю, дознавателю без рассмотрения.

Представляется, что установление отсутствия обстоятельств, препятствующих разрешению ходатайства органа расследования, завершает стадию подготовки судебного заседания по рассмотрению соответствующего ходатайства по существу. В отличие от стадии производства по уголовному делу, на данном этапе вынесения решения о назначении судебного за-

седания не требуется, в том числе ввиду существенно сокращенных сроков, отведенных для рассмотрения ходатайства по существу. Более того, уведомление и обеспечение участия подозреваемого (обвиняемого), его защитника, прокурора и потерпевшего при избрании меры пресечения возложено на орган расследования, что также ставит вопрос о порядке назначения судебного заседания и разрешения вопроса, указанного в п. 1 ч. 2 ст. 231 УПК РФ.

Список литературы

1. Кальницкий В. В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам : учеб. пособие. Омск, 2009.
2. Дикарев И. С., Юткина С. М. Возвращение судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей // Законность. 2021. № 11.
3. Крипиневич С. С. Институт подготовки к судебному заседанию и формы его реализации в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
4. Стельмах В. Ю. Подсудность при осуществлении судебного контроля в уголовном процессе // Уголовное право. 2023. № 8.
5. Крипиневич С. С. Подготовка к рассмотрению судьей ходатайства о применении меры пресечения в ходе досудебного производства // Мировой судья. 2018. № 9.
6. Павлов А. В. Рассмотрение судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу с использованием систем видео-конференц-связи // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации) : в 2 ч. Орел, 2023. Ч. 2.

Кратковременный внесудебный домашний арест — юридическая бессмыслица или возможная реальность?

Рабочая гипотеза о кратковременном внесудебном домашнем аресте возникла как логическое продолжение обоснования другой сущности — задержания подозреваемого, понимаемого в качестве начального этапа (краткосрочного ареста) заключения под стражу. Сложность судебной процедуры разрешения вопроса об избрании меры пресечения, включающей заслушивание лица, в отношении которого возбуждено ходатайство, исследование материалов, представляемых в обоснование ходатайства, а также высокая степень вероятности ненадлежащего поведения преследуемого лица предполагают наличие предварительного соразмерного внесудебного ограничения свободы его передвижения. Если в случае с ходатайством о заключении под стражу обеспечительную роль играет институт задержания подозреваемого, то применительно к другим мерам пресечения, избираемым в судебном порядке, подобная обеспечивающая процедура не предусмотрена.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, кратковременный арест, домашний арест

1. Кратковременный внесудебный домашний арест — это, на наш взгляд, гипотетически возможная мера принуждения, обеспечивающая производство по уголовному делу, в частности избрание в судебном порядке домашнего ареста и запрета определенных действий. Юридическая природа предлагаемой обеспечительной меры подобна природе задержания подозреваемого, рассматриваемого не в криминалистическом (широком) смысле, а в качестве кратковременного помещения лица в изолятор временного содержания (далее — ИВС). В связи с этим дальнейшее изложение по обоснованию выдвигаемого предложения построим в следующем порядке: сущность задержания как уголовно-процессуальной меры принуждения; подчиненный характер задержания по отношению к мере пресечения в виде заключения под стражу; фактическая востребованность помещения лица в ИВС для обеспечения судебной процедуры избрания меры пресечения в виде заключения под стражу; непригодность задержания подозреваемого (в силу несоразмерности реализуемого ограничения) для обеспечения судебного порядка избрания иных, помимо заключения под стражу, мер пресечения; кратковременный внесудебный домашний арест — обеспечительная мера принуждения, предшествующая применению домашнего ареста и запрета определенных действий, как менее жесткий аналог задержания подозреваемого.

2. Несмотря на сохраняющиеся расхождения в трактовке задержания подозреваемого (это либо уличный захват и удержание правонарушителя, осуществляемые полицией или широким кругом иных лиц, либо исключительно процессуальная мера, находящаяся в компетенции должностных лиц органов расследования и применяемая по возбужденному уголовному делу), на наш взгляд, усилием ряда авторов сформирована весьма убедительная позиция, согласно которой задержание подозреваемого — это не что иное, как решение о помещении лица в ИВС.

А. А. Давлетов пишет, что задержание как мера уголовно-процессуального принуждения — оформленный протоколом кратковременный (до 48 часов) арест лица, подозреваемого в совершении преступления, применяемый следователем, дознавателем при наличии предусмотренных законом условий, основания и мотива, в целях проверки причастности задержанного к совершению расследуемого преступления и решения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу [1, с. 116].

По смыслу позиции Б. Б. Булатова, сущность задержания состоит в кратковременном лишении свободы лица (до 48 часов), подозреваемого в совершении преступления, и помещении его в ИВС [2, с. 55–58]. Эти и другие ученые настаивают на решительном размежевании задержания-захвата и задержания-решения о реализации меры принуждения, иначе говоря, на разграничении фактического и юридического задержания.

3. Действующее регулирование задержания подозреваемого эклектично. Давно обращено внимание, что основания задержания сформулированы в ст. 91 УПК РФ не через категории «фактические данные (доказательства)» или «сведения», что выступало бы признаком правового (процессуального) характера данной меры, а посредством описания ситуации, которая может быть воспринята любым лицом как повод для действий по захвату правонарушителя.

По нашему мнению, существенный дисбаланс в институт задержания внесли новации УПК РФ, которыми введено понятие «фактическое задержание» (пп. 11, 15 ст. 5 УПК РФ), являющееся, по версии разработчиков закона, начальным моментом задержания подозреваемого как меры принуждения. Сделано это с благой целью обережения граждан от необоснованного ограничения свободы. Однако произошла деформация ранее выработанной (на основе УПК РСФСР 1960 г. и Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых

в совершении преступления 1976 г.) конструкции задержания подозреваемого, осуществляемого для достижения двуединой цели — выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу. Понятие «фактическое задержание», используемое в предшествующем законодательстве для обозначения случаев, когда орган дознания исполняет принятое в рамках уголовного дела процессуальное решение о задержании, наполнилось другим смыслом.

Современное понятие «фактическое задержание», предусмотренное для отсчета времени удержания лица, впоследствии кратковременно арестованного, стало претендовать на выражение сущности задержания: фактический захват — это якобы и есть задержание подозреваемого. Получается, что потребность полного учета времени ограничения свободы вызвала перенос акцента в понимании того, что есть задержание. Иными словами, для того чтобы максимально учесть весь период удержания лица, законодатель предусмотрел следующий порядок: время удержания включается в 48-часовой срок задержания, срок задержания входит в срок заключения под стражу, последний — в срок наказания. Формально цель достигнута, все институты соблюдены, кроме, на наш взгляд, одного — института задержания, который оказался «смятым», деформированным и неэффективным в силу предельно малого его срока, оставшегося после вычитания из 48 часов времени непроцессуального удержания лица. Более того, не является откровением, что замысел законодателя на практике в идеальном (задуманном) варианте весьма часто не исполняется. Правоприменители вынуждены под любым предлогом сдвигать начало исчисления срока задержания к моменту принятия решения о водворении лица в ИВС, с тем чтобы обеспечить предстоящую процедуру заключения под стражу. Повинны в такой ситуации в большей степени не следователи и дознаватели, а разработчики закона, поставившие правоприменителей в безальтернативное положение.

Между тем, по нашему мнению, имеется более эффективный способ установления и учета времени фактического ограничения свободы лица, подозреваемого в совершении преступления. Полагаем, необходимо дополнить ч. 1 ст. 73 «Обстоятельства, подлежащие доказыванию» УПК РФ новым самостоятельным пунктом — «время с момента фактического ограничения личной неприкосновенности лица в связи с уголовным преследованием до начала применения в отношении данного лица мер процессуального принуждения или привлечения его к производству следственных действий». Будучи элементом предмета доказывания, данное обстоятельство станет исследоваться по правилам

уголовно-процессуального доказывания, что, конечно же, предпочтительнее практически административного фиксирования времени задержания в протоколе на основании недостаточно проверенных первичных сведений. Доказанный период фактического ограничения свободы уголовно преследуемого лица будет включен в срок наказания напрямую либо через срок заключения под стражу. При оправдании лица процессуально установленный срок ограничения личной свободы может быть учтен при компенсации морального вреда. Срок задержания, предназначенный для обеспечения судебного рассмотрения ходатайства о заключении под стражу, окажется свободным от необходимости вычитывать из него столь необходимые органам расследования часы и минуты.

4. В сложившихся условиях, когда мера пресечения в виде заключения под стражу избирается исключительно судом, предварительный внесудебный кратковременный арест лица, в отношении которого готовится ходатайство об избрании данной меры пресечения (задержание подозреваемого), становится обязательным элементом процессуального порядка. Если в рамках прежнего законодательства санкция прокурора могла быть выдана заочно и на основе текущего изучения материалов дела, то судебное разбирательство предполагает непосредственное заслушивание пояснений преследуемого лица, а также исследование в судебном заседании материалов уголовного дела с участием сторон. Соответственно, если помещение лица в ИВС до санкции прокурора в отдельных ситуациях могло быть признано не вызванным необходимостью, т. е. необоснованным [3, с. 32; 4, с. 79], то обеспечение судебного рассмотрения ходатайства о взятии лица под стражу в любых случаях востребует предварительный кратковременный внесудебный арест.

5. В судебном порядке избираются также домашний арест, запрет определенных действий, залог. Возникает естественный вопрос: выступает ли кратковременный внесудебный арест (задержание подозреваемого) обеспечительной мерой для избрания судом иных, помимо заключения под стражу, мер пресечения? На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос должен быть однозначно отрицательным, поскольку строгость обеспечительной меры принуждения обязана соотноситься со строгостью испрашиваемой у суда меры пресечения. В литературе встречаются иные суждения. Так, С. Б. Россинский считает, что задержание подозреваемого применяется в целях избрания заключения под стражу или домашнего ареста, т. е. меры пресечения «арестантского характера» [5, с. 48]. К сожалению, практика также порой исходит из возможности задержания подозреваемого для целей избрания домашнего ареста*. Считаем, что в случае

* Постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста от 25 июня 2023 г., вынесенное следователем ОРПТО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Омску по уголовному делу № 12301520050000505.

возбуждения перед судом ходатайства об избрании домашнего ареста преследуемое лицо не может содержаться в ИВС, постановлением следователя (дознателя) оно должно быть освобождено из заключения.

Рассматривая ходатайство о заключении под стражу, суд, конечно же, вправе применить менее строгую меру пресечения. Однако не переменным является то, что орган расследования исходил из необходимости избрания именно заключения под стражу. Только такая цель делает законным помещение лица в ИВС. В отдельных случаях суд вправе, рассмотрев ходатайство о взятии под стражу, принять решение об избрании залога. При подтверждении обоснованности задержания его срок может быть продлен до внесения залога, но не более чем на 72 часа. Суд тем самым использует задержание в механизме применения залога, но, повторим, задерживалось лицо в целях заключения под стражу, вероятность которого сохраняется, если залог не будет внесен.

6. Если мы исходим из посылки, что задержание подозреваемого, представляющее собой кратковременный внесудебный арест лица, который применяется исключительно в целях решения вопроса о заключении под стражу, возникает другая проблема — о способах обеспечения судебного рассмотрения ходатайств об избрании иных мер пресечения. Принципиальных различий в порядке исследования судом материалов в зависимости от вида меры пресечения нет. К любому ходатайству должны быть приобщены копии процессуальных документов, подтверждающих причастность лица к преступлению, указывающих на его возможное ненадлежащее поведение, подтверждающих или исключающих обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения. Все материалы, в том числе пояснения преследуемого лица, исследуются судом непосредственно, что предполагает предварительное собрание доказательств и организацию участия подозреваемого в судебном заседании. Мерой, обеспечивающей собрание доказательств и участие преследуемого лица в судебном заседании, на наш взгляд, может выступить предварительный внесудебный домашний арест.

7. Предлагаемая обеспечительная мера в виде кратковременного внесудебного домашнего ареста конструируется по аналогии с задержанием подозреваемого при следующих основных нюансах:

— применяется в целях избрания мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий. В целях избрания залога внесудебное ограничение свободы лица в домашних условиях неприменимо, поскольку, во-первых, такая мера строже, чем временное ограничение права распоряжаться имуществом, во-вторых, с учетом специфики залога, который, по мнению большинства ученых и практиков, применяется по инициативе залогодателя, судебная процедура здесь особенная.

Обосновывается точка зрения, что она вообще излишня [6, с. 145];

— применительно к запрету определенных действий кратковременный внесудебный домашний арест мог бы использоваться только при испрашивании у суда разрешения на запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ);

— решение о кратковременном внесудебном домашнем аресте оформляется постановлением следователя (дознателя), а не протоколом, как задержание. С учетом отсутствия, как правило, экстренной неотложности в такой мере можно предусмотреть порядок, предполагающий предварительный контроль или надзор в виде согласия соответственно руководителя следственного органа и прокурора;

— режим исполнения кратковременного внесудебного домашнего ареста должен быть аналогичным режиму исполнения домашнего ареста в качестве меры пресечения, а также не исключено содействие в этом полиции в порядке разового поручения.

8. Отдаем себе отчет в том, что выдвинутое предложение о включении в уголовно-процессуальное законодательство меры принуждения в виде кратковременного внесудебного домашнего ареста требует дальнейшего всестороннего изучения. По сути, в материале использован своеобразный прием эпатажа, когда предлагается то, что вряд ли в среднесрочной перспективе осуществимо, но делает более понятным намерение предлагающего. Через очерчивание контуров новой меры принуждения, являющейся, по нашему мнению, подобием задержания подозреваемого, хотелось рельефнее оттенить сущность задержания как кратковременного внесудебного ареста преследуемого лица, являющегося первым этапом в процедуре применения к нему заключения под стражу.

Немаловажной целью данного изложения выступает попытка заострить внимание на значении судебного заседания, проводимого в порядке ст. 108 УПК РФ для обеспечения как публичных, так и частных интересов. Чтобы стать эффективным, оно само должно быть организационно и информационно обеспечено личным участием преследуемого лица, а также качественными материалами уголовного дела, которые формируются в момент возбуждения перед судом соответствующего ходатайства. Поэтому судебному порядку избрания мер пресечения должно предшествовать конституционно допустимое внесудебное удержание заподозренного лица до 48 часов, соизмеримое по строгости с избираемой мерой пресечения. Данный относительно небольшой срок выполняет публично-правовую функцию, предназначен для обеспечения судебного рассмотрения ходатайства органа дознания и следователя и должен быть защищен от уменьшения по какой бы ни было причине.

Список литературы

1. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций. 4-е изд. Екатеринбург, 2016.
2. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003.
3. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М., 1980.
4. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999.
5. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография. М., 2019.
6. Диваев А. Б. К вопросу об эффективности мер пресечения // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова / пред. редкол. А. В. Павлов. Омск, 2024.

Правовая природа и отраслевая принадлежность деятельности по исполнению мер процессуального принуждения

Рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности по исполнению мер уголовно-процессуального принуждения, делается вывод о том, что правоотношения, возникающие в ходе исполнения мер принуждения, помимо норм уголовно-процессуального права, регулируются положениями иных отраслей права, при этом первые из них обладают приоритетом. Формулируются предложения по гармонизации разрозненных правовых предписаний, регламентирующих исполнение мер процессуального принуждения.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, применение, исполнение, правовая природа, отраслевая принадлежность

Правоотношения, складывающиеся в ходе исполнения мер уголовно-процессуального принуждения, возникают с момента фактической реализации соответствующего решения и прекращаются с ее отменой, в отдельных случаях — с истечением срока ее применения. Для понимания сущности данных правоотношений рассмотрим вопросы правовой природы и отраслевую принадлежность деятельности по исполнению мер процессуального принуждения.

Под «правовой природой» понимается сущность, основное свойство чего-либо [1, с. 227]. Исследование указанного понятия на предмет отраслевой принадлежности, по мнению ученых, заключается в определении соотношения актов общего законодательства и специального [2, с. 24–25]. В связи с этим определить правовую природу, по мнению И. В. Матвеева, означает установить место правового явления в системе права с выявлением его специфических существенных признаков [2, с. 25]. Исследование правовой природы деятельности по исполнению мер процессуального принуждения будет состоять в установлении ее места в механизме их реализации и выявлении характерных признаков, позволяющих отграничить рассматриваемую деятельность от других процессов (избрания, применения), что, в итоге, позволит определить ее отраслевую принадлежность.

Системно-логическое понимание норм уголовно-процессуального законодательства показывает, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) устанавливает только порядок применения мер принуждения и лишь частично регламентирует процедуру их исполнения. При этом законодателем во многом оправдано использование положений семейного и гражданского законодательства. Например, они применяются в целях определения лиц, на которых возлагается обязанность по воспитанию детей, в рамках исполнения меры пресечения, предусмотренной ст. 105 УПК РФ (ст. ст. 63, 64, 148¹ Семейного кодекса РФ, ст. ст. 35, 36 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»).

О комплексном нормативном правовом регулировании данных правоотношений можно говорить,

анализируя также вопросы ответственности лиц, присматривающих за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). Нарушение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) может повлечь не только применение уголовно-процессуальных санкций, но и ответственность, предусмотренную нормами административного и уголовного законодательства (ст. 5.35 КоАП РФ, ст. 156 УК РФ). О применении не только норм УПК РФ, но и других федеральных законов можно вести речь при исполнении иных мер принуждения, таких как привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и ценные бумаги. Так, порядок применения судебными приставами, а также органами внутренних дел физической силы, специальных средств и оружия для осуществления привода осуществляется в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Правовой основой применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности являются не только положения уголовно-процессуального закона, но и нормы трудового законодательства. Статьей 76 Трудового кодекса РФ предусмотрено отстранение от работы работника по требованию органов или должностных лиц, уполномоченных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Учитывая положения трудового и уголовно-процессуального законодательства, подозреваемый (обвиняемый), временно отстраненный от должности, продолжает оставаться субъектом трудовых правоотношений, но на период предварительного расследования реализация им должностных обязанностей приостанавливается. При этом указанное лицо имеет право на получение ежемесячного государственного пособия в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации. Размер такой выплаты определяется нормами федерального законодательства и подзаконными актами. При отстранении от должности так называемых статусных подозреваемых

мых или обвиняемых применяются федеральные законы, регламентирующие их правовой статус.

Специфические правоотношения складываются в ходе исполнения меры принуждения, предусмотренной ст. 115 УПК РФ. Она реализуется не только через уголовно-процессуальные механизмы, но и посредством применения норм гражданского и гражданско-процессуального законодательства. Так, субъектами правоотношений, возникающих в ходе наложения ареста на имущество, могут быть не только подозреваемый, обвиняемый, но и лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия. Круг этих лиц определен нормами гражданского законодательства (ст. ст. 1068, 1069–1071, 1074, 1077, 1079 ГК РФ) [3, с. 50–53].

Принимая решение о наложении ареста на имущество, следует учитывать, что не все имущество может быть подвергнуто аресту. В его реализации необходимо принимать ограничения, установленные законодателем (ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 101 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Применение отдельных федеральных законов имеет место при наложении ареста на такие виды имущества, как ценные бумаги¹, недвижимость². О регулировании механизма исполнения мер принуждения нормами других отраслей права можно говорить при разрешении вопросов, связанных с восстановлением или заменой предмета залога. В этом случае распространение правил ст. 345 ГК РФ позволяет обеспечить надлежащее исполнение обязательств уголовно-процессуального характера, связанных с применением указанной меры принуждения³.

Помимо федеральных законов, деятельность по исполнению мер принуждения может регулироваться положениями регионального законодательства. Речь идет, например, о мере пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). На региональном уровне приняты законы, направленные на установление мер по предупреждению причинения вреда физическому, психическому, духовному и нравственному развитию детей. Так, Закон Омской области от 25 декабря 2012 г. № 1501-ОЗ «О мерах по предупреждению причинения

вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию на территории Омской области»; Закон Новосибирской области от 12 мая 2013 г. № 111-ОЗ «О защите прав детей в Новосибирской области» устанавливают указанные меры.

Аналогичные законы приняты и действуют и в других субъектах Российской Федерации: постановление администрации Сладковского муниципального района Тюменской области от 27 января 2011 г. № 65 «Об определении мест на территории Сладковского муниципального района, нахождение несовершеннолетних в которых не допускается»; решение Совета Большеуковского муниципального района Омской области от 22 марта 2013 г. № 259 «Об утверждении перечня мест, в которых не допускается нахождение несовершеннолетних в ночное время».

В названных документах определены места, в которых не допускается нахождение детей, а также места, в которых нахождение ребенка в ночное время без сопровождения родителей либо лиц, их заменяющих, ограничено. Напрямую данные нормативные правовые акты не регулируют вопросы исполнения специальной для несовершеннолетнего меры пресечения. Вместе с тем они должны применяться к указанной категории лиц в рамках применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Отдельные вопросы исполнения мер уголовно-процессуального принуждения регламентируются подзаконными актами. Так, ведомственное нормативное регулирование детализирует или восполняет действия, которые в общем виде предусмотрены законодательством. Примером может служить исполнение меры пресечения согласно ст. 104 УПК РФ. На основании данной нормы ограничения в отношении подозреваемого (обвиняемого) военнослужащего могут состоять в принятии мер, предусмотренных уставами Вооруженных Сил Российской Федерации⁴.

В законодательстве зарубежных стран такие меры определены в нормах уголовно-процессуального закона⁵. Такой подход заслуживает внимания, однако не лишен недостатков. Полагаем, что нормами уголовно-процессуального закона целесообразно

¹ О банках и банковской деятельности : федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об акционерных обществах : федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ ; О рынке ценных бумаг : федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ ; О переводном и простом векселе : федеральный закон от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ.

² О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ.

³ На применение гражданско-правовых механизмов при исполнении меры пресечения в виде залога указывает в своем решении Верховный Суд Российской Федерации (п. 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»).

⁴ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») : указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (ст. 149). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460 (дата обращения: 05.12.2023) ; Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (ст. 171). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597 (дата обращения: 05.12.2023).

регламентировать лишь общие вопросы, связанные с исполнением специальной меры пресечения. Учитывая специфику субъектов и особый правовой режим служебных правоотношений среди военнослужащих, представляется целесообразным регулировать механизм исполнения ст. 104 УПК РФ уставами Вооруженных Сил Российской Федерации.

Что касается МВД России, то следует выделить положения, регламентирующие процесс реализации мер уголовно-процессуального принуждения. К ним можно отнести приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», которым предусмотрено проведение сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних профилактической работы в общеобразовательных организациях среди несовершеннолетних правонарушителей. Содействие в проведении мероприятий профилактического характера в отношении указанной категории лиц согласно положениям приказа МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 могут оказать участковые уполномоченные полиции⁶.

Вовлечение в процесс исполнения иных мер уголовно-процессуального принуждения судебных приставов, органов внутренних дел предопределило издание специальных ведомственных нормативных правовых актов⁷, регулирующих эту деятельность

[4, с. 9–12]. Необходимость регламентации порядка исполнения залога обусловило принятие подзаконного акта. Так, действия по передаче (внесению) различных видов имущества, а также порядок их содержания определены Правительством Российской Федерации в соответствующем постановлении⁸. Другие вопросы исполнения залога разрешаются посредством применения нормативных правовых актов различных ведомств и министерств⁹. Специфика регулирования указанной меры пресечения обусловлена возникновением в ходе ее реализации имущественных правоотношений.

Существенное влияние на правоотношения, возникающие в ходе исполнения мер уголовно-процессуального принуждения, оказывает судебная практика. Предметом внимания Европейского суда по правам человека в свое время являлись сроки предварительного заключения лица под стражу¹⁰, условия его содержания¹¹, а также применение альтернативных мер пресечения¹². Высшими судами Российской Федерации принимаются меры, направленные на устранение данных нарушений.

Знаковым при определении сроков содержания под стражей стало постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П, в котором была сформулирована правовая позиция о содержании подозреваемых (обвиняемых) под стражей в пределах сроков, установленных судебным решением¹³. В других решениях российский

⁶ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205.

⁷ Об утверждении Инструкции о порядке исполнения судебными приставами распоряжений председателя суда, судьи или председательствующего в судебном заседании и взаимодействия судебных приставов с должностными лицами и гражданами при исполнении обязанностей по обеспечению установленного порядка деятельности судов и участия в исполнительской деятельности : приказ Минюста России от 3 августа 1999 г. № 226 ; Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода : приказ МВД России от 21 июня 2003 г. № 438. В стадии исполнения приговора исполнение привода осуществляется на основании положений приказа Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества».

⁸ Об утверждении Положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности : постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2011 г. № 569.

⁹ См., напр.: Правила учета и хранения драгоценных металлов, драгоценных камней и продукции из них, а также ведения соответствующей отчетности, утвержденные постановлением Правительства РФ от 28 сентября 2000 г. № 731 ; Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде (форма 27 — протокол о принятии залога) : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 ; Об утверждении формы акта приема-передачи предмета залога (недвижимого имущества) : приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2011 г. № 524 ; Об утверждении формы акта приема-передачи ценных бумаг, являющихся предметом залога по уголовному делу : приказ ФСФР России от 13 сентября 2011 г. № 11-40/пз-н.

¹⁰ См., напр.: Дело «Степанов (Stepanov) против Российской Федерации» (жалоба № 33872/05) : постановление ЕСПЧ от 25 сентября 2012 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2013. № 4 ; Дело «Шикута (Shikuta) против Российской Федерации» (жалоба № 45373/05) : постановление ЕСПЧ от 11 апреля 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 6 ; Дело «Тараканов (Tarakanov) против Российской Федерации» (жалоба № 20403/05) : постановление ЕСПЧ от 28 ноября 2013 г. // Там же. № 8 ; Дело «Зимин (Zimin) против Российской Федерации» (жалоба № 48613/06) : постановление ЕСПЧ от 6 февраля 2014 г. // Там же.

¹¹ См., напр.: Дело «Величко (Velichko) против Российской Федерации» (жалоба № 19664/07) : постановление ЕСПЧ от 15 января 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 12.

¹² См., напр.: Дело «Долгов (Dolgov) против Российской Федерации» (жалоба № 11886/05) : постановление ЕСПЧ от 2 марта 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 8 ; Дело «Мамедов (Mamedov) против Российской Федерации» (жалоба № 7064/05) : постановление ЕСПЧ от 1 июня 2006 г. // Там же. № 12.

¹³ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П.

высший судебный орган конституционного контроля указал на необходимость соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства при продлении сроков содержания под стражей¹⁴.

Верховным Судом Российской Федерации принимаются меры, направленные на совершенствование механизма исполнения заключения под стражу, а также рассматриваются вопросы о применении альтернативных мер пресечения. Первыми шагами можно назвать принятие постановления от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», в котором внимание всех судов Российской Федерации обращено на обязанность предотвращения нарушений относительно сроков и допустимых оснований содержания под стражей.

Впоследствии данная правовая позиция была изложена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Обращая внимание на законность содержания подозреваемых (обвиняемых) под стражей, Верховный Суд Российской Федерации, на наш взгляд, в недостаточной степени рассматривал возможность применения альтернативных мер пресечения. Значимую роль, направленную на разрешение данной ситуации, сыграло принятие решения, посвященного не только реализации самой строгой меры пресечения, но и вопросам исполнения залога и домашнего ареста.

Принятое 29 октября 2009 г. постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» можно определить как первое комплексное судебное решение по разъяснению вопросов исполнения мер пресечения, избираемых по решению суда. Следуя данному подходу, Верховный Суд Российской Федерации продолжает уделять особое внимание надлежащей реализации указанных мер принуждения,

о чем свидетельствует постановление от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»¹⁵.

Решения высших судов Российской Федерации оказывают особое влияние на механизм исполнения меры принуждения, предусмотренной ст. 115 УПК РФ. Так, отдельные вопросы наложения ареста на имущество решаются согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Из положений уголовно-процессуального законодательства следует, что указанная мера принуждения имеет длящийся характер, поскольку срок ее применения законом не ограничен¹⁶. Данная правовая позиция была реализована в уголовно-процессуальном законодательстве путем внесения Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ изменений в УПК РФ.

Нельзя не отметить, что особенностью регулирования деятельности по исполнению мер уголовно-процессуального принуждения является применение не только правовых мер, но и средств неправового характера, к которым можно отнести методы воспитательного и морально-психологического воздействия. В целом об их использовании можно говорить в рамках каждой из мер принуждения, но в большей степени они реализуются при осуществлении таких мер пресечения, как подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), залог (если имущество внесено третьим лицом), меры принуждения в виде обязательства о явке.

Проведенный анализ норм уголовно-процессуального и иных отраслей права позволяет сделать следующие выводы.

1. Возникающие в ходе исполнения мер уголовно-процессуального принуждения правоотношения характеризуются многосубъектностью. Кроме норм федерального законодательства, при осуществлении данной деятельности могут применяться нормативные правовые акты регионального уровня. Напря-

¹⁴ См., напр.: *По жалобе гражданина Горского Анатолия Вадимовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О* ; *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Игоря Борисовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 253-О*.

¹⁵ Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), а также возможность отдачи его под присмотр рассматриваются также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

¹⁶ Подробнее см.: *По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П*. Аналогичная позиция высказана и в других решениях (*По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена : постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П*) ; *По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» : постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П*).

мую они не регулируют вопросы исполнения мер уголовно-процессуального принуждения. При этом их применение представляется возможным в части, не противоречащей УПК РФ. Отдельные вопросы регламентированы и другими нормативными правовыми актами (приказами, инструкциями, распоряжениями различных ведомств и министерств, постановлениями Правительства Российской Федерации). Наравне с этим их исполнение осуществляется посредством использования методов воспитательного и морально-психологического воздействия.

2. Правоотношения, складывающиеся в ходе исполнения мер уголовно-процессуального принуждения, различны по своей природе. Они регулируются нормами не только уголовно-процессуального, но и иных отраслей права (таких как административное, уголовно-исполнительное, гражданское, трудовое, семейное). Правоприменитель с учетом комплексного характера правового регулирования вынужден обращаться к разрозненным нормативным правовым актам. При этом приоритет должен быть отдан нормам уголовно-процессуального права.

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и запреты в советском праве. М., 1989.
2. *Комиссарова Е. Г.* Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 2.
3. *Лыга А. П.* О некоторых проблемах правового регулирования и практики наложения ареста на имущество // Уголовно-процессуальные проблемы расследования уголовных дел, подследственных органам внутренних дел : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 23 марта 2020 г.). Иркутск, 2020.
4. *Булатов Б. Б., Николук В. В.* Привод как мера принуждения в стадии исполнения приговора // Российский следователь. 2013. № 13.

УДК 343.1

А. П. ЛЫГА

Соотношение частных и публичных интересов при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве

В статье рассматриваются вопросы соотношения частного имущественного интереса и публичных целей уголовного судопроизводства. Отмечается, что в уголовном процессе наложение ареста на имущество является единственной мерой принуждения, обеспечивающей как частный имущественный интерес, так и публичные цели. Обосновывается, что правовое регулирование и правоприменительная практика не всегда обеспечивают их соразмерное и пропорциональное соотношение. Предложено общее направление дальнейшего развития правового регулирования наложения ареста на имущество.

Ключевые слова: арест имущества, мера принуждения, имущественные права, баланс интересов, пропорциональность

Уголовный процесс является сферой, где частные и публичные интересы взаимодействуют наиболее интенсивно. Их соотношение выступает предметом дискуссии о парадигме уголовного судопроизводства, начиная со второй половины XIX в. [1, с. 6–11]. Плюрализм подходов об их равенстве или преваляровании одного над другим развился в результате эволюции правовой культуры, правосознания российского общества и процессов, сопровождавших политико-правовое преобразование государства. Несмотря на множество названных факторов, ученые той эпохи единственным гарантом обеспечения частного и публичного интересов справедливо называли соблюдение процессуальной формы [2, с. 59; 3, с. 43; 4, с. 10; 5, с. 31; 6, с. 28; 7, с. 22]. Именно в ней мыслители видели средство, позволяющее с помощью публичных механизмов обеспечить согласованность интересов участников процесса.

Принято считать, что в советский период приоритет отдавался интересу общественному. Однако ведущими учеными того периода защита интересов личности не воспринималась как антагонист для обеспечения интересов государства и называлась одной из главных задач уголовного процесса [8, с. 93–94]. Эти воззрения воплотились в ст. 13 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., устанавливавшей императив охраны имущественных прав обвиняемого¹. Последовательное влияние экономических, политических и иных факторов привело к существенному росту значения частного собственнического интереса, что проявилось в действующем правовом регулировании.

Провозглашая в ст. 2 человека, его права и свободы высшей ценностью, Конституция РФ возлагает

обязанность по их защите на государство. Данные установки, на наш взгляд, не следует воспринимать как определяющие верховенство частного интереса над интересами общества и государства. По справедливому мнению В. Д. Зорькина, социальная функция права собственности обуславливает необходимость отыскания баланса и установления пределов его реализации в публичных целях [9, с. 133]. Обозначенный подход развился в знаковых правовых позициях Конституционного Суда РФ. Орган конституционного контроля отмечает, что вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью².

В зарубежной научной литературе и судебной практике ограничение права определяется соразмерным при соблюдении правила пропорциональности, отсутствии других менее принудительных средств, балансе между правом и благом, для восстановления которого право ограничивается, а также при наличии специально предусмотренных законом целей [10, р. 283–397]. Полагаем, это означает, что публичные средства и обеспечиваемые ими цели должны учитывать интересы всех участников процесса.

Двуединое назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и цели наложения ареста на имущество, определенные в ч. 1 ст. 115 УПК РФ, формируют условия, при которых данная мера процессуального принуждения ориентирована на достижение публичных целей и реализацию частных правовых гарантий. Иные средства принуждения, обеспечиваю-

¹ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. С. 15.

² По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П (далее — постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П). Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

щие аналогичные цели применения уголовно-процессуальной формы, нормативно не предусмотрены. Наряду с этим, в механизме наложения ареста на имущество функционируют элементы, регламентированные не только УПК РФ, но и иным отраслевым законодательством. Межотраслевой характер правового регулирования существенно повышает сложность рассматриваемой темы.

Субсидиарный характер применения уголовно-процессуального, гражданского и иного федерального законодательства в ходе наложения ареста на имущество в юридической литературе рассмотрен достаточно подробно [11, с. 41; 12, с. 6–7; 13, с. 42; 14, с. 20; 15, с. 210; 16]. Несмотря на это, проблемы установления перечня лиц, на имущество которых может налагаться арест в публичных целях, обеспечения соразмерности ограничения, порядка защиты и восстановления прав участников судопроизводства при наложении ареста на имущество решаются не всегда неоднозначно.

Основываясь на положениях ст. 115 УПК РФ, к лицам, на имущество которых может налагаться арест, следует относить физических лиц, не поставленных в процессуальный статус³, юридических лиц, подозреваемого, обвиняемого. Соглашаясь с Б. Б. Булатовым и А. С. Дежневым, отметим, что в рамках системных связей УПК РФ с иным федеральным законодательством лицами, несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, необходимо считать субъектов, перечисленных в ст. ст. 1069–1071, 1074–1076, 1079 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и ч. 2 ст. 45 Семейного кодекса РФ [17, с. 11–15].

Особенностью обеспечения частных и публичных интересов при наложении ареста на имущество указанных лиц является предусмотренная законом необходимость установления отсутствия имущества у причинителя вреда (подозреваемого, обвиняемого).

Указанным образом развивается практика обеспечения целей ч. 1 ст. 115 УПК РФ по уголовным делам в отношении частных нотариусов. Имущественную ответственность за причиненный ими вред несет Федеральная нотариальная палата⁴, для наложения ареста на имущество которой должны быть соблюдены существенные условия: отсутствие у нотариуса

личного имущества и недостаточность страховых выплат по договору страхования ответственности нотариуса. Данная процедура весьма затратна по времени и требует последовательной реализации гражданско-правовых и уголовно-процессуальных механизмов. В данном случае закон в большей степени ориентирован на охрану частного имущественного интереса третьих лиц.

Примером реализации в уголовном судопроизводстве положений закона, допускающих субсидиарную ответственность работодателя за действия сотрудника, является практика Верховного Суда РФ о наложении ареста на имущество организаций-работодателей, сотрудники которых причинили имущественный ущерб в результате совершения преступления (ст. 1068 ГК РФ)⁵. Суд отмечает, что при разбирательстве подобных случаев необходимо устанавливать факты нарушения работником трудовых обязанностей⁶. Последнее демонстрирует взаимосвязь деятельности по формированию оснований для наложения ареста на имущество работодателя с предметом доказывания (конкретизирует содержательную сторону события преступления).

В приведенном примере основания и порядок ограничения имущественных прав более простые, что означает их ориентированность в равной мере на достижение целей ч. 1 ст. 115 УПК РФ и обеспечение частного имущественного интереса.

У органов предварительного расследования часто возникают сложности в определении перечня имущества, на которое может налагаться арест. Разрешая этот вопрос, необходимо руководствоваться положениями УПК РФ (п. 13¹ ст. 5), а также нормами иного отраслевого законодательства, определяющими содержание правового статуса субъекта права. Конституционный Суд РФ интерпретирует категорию «имущество» через содержание вещных прав и права требования, поэтому допускает наложение ареста на имущество в виде дебиторской задолженности в целях, предусмотренных ст. 115 УПК РФ⁷. Фактически орган конституционного контроля создал предпосылки для формирования практики наложения ареста на данный вид имущества в рамках уголовного судопроизводства, которые в силу громоздкости процедуры и возможных рисков, следующих из вероятности

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 1-П; По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. В. Ярмаевой : постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П (далее — постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П); Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2(2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2021 г.; Решение Северского городского суда Томской области от 2 февраля 2021 г. по делу № 2-81/2021. Документ опубликован не был; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 июля 2021 г. по делу № 88-15251/2021, 2-353/2020. Документ опубликован не был.

⁴ Об организации страхового дела в Российской Федерации : закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (ст. 3).

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2022 г. по делу № 46-КГ22-24-К6.

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2023 г. № 21-КГ22-11-К5. Документ опубликован не был.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зайцева Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частями второй и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2021 г. № 939-О.

оспаривания в судебном порядке факта неисполнения имущественных обязательств дебитором, не находят развития в реальном правоприменении.

Интересна также позиция Верховного Суда РФ, отмечающего, что юридические лица не отвечают по обязательствам своих участников, следующим из гражданско-правовых отношений⁸. Однако в соответствии с его же рекомендациями арест на имущество юридического лица может налагаться при наличии доказательств его получения в результате совершения преступления (ч. 3 ст. 115 УПК РФ) с последующим возвращением такого имущества законному владельцу⁹. Приведенную позицию не следует рассматривать в качестве противоречий. В последнем случае речь идет о разрешении с использованием средств доказывания вопроса о происхождении имущества, легальность которого является определяющим фактором для принятия решения о применении меры принуждения.

Соотношение частного и публичного интересов при наложении ареста на имущество по уголовным делам о налоговых преступлениях (ст. ст. 198–199⁴ УК РФ) также обладает определенной спецификой. Арест может налагаться на имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому, несмотря на то что вопрос о возмещении вреда ранее был разрешен в порядке гражданского судопроизводства¹⁰. Описанный порядок возможен при условии, что решение по гражданскому делу не исполнено по причине отсутствия у должника (налогоплательщика юридического лица) необходимого количества имущества¹¹. Таким образом, по указанной категории уголовных дел средства возмещения применяются последовательно, комбинированно, в рамках их межотраслевой субси-

диарной связи положений ст. 115 УПК РФ и ст. ст. 15 и 1064 ГК РФ¹².

В исследуемом вопросе нельзя обойти вниманием правовую позицию Пленума Верховного Суда РФ «о соразмерности применяемых ограничений причиненному преступлением ущербу»¹³. Правило соразмерности в данном случае обеспечивает пропорциональное соблюдение частных имущественных прав и достижение публичных целей наложения ареста на имущество.

Вместе с тем подходы правоприменителей к решению вопроса о соразмерности ограничения права собственности в ходе исполнения решения суда о наложении ареста на имущество не всегда соответствуют общим критериям данного правила. Так, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Крым отказано в удовлетворении жалобы на избыточность ареста имущества организации в сумме 51 млн рублей, при том что требования потерпевшего после возбуждения уголовного дела были скорректированы в сторону уменьшения (до 29 млн рублей). Отказ обоснован неустановлением всех обстоятельств, подлежащих доказыванию¹⁴. Аналогичный подход встречается в практике других федеральных судов¹⁵. В оценке обоснованности отказа в удовлетворении жалоб по указанному основанию мы поддерживаем позицию А. В. Луданиной, указавшей на несоответствие подобных решений критериям соразмерности и пропорциональности [17, с. 68–75]. Кроме того, позитивной оценки заслуживает позиция судов, отменяющих решения нижестоящих инстанций, не принявших во внимание стоимость имущества, на которое налагается арест¹⁶, не учитывающих отсутствие оснований для примене-

⁸ *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № 48-КГ22-25-К7.*

⁹ *Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 УПК РФ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 марта 2019 г.*

¹⁰ *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 января 2022 г. № 5-КГ21-166-К2 ; Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2021 г. № 45-КАД-20-9-К7 ; О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50).*

¹¹ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефремова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и четвертой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 октября 2020 г. № 2586-О ; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2022 г. № 49-УД22-18-К6.*

¹² *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 сентября 2021 г. № 18-КГ21-71-К4, 2-5368/2019 ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2021 г. № 73-КГ20-5-К8, 2-2686/2019 ; По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199³ Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П.*

¹³ *О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19.*

¹⁴ *Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 17 августа 2020 г. по делу № 3/6-206/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LdwPAwU3fRWX/> (дата обращения: 07.04.2023).*

¹⁵ *Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Калмыкия от 13 апреля 2020 г. по делу № 3/6-3/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Kjoc5MGUqJYU/> (дата обращения: 07.04.2023).*

¹⁶ *Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 июня 2016 г. по делу № 10-12066/2016 ; Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 декабря 2020 г. по делу № 3/6-162/2020 ; Апелляционное определение Астраханского областного суда от 5 марта 2020 г. по делу № 3/6-432/19 ; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 декабря 2021 г. по делу № 7У-12693/2021.*

ния конфискации имущества¹⁷ или не устанавливающих цели ареста имущества¹⁸ и не удостоверившихся в принадлежности имущества конкретному лицу¹⁹.

Предписания ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 160¹ УПК РФ применяются для обеспечения гражданского иска. Данная мера носит отложенный характер, фактическое восстановление нарушенных имущественных прав происходит после вступления в силу приговора суда. Полагаем, что правовое регулирование в этой части не способствует восстановлению нарушенных имущественных прав потерпевшего по уголовным делам, по которым предметом хищения выступают безналичные денежные средства (например, дистанционные мошенничества), а лицо, причастное к совершению преступления, не установлено. Для достижения этой цели ч. 9 ст. 115 УПК РФ предусматривает специальный, преюдициальный порядок возврата безналичных денег.

Закрепленная в законе процедура весьма затратна по времени, связана с несением потерпевшим дополнительных расходов на представительство в гражданском суде. Иной порядок, например, состоящий в производстве выемки безналичных денежных средств (фактическом обналичивании и передаче средств потерпевшему), на наш взгляд, явно не соответствует закону. Главным фактором этого следует признать отсутствие преюдициального характера решений суда о наложении ареста на имущество и разрешении производства выемки в банковском учреждении. Несмотря на данное обстоятельство, такая практика в некоторых регионах существует.

Наложение ареста на имущество является востребованной мерой процессуального принуждения²⁰. Она применяется на большинстве стадий уголовного судопроизводства [18, с. 10]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость рассмотрения вопроса о соотношении публичных и частных интересов через содержание деятельности властных субъектов по установлению имущества, подлежащего аресту. Он (в прямой постановке) связан с соблюдением правила о соразмерности предполагаемого ограничения и пределами осуществления деятельности компетентных лиц.

Момент начала деятельности по установлению имущества, подлежащего аресту, в законе не определен. Ее правовая природа не является исключительно уголовно-процессуальной. Она, в соответствии с положениями Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»,

должна осуществляться в процессе документирования преступления, т. е. до регистрации сообщения о преступлении и начала процессуальной проверки.

Для судебных стадий производства по уголовному делу предусмотрен иной порядок. Суд принимает решение в порядке ст. 230 УПК РФ, которое выполняется органами принудительного исполнения. В данном случае перечень используемых ими средств регламентирован Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Деятельность по исполнению решения суда на данном этапе существенно отличается от соответствующего порядка на предварительном расследовании (возбуждается исполнительное производство, «должник» может добровольно передать имущество, в противном случае его наличие устанавливается приставом-исполнителем, происходит его опись и наложение ограничений). Кроме того, в данной ситуации вопрос о соразмерности ограничений может разрешаться в сторону кратного превышения суммы исполнительного документа²¹, что для досудебного производства по уголовному делу недопустимо. Это означает, что подходы к обеспечению прав и интересов участников процесса в зависимости от стадии процесса не отличаются единообразием.

Отдельного внимания заслуживает проблема обоснованности сохранения обеспечительных мер в отношении имущества третьих лиц после вступления приговора суда в законную силу, которая долгое время оставалась нерешенной, на что справедливо указывал Конституционный Суд РФ²². Изменения ч. 2 ст. 309 УПК РФ, принятые в 2023 г., внесли в этой части определенную ясность. Законодатель пришел к выводу о необходимости отмены меры принуждения и передачи копий материалов уголовного дела, необходимых для рассмотрения гражданского дела, в суд с соблюдением требований о подсудности. Такое решение повышает уровень правовой охраны и обеспеченности частных имущественных гарантий третьих лиц, но интересы потерпевших остались без должного внимания. В измененном механизме законодатель не учел возможности отчуждения или сокрытия имущества после отмены уголовно-процессуального ареста и до принятия обеспечительных мер в гражданском порядке.

Подводя итог, отметим, что вектор политико-правового развития России, выдерживаемый последние десятилетия, способствует преобразованию нормативного регулирования наложения ареста

¹⁷ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 февраля 2020 г. по делу № 77-179/202.

¹⁸ Постановление Президиума Верховного Суда Республики Калмыкия по делу № 44У-13/2017.

¹⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2021 г. № 77-706/2020.

²⁰ По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2018–2022 гг. судами рассмотрено 2841 ходатайство о наложении ареста на имущество, из них удовлетворено 2572 ходатайства; рассмотрено 29 386 ходатайств о продлении срока ареста имущества; удовлетворено 350 928 гражданских исков на сумму более 167 млрд рублей; принято 16 765 решений о применении меры уголовно-процессуального характера в виде конфискации имущества и 403 669 решений о применении уголовного наказания в виде штрафа. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.02.2023).

²¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П.

на имущество в русле повышения обеспеченности частных интересов. Высокие требования к их защите усиливают потребность в развитии корреляции норм УПК РФ с иным отраслевым законодательством. Особенно это проявляется во взаимосвязи содержания частного интереса и интенсивности применения потенциала публичных средств, ограничивающих частные имущественные права.

Следуя общепринятым доктринальным установкам, законодательная конструкция механизма нало-

жения ареста на имущество обеспечивает подчинение частного имущественного интереса публичным целям меры принуждения. Фактически это означает, что в правовом регулировании наложения ареста на имущество соотношение частных и публичных интересов не всегда распределено равномерно. При этом необходимость приведения его в состояние, при котором каждый из них будет учтен в максимальной степени и согласован с назначением уголовного судопроизводства, представляется очевидной.

Список литературы

1. Ковалевский М. И. Учение о личных правах : монография. М., 1906.
2. Люблинский П. И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб., 1906.
3. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905.
4. Полянский Н. Н. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции. М., 1911.
5. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. СПб., 1913.
6. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям : в 2 т. Киев, 1891. Т. 2.
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.
9. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007.
10. Grimm D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence // The University of Toronto Law Journal. 2007. № 2.
11. Баландюк О. В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
12. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, связанными с наложением ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) // Российский следователь. 2011. № 17.
13. Дык А. Г. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Смоленск, 2007.
14. Прасковьян Д. А. Обеспечение гражданского иска в досудебных стадиях по УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
15. Тимошенко В. А. Гражданский иск в уголовном процессе: понятие, правовая природа и особенности реализации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1.
16. Чернова С. С. Денежное взыскание и наложение ареста на имущество и ценные бумаги как меры уголовно-процессуального принуждения // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 29. URL: <http://www.e-koncept.ru/2014/14846.html> (дата обращения: 11.02.2024).
17. Луданина А. В. Оценка стоимости имущества при наложении на него ареста: как применять принцип соразмерности // Уголовный процесс. 2022. № 12.
18. Безлепкин Б. Т. Имущественные отношения в стадии предварительного расследования. Горький, 1976.
19. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Участники уголовного процесса, на имущество которых может быть наложен арест // Законодательство и практика. 2021. № 2.

Задержание заподозренного лица при рассмотрении сообщения о преступлении

В статье обосновывается допустимость задержания лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Указывается, что кратковременное лишение свободы лица, формально не обладающего статусом подозреваемого, возможно при наличии оснований, определенных в ст. 91 УПК РФ. Обращается внимание на то, что такая мера процессуального принуждения может применяться субъектом, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, за которое установлено наказание в виде лишения свободы.

Ключевые слова: задержание, подозреваемое лицо, проверка сообщения о преступлении

Уголовное дело может быть возбуждено как по факту совершения преступления, так и в отношении конкретного лица. Более того, по ряду преступлений уголовные дела могут быть возбуждены только в отношении определенного лица. Например, к таким деяниям можно отнести превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа (ст. 286¹ УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и т. д. Вынесению данного процессуального решения предшествует проверка сообщения о преступлении в отношении конкретного лица, которое не имеет процессуального статуса. Закон именует его лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Это лицо фактически подозревается в совершении преступления, но формально подозреваемым не является и станет таковым, если в отношении него будет возбуждено уголовное дело. Возникает вопрос, каким образом обеспечить участие такого лица в проверке сообщения о преступлении. Возможны разные ситуации, разрешение которых, на наш взгляд, зависит от квалификации выявленного преступления и, следовательно, от санкции, предусмотренной за его совершение.

Ситуация первая. Выявлены признаки преступления, за которое не может быть назначено наказание в виде лишения свободы. Например, использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ). В случае установления в ходе проверки сообщения о данном преступлении подозреваемого лица оно не может быть задержано по подозрению в совершении преступления, поскольку данная мера принуждения используется в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено лишение свободы (ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Таким образом, правоприменитель, производящий проверку сообщения о преступлении, вправе лишь вызвать это лицо для получения объяснения и (или) осуществления в отношении него других процессуальных действий (например, освидетельствования). После выполнения необходимых действий данное лицо не может быть задержано.

Ситуация вторая. Выявлены признаки преступления, за которое может быть назначено наказание

в виде лишения свободы, например разбоя (ст. 162 УК РФ). В случае захвата или установления в ходе проверки сообщения о подобном преступлении подозреваемого лица возникает необходимость его удержания в органе внутренних дел, поскольку оставлять такое лицо на свободе нельзя по мотиву одной лишь опасности содеянного. Вполне логично возникает вопрос о том, каким законным способом можно изолировать данное лицо в ходе проверки сообщения о преступлении в подобной ситуации.

Из всех мер процессуального принуждения следует обратить внимание на задержание подозреваемого. Высказывается позиция, согласно которой лицо может быть задержано, когда принято решение о возбуждении уголовного дела [1, с. 153]. Задержание может быть применено только по возбужденному уголовному делу [2, с. 157]. Задержание допустимо после возбуждения уголовного дела [3, с. 59]. В стадии возбуждения уголовного дела процессуальное задержание невозможно. Оно допускается лишь после принятия решения о возбуждении уголовного дела [4, с. 118]. Следовательно, запрашивается вывод о том, что задержание лица по подозрению в совершении преступления допустимо по уголовному делу, но не по материалам проверки сообщения о преступлении.

Если согласиться с данной позицией, то подозреваемое лицо необходимо освободить, так как уголовное дело еще не возбуждено. Задержание, предусмотренное ст. 14 Федерального закона «О полиции», (далее — Закон о полиции), в таких случаях также неприемлемо, поскольку в данной норме указано, что лиц, подозреваемых в совершении преступления, полиция вправе задерживать по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Следовательно, подмена процессуального задержания (ст. 91 УПК РФ) полицейским задержанием (ст. 14 Закона о полиции) недопустима.

На наш взгляд, выход из данной ситуации видится в признании того, что задержание подозреваемого лица в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ правомерно до возбуждения уголовного дела. Так, имеет место мнение о том, что задержание представляет собой единственную меру процессуального принуждения,

которая, по общему правилу, применяется исключительно до возбуждения уголовного дела. Процессуальное оформление задержания происходит уже после того, как задержание произведено, т. е. основания и мотивы задержания излагаются в протоколе, составляемом не до, а после задержания [5, с. 265]. Действительно, в главе 12 УПК РФ не указано, что задержание подозреваемого лица допустимо только после возбуждения уголовного дела. Тем не менее не нужно утверждать, что задержание начинается как полицейское, которое затем переходит в процессуальное задержание. Процессуальному задержанию всегда предшествует физическое задержание, т. е. захват лица сотрудниками полиции. На наш взгляд, для документирования захвата лица, подозреваемого в совершении преступления, необходимо применять ведомственное регулирование. Так, оперативный дежурный обязан:

- выяснить основания доставления лица, принять рапорт или протокол о доставлении от сотрудника полиции, который препроводил лицо;
- установить личность доставленного лица, выяснить его место жительства (место пребывания);
- зарегистрировать факт доставления в Книге учета лиц, доставленных в дежурную часть;
- досмотреть доставленное лицо и находящиеся при нем вещи и документы;
- организовать дактилоскопирование доставленного лица;
- проверить доставленное лицо по оперативно-справочным, криминалистическим и розыскным учетам МВД России;
- опросить доставленное лицо о наличии у него хронических заболеваний и жалоб на состояние здоровья;
- поместить доставленное лицо в помещение для задержанных;
- доложить начальнику территориального органа МВД России о доставлении лица и по его указанию передать доставленное лицо, материалы, изъятые вещи дознавателю или следователю¹.

После доставления задержанного лица к следователю ведомственное документирование захвата оканчивается и начинается процессуальное документирование, предусмотренное ст. 92 УПК РФ, т. е. захват трансформируется в меру процессуального принуждения — задержание подозреваемого. Так, после доставления лица к следователю в срок не более трех часов следователь составляет протокол задержания и разъясняет подозреваемому права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, о чем делает отметку в протоколе задержания. С этого момента лицо получает процессуальный статус — подозреваемый. Однако до составления протокола задержания в течение трех часов

следователь как минимум должен оценить представленные материалы, чтобы квалифицировать преступление для определения санкции за его совершение. Должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Кроме того, нужно установить наличие одного из специальных оснований, указанных ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Очевидно, что в такой короткий срок получить повод и основание для возбуждения уголовного дела о преступлении, совершенном доставленным лицом, практически невозможно. На основании этого протокол задержания будет составлен следователем до возбуждения уголовного дела. В то же время уголовное дело как максимум должно быть возбуждено не позднее 24 часов с момента фактического задержания подозреваемого, поскольку следователь должен допросить его в качестве подозреваемого в данный период времени. Допрос допустим только после возбуждения уголовного дела. Кроме того, возможен личный обыск подозреваемого. Указанное следственное действие также проводится только в ходе предварительного расследования. Оперативный дежурный обязан организовать проведение личного обыска задержанного подозреваемого².

Если задержание подозреваемого произошло до возбуждения уголовного дела, то возникает вопрос об исчислении срока задержания. Задержание применяется органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления (п. 11 ст. 5 УПК РФ). При задержании срок исчисляется с момента фактического задержания (ст. 128 УПК РФ). Момент фактического задержания — это момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ). Исходя из смысла последнего положения, срок задержания начинается с фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, в порядке, установленном УПК РФ. Однако это не дает ответа на поставленный вопрос, так как неясно, когда возникает процессуальный порядок фактического лишения свободы передвижения подозреваемого лица. По мнению Ю. Г. Овчинникова, момент фактического задержания четко обозначен в законе, под которым автор понимает момент фактического захвата лица [6, с. 45].

Вряд ли в случае захвата, доставления лица сотрудниками полиции в дежурную часть территориального органа МВД России, а также препровождения доставленного в помещение для задержанных возникает процессуальный порядок лишения свободы передвижения задержанного. Допускается даже причинение вреда задерживаемому лицу, если иными

¹ Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан : приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 (далее — приказ МВД России № 389). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приказ МВД России № 389.

средствами задержать и доставить правонарушителя не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер, что является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 38 УК РФ). Следовательно, захват лица представляет собой применение сотрудниками полиции физической силы, что не охватывается процессуальными правоотношениями.

На этом этапе лишение доставленного свободы осуществляют сотрудники полиции, в том числе оперативный дежурный. Данная деятельность регулируется не УПК РФ, а соответствующим ведомственным нормативным правовым актом³. О каком порядке захвата лица может идти речь, когда обстоятельства его поимки предсказать невозможно, так как они зависят от возникшей ситуации, которая в каждом случае будет разная. В связи с этим нельзя не заметить в содержании п. 15 ст. 5 УПК РФ некоторое противоречие, на что обращали внимание исследователи [7, с. 34]. Кроме того, в силу объективных причин, например отдаленности дислокации ближайшего территориального органа МВД России, отсутствия надлежащего дорожного сообщения, доставление задержанного лица в орган дознания может занять длительное время, вплоть до нескольких часов.

Действительно, в обычном понимании фактическое лишение свободы передвижения лица состоит в наступлении самого факта такого ограничения независимо от того, в каком порядке оно произошло. Однако законодатель указывает, что такой факт должен произойти в порядке, установленном УПК РФ.

На основании ст. 92 УПК РФ процессуальный порядок задержания предусматривает составление органом дознания, дознавателем или следователем протокола задержания. Отсюда напрашивается вывод о том, что фактическое задержание лица состоялось, если составлен протокол задержания. Следовательно, моментом фактического задержания лица является момент составления данного процессуального документа, а срок задержания необходимо исчислять с даты и времени составления протокола задержания. Такую точку зрения уже высказывали исследователи [7, с. 82].

Таким образом, протокол задержания может быть составлен до возбуждения уголовного дела, т. е. в ходе проверки сообщения о преступлении. Если лицо задержано при совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы, тем более относящегося к категории тяжких или особо тяжких, то его задержание в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ является единственным законным способом изоляции до возбуждения уголовного дела по данному преступлению.

Срок задержания подозреваемого (48 часов) начинается с момента составления следователем протокола задержания независимо от возбуждения уголовного дела. Несмотря на то что задержание подозреваемого выступает процессуальной мерой принуждения, тем не менее оно имеет смешанную правовую природу. Данная мера принуждения начинается как административно-служебная деятельность, которая затем перерастает в уголовно-процессуальную.

Список литературы

1. Абдуллоева М. К. Процессуальное оформление задержания подозреваемого в совершении преступления // Академический юридический журнал. 2022. № 1(41).
2. Махов В. Н. О подозреваемом в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1.
3. Кулакова А. А. Фактическое задержание как повод для возбуждения уголовного дела // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2022. № 1(61).
4. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : учеб. пособие. Екатеринбург, 2015.
5. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др. ; под ред. Л. В. Головки. М., 2016.
6. Овчинников Ю. Г. К вопросу обеспечения конституционного права подозреваемого на участие защитника в момент задержания // Адвокатская практика. 2014. № 1.
7. Кальницкий В. В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) // Законодательство и практика. 2014. № 2(33).

³ Там же.

УДК 343.1

И. П. ПОПОВА

Гражданский иск и обеспечительные меры по уголовным делам: проблемы эффективности и пути их решения

В статье на основе общих проблем эффективности права рассмотрены отдельные вопросы института гражданского иска, призванного выступать способом защиты прав и законных интересов, нарушенных преступлением. В результате сформулированы выводы о недостатках правового регулирования и правоприменительной практики, предложены варианты повышения эффективности гражданского иска и обеспечительных мер в целях достижения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: гражданский иск, возмещение ущерба, наложение ареста на имущество, обеспечительные меры, эффективность, судебные решения, назначение уголовного судопроизводства, оценочные категории

Рассмотрение вопросов эффективности того или иного института закономерно связано со сложностями не только самого института, призванного урегулировать соответствующие правоотношения, но и с использованием значительного числа оценочных понятий. Можно выделить несколько ключевых факторов, определяющих итоговый вывод об эффективности правового института: выбор критериев оценки, само количество критериев, подлежащих оценке, и суммарная оценка результативности в достижении целей данного института. Очевидно, что и сами критерии, и их число, и конечный результат выступают оценочной категорией, а следовательно, не лишены субъективизма.

С этих позиций вопросы оценки эффективности института гражданского иска в уголовном процессе не являются исключением. Проблемы эффективности, изначально подробнее исследовавшиеся в сфере экономической деятельности, базирующиеся на соотношении между результатом и затратами, давно не являются чуждыми и становятся предметом изучения и в уголовно-процессуальной науке.

При всем разнообразии мнений относительно места и роли института гражданского иска в уголовном процессе все их можно свести к двум принципиальным подходам: за или против возможности рассмотрения главного вопроса о виновности в преступлении одновременно с гражданско-правовым требованием о возмещении ущерба / компенсации вреда, возникших в результате преступления.

Между этими подходами множество компромиссных позиций и аргументов в их обоснование, и каждый заслуживает внимания. Разделяя позицию сторонников гражданского иска в уголовном процессе и, более того, именно тех, кто ратует за расширение пределов исковой формы защиты прав, нарушенных преступлением, необходимо подчеркнуть следующее.

Как отмечено Пленумом Верховного Суда РФ, «в соответствии со ст. 18 Конституции Россий-

ской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»¹. Именно со справедливостью соотносится понятие правосудия у граждан, а «любая деятельность, в том числе и государственная, признается населением только тогда, когда она не противоречит жизненному укладу общества и направлена на достижение нравственных ориентиров» [1, с. 61]. Юридическая ответственность за преступление предполагает не только применение мер уголовно-правового воздействия, что является исключительной компетенцией государства, но и восстановление нормальных отношений в обществе в состояние «до прежнего», в том числе путем реализации гражданско-правовой ответственности виновных в причинении ущерба. Восстановительная функция юридической ответственности, по мнению ученых, заключающаяся в одном из направлений правового воздействия на нарушенные общественные отношения, преследует цель их восстановления и упорядочения [2, с. 15–16].

Социальная ценность уголовного судопроизводства как способа защиты прав и свобод человека и гражданина обусловлена прямым действием ст. ст. 46 и 52 Конституции РФ и непосредственно отражена в ст. 6 УПК РФ, когда защита осуществляется уже «postfactum» — ущерб и вред от преступления уже имеется, а уголовное преследование и реализация уголовной ответственности не могут являться единственным способом восстановления нарушенного преступлением состояния.

Несложный анализ положений уголовно-процессуального закона демонстрирует, что иного института, нежели гражданский иск в уголовном процессе, направленного непосредственно на восстановление имущественных и иных прав, не имеется, а единственной обеспечительной мерой выступает применение

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

меры процессуального принуждения в виде ареста на имущество.

Публичный характер уголовного судопроизводства не исключает и действия диспозитивного метода правового регулирования, отчасти это и выражено в рамках исследуемого института гражданского иска. Выбор времени обращения с требованием к виновному в рамках уголовного дела или уже после принятия итогового процессуального решения в рамках гражданского судопроизводства, изменение иска, отказ от него остаются за жертвой преступления. Причем властные субъекты не уполномочены на какую-либо инициативу в вопросе возмещения ущерба, но обязаны реагировать в случае заявления соответствующих требований. Впрочем, если обратиться к сути требований гражданского истца, то предмет гражданского иска соотносится и с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), а значит, институт гражданского иска не только направлен на защиту частных интересов, но и не противоречит публичным интересам.

Исходя из полномочий государственного обвинителя в судебном заседании, он вправе поддержать иск в случае неявки гражданского истца (ч. 2 ст. 250 УПК РФ), более того, на основании ч. 6 ст. 246 УПК РФ прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный по уголовному делу гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Публичный характер уголовного судопроизводства предполагает строгое следование уголовно-процессуальной форме. При этом важно, чтобы принятые в итоге решения были справедливыми и по содержанию. Как верно отмечает А. В. Победкин, «Уголовно-процессуальный кодекс, в котором заложен лишь технологический функционал, являющийся фактически „бездушной инструкцией“ для должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, фактически снижает юридическую силу уголовно-процессуального законодательства, низводя его до административного регламента» [3, с. 142].

Нельзя отрицать, что с началом правовых реформ в 90-х гг. прошлого века активность законодателя нашла отражение в большом количестве принятия новых и в последующем многократном изменении нормативных актов, в том числе кодифицированных. Следует поддержать позицию В. Н. Синюкова, что «ведущие кодификации российского права утратили качество стабильных органических законов долгосрочного действия», а «хороший сам по себе закон

часто наталкивается на юстиционную неспособность довести его до реальной жизни, на грубые социальные ошибки, которые совершает массовый правоприменитель» [4, с. 22, 23].

Состояние правового регулирования оценивается и профессионалами, и гражданами как не удовлетворяющее потребностям: по результатам проводимого С. И. Захарцевым в течение 25 лет опроса юристов и не юристов все ждут от права и правового регулирования справедливости, но отмечают, что уменьшились возможности получить объективный и справедливый результат [5, с. 161–164]. Отмечается и рост декларативных правовых актов, не имеющих правового механизма реализации.

К числу характерных черт, оказывающих серьезное влияние на эффективность правоприменения, относятся и рассогласованность правовых норм, и пробелы, и оценочный характер используемых терминов и категорий. Не случайно закрепленное законом усмотрение правоприменителя нередко воспринимается как произвол властных участников уголовного судопроизводства. Несоблюдение требований к процессуальным решениям, а в частности мотивированности, влечет формальный подход правоприменителей, с одной стороны. С другой стороны, такой формализм обоснованно подрывает доверие к правоохранительной системе, суду и в целом к государственной власти, не способной создать эффективных мер защиты прав, свобод и законных интересов, взятых под охрану государством, гарантирующим их обеспечение.

Преломляя общие проблемы эффективности права и правоприменительной деятельности относительно института гражданского иска, следует отметить и крайне неудачную законодательную регламентацию, и низкий уровень профессиональной компетентности властных участников уголовного процесса.

Так, понятие гражданского иска не раскрыто в ст. 5 УПК РФ, впервые о гражданском иске упоминается в ч. 10 ст. 31 УПК РФ, устанавливающей, что подсудность гражданского иска, вытекающего из уголовного дела, определяется подсудностью уголовного дела, в котором он предъявлен. Раскрывая права потерпевшего и статус гражданского истца, законодатель хаотично, в разрозненных нормах (ст. ст. 42, 44 УПК РФ), закрепил основные положения института гражданского иска, дополнив лишь в главе 39 УПК РФ порядок его разрешения судом в итоговом процессуальном решении.

Несмотря на то что вопросам гражданского иска в какой-то степени уделяет внимание и Верховный Суд РФ, учитывая, что это отражено в различных постановлениях Пленума², анализ правоприменитель-

² О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 ; О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 ; О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55.

ной практики, который автор осуществляет с 1994 г., свидетельствует о том, что ничего не изменилось.

Предложения о необходимости выделения норм, регламентирующих понятие, субъектов гражданского иска в уголовном процессе, порядок производства по нему, в отдельной главе УПК РФ сохраняют актуальность, однако законодателем так и не восприняты. Это еще раз подтверждает, что позиция правоприменителей относительно значения данного института не как к одному из главных, а как к чему-то факультативному обусловлена не просто неверной расстановкой приоритетов, а системным отношением законодателя, к сожалению, сохранившего подход к уголовному процессу лишь как к форме реализации карательной уголовной политики. В то же время обозначение в числе аспектов назначения уголовного судопроизводства защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, носит больше декларативный характер, но не содержит реальных эффективных механизмов достижения этого.

Возмещение ущерба и принятие соответствующих обеспечительных мер не находятся в числе приоритетных в ходе досудебного производства. Деятельность следователя в лучшем случае сводится к вынесению постановления о признании гражданским истцом, заполнению справки к обвинительному заключению и статистических сведений. В показателях качества и эффективности работы на оценку правоприменительной деятельности это направление среди других задач досудебных стадий не учитывается. Иная позиция складывается только в случае активности самого потерпевшего, ставшего гражданским истцом, на что следователь вынужден реагировать.

Как отмечают отдельные авторы, «судьи, рассматривающие уголовные дела, в силу своей специализации не всегда способны столь же квалифицированно разрешать гражданско-правовые споры», а потому, по их мнению, «предполагается, что в рамках уголовных дел должны рассматриваться относительно простые по праву и размеру требования потерпевшего» [6, с. 498–499].

Судебная практика свидетельствует, что и «простые» требования потерпевшего могут быть рассмотрены с нарушением норм уголовно-процессуального закона, и, к сожалению, редко какой обзор судебной практики не содержит тому примеров.

Так, в судебном заседании суда первой инстанции осужденному не были разъяснены процессуальные права, которыми он наделен как гражданский ответчик. Осужденному и его защитнику не была предоставлена возможность довести до суда свою позицию

по заявленным исковым требованиям и привести доводы в ее обоснование. Согласно протоколу судебного заседания, представляя суду доказательства, государственный обвинитель огласил исковое заявление потерпевшего. Никакие иные процессуальные действия, связанные с разрешением гражданского иска, судом первой инстанции не производились. В связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, повлиявшим на исход дела, приговор суда первой инстанции отменен в части решения об удовлетворении исковых требований, взыскания денежной суммы с осужденного в пользу потерпевшего, дело в отмененной части передано на новое судебное разбирательство в порядке гражданского судопроизводства³.

Нередко гражданские иски вообще остаются без разрешения. Например, в ходе рассмотрения уголовного дела в судебном заседании представителем потерпевшего подан гражданский иск с заявленными исковыми требованиями о взыскании с ФИО1 в пользу Х. причиненного в результате совершения преступления ущерба в размере 14 082 747,98 рублей, который был судом первой инстанции приобщен к материалам уголовного дела, и согласно протоколу судебного заседания Х. был признан гражданским истцом, а ФИО1 — гражданским ответчиком. Между тем в приговоре отсутствуют сведения о разрешении этого искового заявления. Фактически исковые требования потерпевшего по данному уголовному делу судом первой инстанции не разрешены⁴.

Действительно, наличие специализации в судах, длительное рассмотрение большого числа, если не сказать, большинства, уголовных дел в дифференцированных производствах, не требующих оценки доказательств и доводов сторон, внесли свою лепту и в компетентность судебной системы. Кроме того, суд в рамках действующего уголовно-процессуального закона, в отличие от ранее действовавшего УПК РСФСР, лишен самостоятельной инициативы в вопросах возмещения ущерба. Наконец, рассмотрение гражданского иска не относится к существу обвинения, поэтому в соответствии с Инструкцией по ведению судебной статистики⁵ в случае отмены или изменения приговора в части гражданского иска это не учитывается при оценке качества отправленного правосудия ни конкретным судьей, ни судом, но существенно сказывается на оценке эффективности правосудия.

Примечательно, что в показателе «Оставлено без рассмотрения» отражаются в том числе переданные для рассмотрения иски в порядке гражданского судопроизводства в соответствии с ч. 2 ст. 309 УПК РФ (п. 1.8.1 приказа Судебного департамента при Верхов-

³ Апелляционное определение Иркутского областного суда № 22-389/202 от 3 февраля 2022 г. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=747 (дата обращения: 14.01.2024).

⁴ Апелляционное постановление Самарского областного суда № 22-5931/2023 от 27 октября 2023 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wPvUNo9zgdLP> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵ Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 июня 2021 г. № 124.

ном Суде РФ от 25 июня 2021 г. № 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики»), а формулировки приговоров в части судьбы гражданского иска не соответствуют ни нормам УПК РФ, ни разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Может быть, причина того, что много судебных решений в части гражданского иска разрешены неверно, как раз кроется в «чудесах статистики»: в случае отмены приговора в этой части новое судебное разбирательство будет только в рамках гражданского судопроизводства. Потерпевший, которому причинен ущерб, иного варианта, нежели защита по правилам гражданского судопроизводства, получить не сможет, если он вообще сохранит намерение продолжить новый виток своей активности, по сути, вне всяких надежд на итоговое процессуальное решение в свою пользу и его фактическое исполнение. В результате возникают сомнения в том, что «неординарный для уголовного судопроизводства институт гражданского иска, имеющий своим назначением безотлагательное восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего» [7, с. 194], является таким уж безотлагательным и эффективным.

Если понятие справедливости заложено в качестве материального критерия при определении вида и размера наказания и выступает как требование к приговору, то понятия справедливости решения в части гражданского иска не заложено законодателем.

Существуют два разных понятия потерпевшего:

1) в уголовно-правовом смысле слова (как жертвы преступления, поскольку потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда имуществу и деловой репутации);

2) в уголовно-процессуальном смысле слова (как участника уголовно-процессуальных отношений при производстве по уголовному делу, с учетом того что решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя, прокурора или суда).

Как именовать многократно потерпевшего от отсутствия адекватного механизма защиты прав? Трижды потерпевшим [8, с. 34–38]? Или более? Изначально именно потерпевший, не став таковым, вынужден прибегать к судебной защите своих прав на стадии возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 125 УПК РФ, как показывает практика, также многократно. Примеры тому имеются у Конституционного Суда РФ, в частности, по жалобе А. Е. Поповой⁶, ког-

да от событий уголовного дела (1986 г.) до итогового процессуального решения по нему (2010 г.) были приняты десятки различных решений, а заявитель получил компенсацию за нарушение разумного срока уголовного судопроизводства.

Получив статус гражданского истца, потерпевший статуса жертвы не утрачивает, а приобретает многочисленные опыт и знания норм различных отраслей права, отстаивая свои интересы лично и с помощью представителя. И коль скоро понятие публичности далеко не исчерпывается вопросом уголовного преследования, то почему вопросы возмещения ущерба от общественно опасного деяния являются исключительно частными интересами?

Уголовно-процессуальное доказывание гражданского иска предполагает в первую очередь определение его предмета. В предмет доказывания представляется правильным включать:

- 1) наличие материально-правового основания гражданского иска (вредоносного деяния, вреда, причинной связи между деянием и вредом, вины непосредственного причинителя вреда);
- 2) размер причиненного вреда;
- 3) размер вреда, подлежащего возмещению (компенсация);
- 4) наличие вины лица, понесшего ущерб, в его возникновении, ее форму и степень;
- 5) несение имущественной ответственности за действия непосредственного причинителя вреда иных лиц и каких конкретно;
- 6) имущественное положение гражданского ответчика.

Бремя доказывания обстоятельств, составляющих основание, характеризующих размер ущерба, лежит на органе уголовного преследования. Разве не эти же задачи находятся в сфере публичных интересов в рамках уголовно-процессуальной деятельности властных участников? Представляется, что желание если не ликвидировать институт гражданского иска, то существенно сузить его пределы преследует ту же пресловутую цель процессуальной и материальной экономии, уже не столь приветствуемую ныне, в ущерб достижению назначения уголовного судопроизводства.

Частные интересы гражданского истца не противопоставлены публичным интересам, если понимать их новое наполнение не только и не столько интересами должностных лиц, сколько интересами государства и общества, а граждане, претендующие на эффективную защиту своих прав, и есть та часть общества, что пострадала от преступления изначально и получает неоднократную так называемую повторную травматизацию достаточно бюрократичной системой судопроизводства, да еще и нескольких видов.

⁶ По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244¹ и пункта 1 части первой статьи 244⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Е. Поповой: постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 14-П.

Проблемы эффективности гражданского иска включают в себя не только отсутствие достаточных материальных ресурсов у потерпевших для оплаты юридических услуг, в этом вопросе вполне уместно вернуться к ранее апробированным, более широким полномочиям государственного обвинителя, выступающего на стороне обвинения, как и гражданский истец. Невозможность взыскания уже присужденных сумм из-за отсутствия у виновного лица официального заработка или работы нередко сводит на нет все приложенные усилия к вынесению соответствующего процессуального решения. Приведенные и иные проблемы эффективности порождают недоверие к правоохранительным органам, суду и отсутствие веры в справедливость закона.

Как отмечалось, наложение ареста на имущество выступает не основным, а единственным средством обеспечения гражданского иска. Между тем у данной меры процессуального принуждения есть и иные целевые ориентиры, помимо обеспечения гражданского иска. В этом, представляется, и причина, почему меньше противников этой меры процессуального принуждения, чем противников гражданского иска.

Проблемы наложения ареста на имущество в уголовном деле включают:

- 1) сложности в определении стоимости имущества, подлежащего аресту, особенно если речь идет о нематериальных активах или активах, находящихся у третьих лиц;
- 2) недостаточную прозрачность и контроль за использованием арестованного имущества, что может привести, с одной стороны, к злоупотреблению правоохранительных органов, с другой — к потере активов из-за ненадлежащего управления;
- 3) риски нарушения прав собственности и конституционных гарантий неприкосновенности

частной жизни, если арест имущества происходит без достаточных оснований или с нарушением процедуры;

4) проблемы в ходе исполнения судебного решения, в частности, при необходимости восстановления прав на арестованное имущество после завершения производства по уголовному делу, особенно если арест был произведен необоснованно или с нарушениями законодательства.

Этим и другим проблемам обеспечительных мер уделено пристальное внимание в уголовно-процессуальной науке [9, с. 142–158; 10, с. 11–15].

Резюмируя, следует акцентировать внимание на том, что институт гражданского иска может быть эффективным в уголовном процессе при комплексном подходе как ученых, так и практиков. Безусловно, без разрешения вопроса виновности нет никакого вида ответственности, в том числе и гражданско-правовой. И первичен всегда вопрос уголовной ответственности, но откладывать вопрос гражданской ответственности на самостоятельное гражданское судопроизводство — это не только рост временных и материальных затрат, но и некая недосказанность в реакции государства на содеянное преступление, посягнувшее не только на интересы потерпевшего, но и на интересы общества и государства.

Более того, основания деликтной ответственности, которые надлежит доказать гражданскому истцу, и составляют предмет доказывания по уголовному делу. Возникает закономерный вопрос: зачем отдалять фактическое восстановление еще на месяцы и годы от события, если это гарантировано Конституцией РФ, входит в сущность назначения уголовного судопроизводства и защищает не только частные, но и публичные интересы.

Список литературы

1. Барабаш А. С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета : монография. М., 2022.
2. Юридическая ответственность : доктринальный словарь / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М., 2020.
3. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М., 2024.
4. Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex Russica. 2018. № 10(143).
5. Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под ред. В. П. Сальникова. М., 2014.
6. Приходько И. А., Бондаренко А. В., Столяренко В. М. Уголовное преследование как средство разрешения экономического спора: что не так в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах. М., 2021.
7. Виноградова В. А. Сущность и предмет гражданского иска в уголовном процессе // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 19, № 3.
8. Зайцева Е. А. Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1.
9. Лыга А. П. Соотношение публичных правовых и частных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2(101).
10. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Участники уголовного процесса, на имущество которых может быть наложен арест в ходе расследования преступной деятельности // Законодательство и практика. 2021. № 2(47).

УДК 343.1

Я. Ю. СИДОРОВ**Соотношение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий**

Статья посвящена соотношению мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и запрета определенных действий на настоящем этапе развития общественных отношений. Автором обосновывается возрастающая роль социально-экономических, политических, культурных, семейных факторов, морально-нравственных ценностей, этапов формирования и становления личности при решении вопросов об избрании мер пресечения. Отмечается, что они затрагивают интересы не только лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, их близких родственников, но и права и свободы иных участников судопроизводства, а также окружающих. Делается вывод о том, что предложенная законодателем система мер и ограничений дает правоприменителям более широкий спектр возможностей оказания воздействия на поведение подозреваемых и обвиняемых, осуществление надлежащего контроля за ними в целях обеспечения задач производства предварительного расследования и судебного разбирательства, предупреждения возникновения оснований для избрания самой строгой меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу, избрание меры пресечения, применение меры пресечения, изменение меры пресечения

Основным законом Российской Федерации права и свободы человека и гражданина провозглашены высшей ценностью. Их ограничение допустимо лишь соответствующими федеральными законами и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны страны и безопасности государства, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан и других лиц (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Статьей 22 Конституции РФ каждому гражданину Российской Федерации гарантировано право на свободу и личную неприкосновенность.

Данные положения Конституции РФ коррелируются с нормами п. «с» ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹, действовавшей в Российской Федерации до 16 марта 2022 г., предусматривающей законное задержание или заключение под стражу лица с целью предстать перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения, а также п. 1 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах², устанавливающего, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей, никто не должен быть лишен свободы иначе как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

Гуманизация современной уголовно-правовой доктрины государства обусловила выделение

из основной, наиболее строгой из предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации меры пресечения — заключения под стражу, меры пресечения в виде домашнего ареста, а уже из последней — меры пресечения в виде запрета определенных действий.

При этом следует отметить, что если мера пресечения в виде домашнего ареста на территории постсоветского пространства предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством ряда государств (Казахстан, Беларусь, Украина, Таджикистан), то мера пресечения в виде запрета определенных действий закреплена только уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь.

Между тем ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан в качестве иной меры процессуального принуждения предусмотрен запрет на приближение, применяемый судом и состоящий в ограничении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого совершать определенные действия для общения с участниками уголовного судопроизводства в целях защиты.

Тем не менее данная мера принуждения представляет собой самостоятельное более детальное развитие запрета на общение с определенными лицами и принятие кого бы то ни было у себя, закрепленного в п. 3 ч. 2 ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, регламентирующем содержание и условия применения меры пресечения в виде домашнего ареста. Поэтому в избранной концепции соотношения мер пресечения мы не будем уделять

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (подписана Российской Федерацией 28 февраля 1996 г., вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г. (редакция, действующая с 1 февраля 2022 г.). Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.

освещению данного вопроса более пристального внимания.

Несомненно, все действующие меры пресечения входят в систему мер государственного процессуального принуждения, под которой следует понимать совокупность средств обеспечения, прежде всего, правомерного, законного поведения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого либо осужденного. Хотя в той или иной части это касается и других участников уголовного судопроизводства.

Между тем мера пресечения как наиболее строгая разновидность мер процессуального принуждения — средство предупреждения возможного противоправного поведения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Применение меры пресечения — процессуальный механизм, позволяющий в дальнейшем не только контролировать поведение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, но и образующий для них ряд негативных последствий в виде обязанности претерпевать определенные ограничения в правах, в чем реализуется свойство наказания.

В логической взаимосвязи с последующим возможным назначением наказания виновному меры пресечения содержат в себе элемент исправительного и превентивного воздействия, поскольку позволяют контролировать надлежащее поведение лица, препятствуя совершению им иных противоправных и общественно опасных действий, обеспечивая соблюдение им принятых в обществе норм и правил, способствуя его социализации и снижению общественной опасности личности, а также накладывают обязанности претерпевать определенные ограничения, связанные со свободой передвижения и самостоятельным выбором места пребывания.

Содержание под стражей, безусловно, является самой древней, фундаментальной, базисной и наиболее распространенной из действующих в современной уголовно-правовой системе мер пресечения. История применения данной меры государственного принуждения насчитывает тысячелетия со времен Древнего Египта, Древнего Вавилона, Ассирии, Шумера, Древней Персии и др. Мера пресечения в виде заключения под стражу, несомненно, не в ее современном виде, а применительно к условиям и содержанию, возникла на заре человеческой цивилизации, в то время, когда отсутствовали не только систематизированные и кодифицированные источники материального и процессуального права, но и юридическая наука как таковая.

Заключение под стражу применялось не только для предупреждения противоправного поведения обвиняемого и соблюдения им определенных запретов и ограничений, но и как обеспечительная мера в рамках гражданско-правовых отношений, и как мера принуждения в рамках публично-правовых отношений, вытекающих из административного судопроизвод-

ства, и как мера дисциплинарного воздействия, в том числе в целях исправления и перевоспитания инакомыслящих, попавших в опалу государя.

Мера пресечения в виде домашнего ареста возникла довольно поздно — в XIX столетии. Впервые она была законодательно регламентирована Сводами законов Российской империи 1832 и 1857 гг., затем Уставом уголовного судопроизводства 1864 г.

Согласно Своду законов 1832 г.³ домашний арест мог быть применен в отношении обвиняемых в преступлениях менее важных, за которые они подлежали бы тюремному заключению на «известное» время. При этом в доме арестованного должен был находиться полицейский или жандарм. Избрание той или иной меры пресечения зависело от тяжести обвинения, значения доказательств и звания обвиняемого, т. е. учитывалась его классовая принадлежность.

Статья 416 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. лишь указывала на возможность применения к обвиняемым в целях воспрепятствования уклонению от следствия меры пресечения в виде домашнего ареста.

По правилам ст. 428 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. обвиняемый подвергался домашнему аресту или содержанию под стражей до представления поручительства или залога⁴.

Таким образом, вышеупомянутые правовые акты определяли лишь случаи применения домашнего ареста, не уделяя должного внимания основаниям и порядку его избрания.

В дальнейшем данная мера пресечения была закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. и заключалась в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи или без таковой (ст. 160). При этом условия ее применения, а также запреты, которым подвергался обвиняемый, не раскрывались.

В указанной форме домашний арест просуществовал в законодательстве союзных республик до начала 1960 гг.

Европейский суд по правам человека в постановлении от 10 января 2012 г. по жалобам № 42525/07 и № 60800/08 «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации» констатировал наличие проблемы уголовно-процессуального института российской системы содержания под стражей. Более широкое применение альтернативных мер пресечения было определено одним из ключевых направлений по решению данной проблемы.

Мера пресечения в виде запрета определенных действий введена с принятием Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста».

³ Свод законов Российской империи 1832 года.

⁴ Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года.

Хотя цели и основания применения мер пресечения едины, очевидно, что их содержание различно.

Под целями применения меры пресечения понимаются желаемые результаты, которых стремится достичь субъект уголовного судопроизводства (дознатель, следователь, суд) в ходе осуществления предварительного расследования и судебного разбирательства. Их можно разделить на общие — применительно к уголовному судопроизводству в целом, к решению его целей и задач, обеспечению порядка производства по делу, и частные — применительно к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому конкретно посредством воздействия на его поведение в целях соблюдения установленного порядка и исключения противоправности.

Таким образом, из общих целей можно выделить:

1) обеспечение целей и задач предварительного расследования и судебного разбирательства;

2) соблюдение прав и обеспечение законных интересов потерпевших в ходе уголовного судопроизводства;

3) обеспечение прав и законных интересов иных участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

Частные цели применения меры пресечения коррелируются с содержанием ст. 97 УПК РФ, в которой перечислены основания избрания меры пресечения. К ним относятся:

1) обеспечение непосредственного участия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого при производстве с его участием следственных и процессуальных действий в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства и воспрепятствование его сокрытию от следствия и суда;

2) пресечение возможности противоправного поведения и предупреждение возможности совершения новых преступлений. Это перекликается с одной из целей наказания — частной превенцией;

3) обеспечение сохранности вещественных доказательств, вещей и предметов, имеющих значение для органов предварительного расследования;

4) пресечение возможности оказания физического или психического воздействия на участников уголовного судопроизводства в целях изменения ими своих показаний в пользу обвиняемого, подсудимого либо отказа от дачи таковых;

5) пресечение контактов с участниками уголовного судопроизводства, их защитниками и представителями в целях исключения возможности согласования совместной защитной позиции, а также их предупреждения о планируемых следственных действиях в целях воспрепятствования производству по делу.

При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу,

домашнего ареста и залога» (далее — постановление № 41), при применении поименованных мер пресечения, а также запрета определенных действий следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности.

Сходство содержания каждой из вышеназванных мер пресечения состоит в наличии ряда запретов и ограничений, присущих каждой из них, однако общей для всех является срочность их действия. При этом срочность зависит от применения такого обязательного элемента, как лишение либо ограничение свободы. И если для заключения под стражу и домашнего ареста срок устанавливается в каждом случае судом и подлежит продлению при необходимости, то для запрета определенных действий это обстоятельство не является обязательным. Оно ставится в зависимость от наличия запрета на выход из жилого помещения, в котором проживает подозреваемый, обвиняемый, подсудимый в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях в определенное время суток. В этом случае вопросы о продлении срока применения данной меры пресечения подлежат рассмотрению в порядке, установленном ст. 109 УПК РФ. Если данный запрет не применяется, то запреты, предусмотренные пп. 2–6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, применяются до отмены или изменения меры пресечения в виде запрета определенных действий (ч. 9 ст. 105¹ УПК РФ).

Необходимо отметить, что запрет на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, по своим сущностным характеристикам аналогичен домашнему аресту, законоположения о котором оценил Конституционный Суд РФ в постановлении от 22 марта 2018 г. № 12-П. Оговоримся, что на тот момент домашний арест предусматривал нахождение подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении не только в полной, но и в частичной изоляции от общества.

На основании п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ запрет, установленный п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, засчитывается в срок содержания под стражей из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей.

В свою очередь в силу ч. 4 ст. 72 УК РФ время содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу засчитывается по правилам, установленным ч. 3³ ст. 72 УК РФ.

Еще одно существенное отличие запрета определенных действий от заключения под стражу и домашнего ареста законодатель закрепил в ч. 2 ст. 105¹ УПК РФ, определив, что в качестве меры пресечения применяется он в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, за исключением требований, касающихся вида и размера наказания, возраста подозреваемого или обвиняемого, квалификации преступления,

и с учетом особенностей, предусмотренных данной статьей.

В ряде решений Конституционный Суд РФ указывал, что в силу закрепленного ч. 1 ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности до вступления в законную силу обвинительного приговора подозреваемые и обвиняемые, подсудимые, считающиеся невиновными в совершении преступления, не должны подвергаться ограничениям, сопоставимым в своем содержании и совокупности по степени тяжести с уголовным наказанием, а тем более превышающим его⁵.

Учитывая такое положение, применение запрета на выход подозреваемого, обвиняемого, подсудимого из жилого помещения в установленное судом время возможно и при совершении преступлений небольшой тяжести, к которым заключение под стражу обычно неприменимо. Тем не менее, по общему правилу, применение такого запрета также должно соотноситься с возможностью назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы.

На основании ч. 2¹ ст. 107 УПК РФ в срок домашнего ареста засчитывается время содержания лица под стражей. Независимо от последовательности применения указанных мер пресечения, совокупный срок домашнего ареста и содержания под стражей не должен превышать предельный срок содержания под стражей, установленный ст. 109 УПК РФ.

Между тем законодатель в ст. 105¹ УПК РФ, в отличие от ст. 107 УПК РФ, не закрепляет положения о зачете времени содержания под стражей в срок действия запрета, предусмотренного п. 1 данной статьи. В связи с этим в срок запрета на выход за пределы жилого помещения, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, должно засчитываться время содержания лица под стражей и под домашним арестом.

Как неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации, по своим существенным характеристикам меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу похожи⁶. Между тем указанное обстоятельство рассматривалось им до внесения в ч. 1 ст. 107 УПК РФ изменений Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ, когда домашний арест заключался, в том числе в нахождении обвиняемого в частичной изоляции от общества.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, данным в п. 40 постановления № 41, огра-

ничивая выход за пределы жилого помещения, где проживает подозреваемый или обвиняемый, суд должен перечислить случаи, когда ему разрешено покидать пределы жилого помещения (например, для прогулки, посещения учебного заведения во время учебных занятий, магазинов, сопровождения ребенка в детский сад и др.), и указать время, в течение которого ему разрешается находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, и (или) случаи, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения (ночной или иной период, во время проведения массовых, культурных мероприятий и др.).

Закрепленный законодателем в п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ запрет на выход из жилого помещения также связан с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в ограниченном пространстве с изоляцией от общества, невозможностью свободного передвижения и общения с широким кругом лиц, т. е. с ограничением гарантированного ч. 1 ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность.

При изложенных обстоятельствах, так как запрет на выход из жилого помещения, где проживает подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, засчитывается в срок содержания под стражей, как и время нахождения под домашним арестом, а содержание под стражей засчитывается в срок лишения свободы, при определении максимального срока действия запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, следует учитывать время содержания лица под стражей и домашним арестом, исходя из положений, закрепленных в п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ и ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ.

Таким образом, практика судов, устанавливающих срок запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, с учетом времени содержания обвиняемого, подсудимого под стражей и домашним арестом, является абсолютно правильной и обоснованной.

Как разъяснил Верховный Суд РФ в ответах на вопросы, поступившие из судов по применению положений ст. 72 УК РФ, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ 31 июля 2019 г.⁷, правила ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ, действующие на данный момент, ухудшают положение лица по сравнению с порядком, применявшимся до вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ⁸, и обратной силы не имеют. Таким образом, лицу, совершившему преступление до 14 июля 2018 г., время на-

⁵ По делу о проверке конституционности положений частей третьей–седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина : постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П ; По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина : постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П (далее — постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П).

⁶ По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П ; постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П.

⁷ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению положений статьи 72 УК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 31 июля 2019 г.).

⁸ О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ.

хождения под домашним арестом засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за один день, в том числе и в случае избрания или продолжения применения этой меры пресечения после указанной даты.

Исходя из этого лицу, совершившему преступление до вышеуказанной даты, необходимо засчитывать время нахождения под домашним арестом в срок содержания под стражей также из расчета один день за один день и два дня запрета определенных действий. В случае же применения запрета, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, — один день нахождения под домашним арестом.

Из вышеприведенных положений закона следует, что при решении вопроса о предельных сроках содержания под стражей, домашнего ареста или запрета на выход в установленный судом период времени за пределы жилого помещения необходимо учитывать совокупный срок данных мер пресечения, независимо от того, в каком сочетании и в какой последовательности они применялись.

Таким образом, как верно отмечает Л. В. Брусицын [1, с. 105–106; 2, с. 98], в случае замены перечисленных выше мер пресечения другой мерой нужно засчитывать время применения предыдущей меры пресечения.

С нашей точки зрения, было бы вполне логичным и обоснованным внесение законодателем в ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ изменений, касающихся зачета запрета выхода в определенные периоды за пределы жилого помещения в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня запрета определенных действий за один день нахождения под стражей.

В настоящее время суды общей юрисдикции все активнее и чаще применяют в отношении подозреваемых, обвиняемых меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий.

Ниже представлены показатели ходатайства об избрании мер пресечения, рассмотренные в ходе досудебного производства федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями за 2020–2022 гг. (табл. 1); ходатайства о замене мер пресечения, рассмотренные в ходе досудебного производства федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями за 2020–2022 гг. (табл. 2); ходатайства об избрании мер пресечения, рассмотренные в ходе досудебного производства Центральным районным судом г. Хабаровска за 2021–2023 гг. (табл. 3).

Результаты анализа официальных статистических данных демонстрируют следующее: наиболее

Таблица 1. Ходатайства об избрании мер пресечения, рассмотренные в ходе досудебного производства федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями за 2020–2022 гг.⁹

Годы	Ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу			Ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста			Ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий		
	всего	удовлетворено	отказано	всего	удовлетворено	отказано	всего	удовлетворено	отказано
2020	96 665	84 919	10 503	8 061	6 949	966	2 112	1 850	199
2021	99 298	87 905	10 129	7 879	6 828	907	2 918	2 565	272
2022	98 481	87 687	9 624	8 544	7 407	941	3 466	3 085	281

Таблица 2. Ходатайства о замене мер пресечения, рассмотренные в ходе досудебного производства федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями за 2020–2022 гг.¹⁰

Годы	Ходатайства о замене меры пресечения в виде залога на домашний арест			Ходатайства о замене меры пресечения в виде домашнего ареста на залог			Ходатайства о замене меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест		
	всего	удовлетворено	отказано	всего	удовлетворено	отказано	всего	удовлетворено	отказано
2020	0	0	0	2	2	0	307	263	31
2021	0	0	0	2	0	2	399	348	37
2022	1	1	0	4	0	0	587	525	37

Таблица 3. Ходатайства об избрании мер пресечения, рассмотренные в ходе досудебного производства Центральным районным судом г. Хабаровска за 2021–2023 гг.¹¹

Годы	Ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу			Ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста			Ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий		
	всего	удовлетворено	отказано	всего	удовлетворено	отказано	всего	удовлетворено	отказано
2021	171	152	19	30	25	5	12	12	0
2022	113	107	6	19	18	1	3	3	0
2023	182	176	6	23	19	4	16	16	0

⁹ URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁰ Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.01.2024).

¹¹ Отчет Центрального районного суда г. Хабаровска о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2021, 2022, 2023 годы. Документ опубликован не был.

распространенной мерой пресечения, применяемой судами, является заключение под стражу; судами за последние три года все чаще применяются к подозреваемым, обвиняемым меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, в том числе как альтернатива заключению под стражу.

Причинами этого являются: отсутствие достаточных оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, содержащихся в постановлении № 41; данные о личности подозреваемого, обвиняемого, учитываемые в соответствии со ст. 99 УПК РФ; наличие прочных, сложно расторгаемых социальных связей, которые могут являться гарантией пребывания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в населенном пункте либо субъекте Российской Федерации по месту производства предварительного расследования, препятствующей возможности скрыться от следственного органа и суда на период предварительного расследования; избранная защитительная позиция, заключающаяся в признании своей вины по предъявленному обвинению и раскаянии в содеянном; заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличению соучастников преступлений, содействие розыску похищенного или полученного в результате противоправной деятельности имущества, орудий и средств совершения преступления и др.

В случае изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест или запрет определенных действий, а также домашнего ареста на запрет определенных действий в качестве таких причин могут рассматриваться: изменение обстановки; утрата обвиняемым, подсудимым общественной опасности; достижение целей более строгой меры пресечения; окончание сбора, фиксации и закрепления имеющихся по делу доказательств; фактическое окончание следственных действий либо предварительного расследования; изменение данных о личности обвиняемого, подсудимого: рождение ребенка, появление новых иждивенцев, трудоустройство либо гарантия работодателя приема его на работу, увольнение с прежнего места работы (для должностных лиц и представителей власти), состояние здоровья, наличие тяжелого заболевания либо инвалидности, полная или частичная утрата трудоспособности и т. д.

Например, в Центральный районный суд г. Хабаровска поступило ходатайство следователя об избрании К., подозреваемому в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286, ч. 3 ст. 290 УК РФ, меры пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца. В обосновании ходатайства указано, что он подозревается в совершении особо тяжкого преступления и в случае нахождения на свободе сможет скрыться от органов предварительного следствия

и суда, воздействовать на свидетелей или иных участников уголовного судопроизводства, в том числе пока не установленных лиц, в целях склонения их к даче ложных показаний, выработки позиции защиты, направленной на уклонение от уголовной ответственности, сокрытие следов и обстоятельств преступления, а также уничтожение или сокрытие известных ему, но пока не установленных и не изъятых по делу доказательств.

В судебном заседании установлено, что К. имеет место постоянной регистрации в г. Биробиджане Еврейской автономной области (далее — ЕАО) — постоянное место жительства, где проживает совместно с нетрудоспособной супругой и двумя малолетними детьми, по отношению к которым имеет обязательства по воспитанию и содержанию. К. официально не трудоустроен, но имеет стабильный и легальный источник дохода в виде пенсии, ранее не судим. Помимо этого, первое уголовное дело возбуждено в отношении подозреваемого 27 июня 2023 г., а оперативно-розыскные мероприятия для документирования его противоправной деятельности были проведены в мае 2023 г. Учитывая данные обстоятельства, в случае необходимости у него была реальная возможность скрыться от следствия, однако он ее не использовал, а ездил из ЕАО в Хабаровский край для производства следственных действий с его участием. Родственники К. также проживают в г. Биробиджане ЕАО.

Таким образом, у подозреваемого имеются прочные, сложно расторгаемые социальные связи, наличие которых может являться гарантией его пребывания по месту производства предварительного расследования и воспрепятствует ему скрыться от следственного органа и суда на период предварительного расследования.

Ранее К. не судим, к уголовной ответственности привлекается впервые. Доказательств тому, что в настоящее время он планирует совершение каких-либо противоправных общественно опасных деяний, ведет переговоры об этом, приискивает орудия, средства и соучастников возможных преступлений, в судебное заседание не представлено. Материалами уголовного дела он не характеризуется как лицо, склонное к совершению преступлений или правонарушений, либо как лицо, ведущее антиобщественный образ жизни, что позволило бы сделать вывод о его потенциальной социальной опасности.

Объективных и достоверных сведений о том, что К. в случае нахождения на свободе сможет предпринять попытки к сокрытию и уничтожению доказательств, имеющих значение для уголовного дела, в судебное заседание не представлено.

Тем не менее, не имея каких-либо ограничений, подозреваемый сможет предпринять попытки оказать воздействие на свидетелей, в том числе бывших сослуживцев, в целях дачи показаний в его пользу.

Между тем возможность оказания какого-либо воздействия со стороны подозреваемого на участников уголовного судопроизводства и контактов с ними, предотвращения с его стороны ненадлежащего поведения, учитывая характер, тяжесть и обстоятельства совершения инкриминируемых ему деяний, может быть обеспечена возложением на него запрета совершения определенных действий, перечисленных в пп. 1, 3 и 5 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ.

При изложенных обстоятельствах в удовлетворении ходатайства следователя об избрании К. меры пресечения в виде заключения под стражу было отказано и избрана мера пресечения — запрет совершения определенных действий. Данное постановление не обжаловалось и вступило в законную силу.

Еще один пример. Органом предварительного следствия А. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В отношении него избрана мера пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца.

В Центральный районный суд г. Хабаровска поступило ходатайство следователя о продлении срока содержания обвиняемого А. под стражей на один месяц, всего до трех месяцев. По мнению следователя, основания для избрания в отношении А. меры пресечения в виде заключения под стражу не изменились и не отпали, так как в случае нахождения на свободе он сможет скрыться от органов предварительного следствия и суда, а также продолжить заниматься преступной деятельностью.

В судебном заседании из представленных материалов дела и данных обвиняемым пояснений следует, что у А. в г. Хабаровске имеется постоянное место регистрации и место жительства у приютившей его Р. У него имеется стабильный и легальный источник дохода в кафе, где он работал поваром, и его доход составлял 1500 рублей в день. Ранее он не судим.

В материалах уголовного дела не содержится сведений, и в судебное заседание не представлено документов, в том числе результатов оперативно-розыскной деятельности, из которых бы следовало, что обвиняемым приобретены или забронированы авиа-, железнодорожные, автобусные билеты в другие города, что у него имеется открытая виза для выезда за границу либо он каким-то иным образом планирует скрыться от следственного органа.

Таким образом, судья пришел к выводу, что у А. имеются прочные, сложно расторгаемые социальные связи, наличие которых может являться гарантией его пребывания по месту жительства и воспрепятствует ему скрыться от следственного органа и суда на период предварительного расследования по делу.

Доказательств того, что в настоящее время А. планирует совершение каких-либо противоправных общественно опасных деяний, ведет переговоры об этом, приискивает орудия, средства

и соучастников возможных преступлений, в судебное заседание также не представлено. Других уголовных дел в отношении А. не возбуждалось, его уголовное преследование в связи с причастностью к совершению иных преступных деяний по другим уголовным делам не осуществляется. Материалами уголовного дела обвиняемый не характеризуется как лицо, склонное к совершению преступлений или правонарушений, либо как лицо, ведущее антиобщественный образ жизни, что позволило бы сделать вывод о его потенциальной социальной опасности.

Довод следователя относительно возможности А. в случае нахождения на свободе продолжить заниматься преступной деятельностью объективно и достоверно не подтвержден, поскольку он привлекается к уголовной ответственности впервые и имеет источник удовлетворения своих бытовых потребностей. Утверждение, что официальное нетрудоустройство обвиняемого будет способствовать занятию им преступной деятельностью, противоречит ст. 37 Конституции Российской Федерации, так как труд свободен, каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Предварительное следствие по настоящему уголовному делу фактически окончено, все запланированные следственные действия, за исключением предъявления окончательного обвинения и допроса А., произведены. Таким образом, необходимые доказательства следственным органом установлены, изъятые, зафиксированы и приобщены к материалам дела.

Объективных и достоверных сведений о том, что А. в случае нахождения на свободе сможет сокрыть или уничтожить какие-либо доказательства по делу, предметы или документы, которые могут иметь доказательственное значение, либо иным путем воспрепятствует производству по данному уголовному делу, равно как и о том, что он сможет лично либо опосредованно, через других лиц, угрожать свидетелям либо иным участникам судопроизводства, чтобы они изменили ранее данные показания либо отказались от них, в судебное заседание не представлено. Заявлений от кого-либо из участников уголовного судопроизводства о поступавших в их адрес от обвиняемого угрозах либо посулах материальной выгоды за изменение ими ранее данных показаний в его пользу в материалах дела не имеется.

Таким образом, органом предварительного следствия в судебном заседании не было приведено объективно и достоверно подтвержденных доказательств, позволяющих сделать вывод о наличии в данном случае оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, для продления меры пресечения в виде содержания под стражей.

В связи с изложенным в удовлетворении ходатайства следователя было отказано без избрания

альтернативной меры пресечения. Данное постановление не обжаловалось и вступило в законную силу¹².

Подводя итог, отметим, что на протяжении всего пути исторического развития в России домашний арест в качестве меры пресечения применялся в исключительных случаях. Доля его применения в соотношении с заключением под стражу являлась крайне незначительной. Этому способствовало и отсутствие надлежащей регламентации случаев и условий его применения, детальной разработки содержания запретов, которым подвергался обвиняемый. Объективными причинами для этого также являлись и отсутствие достаточных человеческих и материальных ресурсов, серьезные трудности контроля за исполнением данной меры пресечения, несовершенство пенитенциарной системы и технических возможностей.

Между тем необходимость закрепления в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России данной меры пресечения подтверждается продолжительным периодом его существования и развития, успешной международной практикой его применения, в том числе странами Содружества Независимых Государств и бывшими республиками СССР, а также приведенными данными судебной статистики, которые свидетельствуют об увеличении случаев применения домашнего ареста. При этом хочется отметить положительную тенденцию: в современных реалиях домашний арест избирается не в качестве крайней альтернативы заключению под стражу в связи с состоянием здоровья, наличием несовершеннолетних иждивенцев либо иными данными о личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, объективно препятствующих содержанию лица под стражей, но в качестве устоявшейся, самостоятельной меры пресечения, позволяющей обеспечить путем применения комплекса установленных запретов надлежащее поведение лица в период предварительного расследования и судебного разбирательства, с соблюдением прав и свобод иных участников уголовного судопроизводства, а также интересов органов предварительного расследования и суда.

Что касается меры пресечения в виде запрета определенных действий, несомненно, она является не только самой молодой в действующем законодательстве, но и наиболее динамичной, гибкой и перспективной, условия которой позволяют успешно применять ее на практике, о чем объективно свидетельствует последовательное увеличение удельного веса ее применения в период с 2021 г. по 2023 г. Кроме того, она успешно применяется в качестве альтернативы заключению под стражу и домашнему аресту при решении судами вопросов об избрании таковых по результатам рассмотрения ходатайств следователей и дознавателей. Нередки случаи, когда суды, отказывая в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо в продлении срока ее применения, избирают меры пресечения в виде запрета определенных действий как эффективную меру, способную не только обеспечить цели и задачи предварительного расследования и судебного разбирательства, но и соблюсти баланс интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других участников уголовного судопроизводства и государства.

Таким образом, исторический анализ уголовно-процессуального законодательства России позволяет говорить о наличии устойчивой тенденции к увеличению случаев применения к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий в противовес заключению под стражу, что в свою очередь свидетельствует о гуманизации уголовно-правовой политики государства, способствующей восстановлению социальной справедливости и исключению необоснованной возможности применения к лицам ограниченных, сопоставимых в своем содержании по степени тяжести с уголовным наказанием, а иногда и превышающих его по строгости.

Применение меры пресечения на стадии досудебного производства и в ходе судебного разбирательства ни в коем случае не должно быть обусловлено возможностью применения в будущем к обвиняемому, подсудимому того или иного наказания по его целям и задачам и подменять его.

Список литературы

1. Брусницын Л. В. О зачете времени ограничения свободы при применении мер пресечения: запрета выходить из жилого помещения, домашнего ареста и заключения под стражу // Уголовное право. 2018. № 5.
2. Гричаниченко А. В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6.

¹² Дела № 3/1-120/23, № 3/2-207/2023. Архив Центрального районного суда г. Хабаровска.

Порядок принятия должностным лицом, осуществляющим расследование, решения о производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства

Рассматриваются особенности принятия следователем (дознавателем) решения о производстве следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства. Автор анализирует подходы к определению категории «случаи, не терпящие отлагательства», указывается на требование по их обоснованию в постановлении о производстве следственного действия, приводятся примеры правоприменительной практики. Делается вывод о необходимости соблюдения условий производства следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства.

Ключевые слова: досудебное производство, ограничение конституционных прав личности, производство следственных действий, случай, не терпящий отлагательства

Большинство следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права личности (право на неприкосновенность жилища, право на неприкосновенность частной жизни, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др.), производятся на основании судебного решения. Их перечень определен законодателем. Процедура получения судебного решения регламентирована ст. 165 УПК РФ.

По общему правилу, установленному чч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, следователю (дознавателю) вначале надлежит получить соответствующее судебное решение и только после этого производить следственное действие.

В исключительных случаях, связанных с безотлагательностью производства следственного действия, законодателем предусматривается иной порядок их производства, исключающий предварительный судебный контроль, промежуточный процессуальный контроль и прокурорский надзор.

Так, согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ «в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя (дознавателя) без получения судебного решения».

Перечисленные следственные действия, являясь способами получения доказательств, направлены на установление, закрепление и изъятие следов, орудий совершения преступления и иных предметов, имеющих значение для уголовного дела, что само по себе требует «безотлагательности» производства. Безусловно, необходимость получения судебного решения усложняет порядок производства следственного

действия. Это может не только негативно сказаться на его эффективности (помимо получения санкции суда, осуществляется ведомственный процессуальный контроль и прокурорский надзор), но и привести к утрате доказательств¹.

Наделяя лицо, производящее расследование, в случаях, не терпящих отлагательства, широкими полномочиями, законодатель, с одной стороны, учитывает возможность существенного ограничения конституционного права (обеспеченность принуждением (могут вскрываться любые помещения), установление обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого производится обыск, и т. п.), гарантирует судебную защиту данного права (в виде последующего судебного контроля)², с другой — характер и цель производства указанных следственных действий, интересы органов предварительного расследования.

Для того чтобы избежать нарушений при производстве следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, следователю (дознавателю) необходимо понимать, какие ситуации относятся к таковым.

В научной литературе по данному поводу сложились две противоположные точки зрения. Одни авторы склоняются к необходимости формулирования конкретных обстоятельств, обуславливающих безотлагательность следственных действий в законе [1, с. 57, 71], другие предлагают ограничиться закреплением критериев для определения таких обстоятельств [2, с. 103–104].

Более правильным нам представляется последний подход, поскольку рассматриваемая категория относится к оценочным, ее содержание в ходе предварительного расследования необходимо определять лицу, применяющему соответствующую норму за-

¹ 24,5% опрошенных должностных лиц органов предварительного расследования в качестве трудностей, возникающих при получении разрешения суда на производство процессуальных действий, ограничивающих конституционные права личности, указали на длительность процедуры, а 21,6% — на ее сложность. В рамках исследования проведено анкетирование 186 сотрудников следственных аппаратов МВД России и СК России, органов дознания системы МВД России из разных субъектов РФ.

² В этой ситуации на лицо, производящее расследование, возлагается обязанность не позднее трех суток с момента начала производства следственного действия уведомить об этом суд и прокурора.

кона с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела. С. С. Безруков верно указывает, что только после процедуры оценки конкретной ситуации возможно сделать вывод о правомерности применения оценочной нормы к данному индивидуальному событию, а следовательно, признаки оценочного понятия могут устанавливаться и устанавливаются субъектом, применяющим понятие [3, с. 26]. Фактически это означает, что предусмотреть все следственные ситуации, в которых могут возникнуть обстоятельства, не терпящие отлагательства, невозможно. При этом отсутствие вариативности может повлечь снижение эффективности работы органов предварительного расследования.

Отметим, что, несмотря на отсутствие в УПК РФ перечня случаев, не терпящих отлагательства, указание на них встречается в разъяснениях Верховного Суда РФ, а также в ведомственных нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность органов предварительного следствия³.

Так, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» указано, что к исключительным случаям, в которых производство следственного действия не могло быть отложено, относятся, например, ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

Результаты проведенного нами анализа судебно-следственной практики в целом демонстрируют правильное понимание правоприменителем случаев, не терпящих отлагательства, как внезапно возникших ситуаций, при которых имеются сведения о том, что в определенном месте (жилище) или у определенного лица находятся (хранятся) предметы и (или) документы, имеющие значение для уголовного дела, которые

могут быть уничтожены, сокрыты, утрачены в случае промедления с действиями по их обнаружению и изъятию. Случаи, не терпящие отлагательства, как правило, связаны с необходимостью своевременного обнаружения, фиксации, закрепления и изъятия следов преступления, орудий совершения преступления и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела⁴.

Отметим, что при рассмотрении судом уведомления о производстве следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ проверке подлежат как законность решения следователя (дознателя) о производстве следственного действия, так и соблюдение им норм уголовно-процессуального закона при его производстве. В частности, судья должен убедиться в том, имелись ли обстоятельства, свидетельствующие о необходимости безотлагательного его производства⁵. Соответственно, следователю (дознателю), помимо условий и оснований для производства следственного действия, в постановлении о его производстве требуется указать конкретные обстоятельства, обосновывающие его безотлагательность.

Несмотря на наличие некоторых ориентиров в определении ситуаций, связанных с неотложностью производства следственного действия, соответствующие постановления не всегда являются мотивированными, не содержат ссылок на конкретные данные, обосновывающие возникшую безотлагательность. Здесь правоприменитель ограничивается указанием на необходимость безотлагательного производства следственного действия.

В практике также встречаются ситуации, в которых безотлагательность ошибочно связывается с поздним временем суток и нерабочим временем, что само по себе не может указывать на возможную утрату предметов, имеющих значение для уголовного дела. Данный факт выступает лишь подтверждением того, что для возбуждения перед судом соответствующего ходатайства необходимо дожидаться рабочего времени, что само по себе может привести к промедлению, влекущему утрату доказательств. Кроме того, при принятии решения о производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, правоприменителем не всегда учитывается время, прошедшее с момента совершения преступления до производства самого следственного действия, которое также оказывает влияние на безотлагательность.

³ В соответствии с п. 1.9 приказа СК России от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» случаи, не терпящие отлагательства, возникают, когда: а) необходимо реализовать меры по предотвращению, пресечению преступления, закреплению его следов; б) фактические основания для производства указанных следственных действий появились в ходе осмотра, обыска и выемки в другом месте; в) промедление с их производством позволит подозреваемому скрыться; г) неотложность их проведения обусловлена обстановкой только что совершенного преступления; д) возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия искомых объектов; е) имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производятся какие-либо следственные действия, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела.

⁴ Нами изучено более 100 уголовных дел, расследованных в отдельных районных следственных отделах СУ МВД России по Республике Бурятия, СУ УМВД России по Омской области.

⁵ О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

В деятельности органов предварительного расследования распространены случаи, когда в постановлениях о производстве следственного действия не описываются обстоятельства, свидетельствующие о том, что даже спустя продолжительный период времени после преступного события следы, орудия преступления и иные предметы, имеющие значение для уголовного дела, во-первых, еще не утрачены, во-вторых, промедление с проведением следственного действия может привести к их утрате. Безусловно, такие ситуации возможны, например, в случаях, когда предметы (документы), имеющие значение для уголовного дела, постоянно перемещаются в целях их сокрытия, когда о месте их предполагаемого хранения не было известно ранее и существует вероятность их дальнейшего сокрытия в другом месте и т. п. Однако правоприменителем данные обстоятельства не всегда описываются в надлежащей форме.

Приведем пример. Органами предварительного расследования произведен обыск в случае, не терпящем отлагательства, в квартире подозреваемого в целях отыскания по месту его жительства билетов «2000 дублей», не являющихся платежным средством. В ходе расследования установлено, что подозреваемым, подвергнутым административному наказанию, совершено мелкое хищение чужого имущества путем оплаты товара на сумму 500 рублей билетом «2000 дублей», не являющимся платежным средством. Из показаний подозреваемого установлено, что указанный билет он нашел и других аналогичных билетов у него не имеется. Сам билет был передан продавцу⁶.

Между фактом совершенного преступления и решением о производстве обыска в случае, не терпящем отлагательства, прошел месяц. При этом в постановлении следователем указывалось лишь на срочность закрепления следов преступления, производства обыска в целях отыскания предметов, которые могут иметь значение для уголовного дела, и необходимость безотлагательного его производства. Доводы о том, почему у органов предварительного расследования имелись основания полагать, что в доме подозреваемого могут находиться указанные предметы (или орудия совершения преступления) и в чем конкретно проявляется безотлагательность, не указывалось, что, на наш взгляд, является неверным.

Приведем еще один пример. 17 ноября 2020 г. следователем принято решение о возбуждении уголовного дела по факту кражи мобильного телефона, принадлежащего Н., происшедшей 28 октября 2020 г. В ходе допроса потерпевший указал, что в совершении преступления он подозревает Л., который в тот же день был допрошен в качестве подозреваемого по обстоятельствам совершенного преступления. Подозреваемый Л. подтвердил свою причастность к совершению кражи мобильного телефона, сказав, что он сдал его в ломбард. После произведенного допроса

следователем вынесено постановление о производстве обыска в жилище подозреваемого Л. в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. В описательно-мотивировочной части постановления указано, что обыск необходимо произвести «в целях обнаружения похищенного имущества, а также иных предметов и вещей, запрещенных в гражданском обороте, предметов и ценностей, добытых преступным путем, иных предметов, имеющих значение для уголовного дела...»⁷.

Анализируя указанное постановление, необходимо обратить внимание на следующее. Во-первых, следователем не указаны обстоятельства безотлагательности производства обыска. Во-вторых, из представленных суду материалов, подтверждающих обоснованность производства обыска, не вытекает, что в жилище подозреваемого Л. может находиться похищенное имущество, которым является исключительно мобильный телефон (из показаний потерпевшего известно, что ничего, кроме мобильного телефона, не похищено). Более того, из показаний Л. понятно, что похищенным имуществом он уже распорядился по своему усмотрению, а именно сдал его в ломбард. При этом каких-либо сведений о том, что подозреваемый сообщил недостоверную информацию о способе распоряжения похищенным имуществом и у органов предварительного расследования имеются основания полагать, что оно хранится в его жилище, в представленных материалах не имелось. В-третьих, если исходить из достоверности данных подозреваемым показаний, обыск в его жилище возможно было произвести в целях обнаружения и изъятия денежных средств, полученных им от реализации похищенного имущества (т. е. полученных преступным путем). Однако данные сведения следователем не учтены и им не дана правовая оценка. Основываясь на изученных материалах, сложно считать вынесенное следователем постановление обоснованным и мотивированным. Создается впечатление, что оно было вынесено ради того, чтобы его вынести и провести обыск в жилище подозреваемого только потому, что он таковым является, и похищенное имущество и денежные средства от его реализации еще не обнаружены и не изъятые. В постановлении не отражены ни основания для производства самого следственного действия (обыска в жилище), ни наличие обстоятельств его производства в случаях, не терпящих отлагательства.

Указанный пример демонстрирует не только отсутствие надлежащего описания имеющихся оснований для производства следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, но и то, что такой порядок его производства (без судебного решения) является исключением, а не общим правилом и необходимостью его производства по каждому уголовному делу. Следователем использовались основания для производства обыска, предусмотренные ст. 182 УПК РФ. Но не стоит забывать, что в норме закона

⁶ Дело № 3/3-158/2021. Архив Первомайского районного суда г. Омска.

⁷ Дело № 3/3-203/2020. Архив Центрального районного суда г. Омска.

сформулировано общее правило, которое необходимо обосновывать и описывать применительно к конкретным обстоятельствам уголовного дела.

Еще одним важным моментом, подлежащим учету при производстве следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, выступает период времени, прошедший с момента принятия следователем (дознавателем) такого решения до момента производства самого следственного действия. Как правило, в правоприменительной практике такой временной промежуток является минимальным: следственное действие проводится непосредственно после вынесения соответствующего постановления или через несколько часов после его вынесения, что представляется совершенно обоснованным и отвечающим требованиям безотлагательности.

Обратим внимание, что положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ неоднократно становились предметом оценки Конституционного Суда РФ. Так, в определении, вынесенном по жалобе Д. А. Борзаева, в которой заявитель назвал данную норму неопределенной, не предусматривающей конкретного срока для исполнения решения следователя о производстве неотложного обыска, позволяя приступить к его производству спустя несколько дней после принятия решения о его проведении⁸. Конституционный Суд РФ не усмотрел несоответствия применяемой нормы Конституции РФ. Исходя из обстоятельств уголовного дела, обыск в жилище Борзаева Д. А. был произведен 11 февраля 2020 г. на основании постановления следователя, вынесенного в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ 7 февраля 2020 г.

В этом отношении следует согласиться с мнением К. Б. Калиновского о том, что системно-логическое толкование ст. 165 УПК РФ позволяет заключить, что соблюдение условий безотлагательности проведения обыска — это производство поисковых действий в период до 24 часов с момента вынесения соответствующего постановления. Если обыск можно отложить на более поздний срок, то у следователя есть возмож-

ность в ординарном порядке возбудить ходатайство о проведении обыска перед судом, получить разрешение и провести обыск [4, с. 9].

Подводя итог, отметим, что процедура производства следственных действий в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, с одной стороны, является упрощенной за счет отсутствия согласования руководителя следственного органа или прокурора, а также первоначального судебного контроля, с другой стороны, такое упрощение компенсируется наличием последующего судебного контроля, а также необходимостью обоснования должностным лицом органа предварительного расследования, принимающим такое решение, не только самих оснований для проведения следственного действия, но и подтверждения наличия случая, не терпящего отлагательства.

Считаем, что в целях совершенствования правоприменительной практики применения ч. 5 ст. 165 УПК РФ случаи, не терпящие отлагательства, необходимо трактовать в зависимости от конкретной ситуации, учитывать при этом следующие обстоятельства: период времени, прошедший с момента преступного события до появления основания для производства следственного действия и до принятия решения о его производстве в случаях, не терпящих отлагательства; соотносить указанное время с характером отыскиваемого объекта или получаемой информации; исходить из фактических обстоятельств уголовного дела и обосновывать имеющиеся сомнения; описывать основания и условия производства следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ применительно к конкретным обстоятельствам уголовного дела; учитывать период времени между вынесением решения и планируемым временем производства самого следственного действия.

Каждый факт производства следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства, должен подтверждаться реальными материалами уголовного дела и находить отражение в описательно-мотивировочной части постановления.

Список литературы

1. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004.
2. Соловьев А. Б. Обеспечение обоснованности проведения осмотра в жилище, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. 2004. № 2.
3. Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России : монография. Омск, 2003.
4. Калиновский К. Б. Неотложный обыск проводится в течение суток с момента вынесения постановления // Уголовный процесс. 2024. № 1.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Борзаева Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 31 октября 2023 г. № 2734-О.

УДК 343.1

А. А. ФЁДОРОВА**Система мер процессуального принуждения,
применяемых к несовершеннолетним подозреваемым,
обвиняемым в совершении преступления**

Статья посвящена исследованию особенностей применения мер процессуального принуждения к несовершеннолетним. В частности, дается оценка присмотру — специально предусмотренной для несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых меры пресечения, описываются основания и условия применения к ним заключения под стражу. Делается вывод о достаточности существующих мер уголовно-процессуального принуждения для обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства, а также оказания воспитательного воздействия на данную категорию лиц.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, меры процессуального принуждения, меры пресечения, присмотр за несовершеннолетним, законный представитель

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых осуществляется с особенностями, установленными как специальной главой УПК РФ, так и общими нормами уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими производство предварительного расследования. Неотъемлемой частью такого производства является применение мер уголовно-процессуального принуждения, которые законодатель делит на задержание, меры пресечения и иные меры принуждения. Выбор той или иной меры процессуального принуждения по каждому уголовному делу всегда зависит от обстоятельств совершенного преступления, личности подозреваемого или обвиняемого, его социального и имущественного положения, поведения в ходе предварительного расследования.

В отношении несовершеннолетнего может быть применена и избрана любая мера процессуального принуждения, за исключением: наблюдения командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) — в силу установленного законом призывного возраста; временного отстранения от должности (ст. 114 УПК РФ) — поскольку лицо должно обладать статусом должностного лица; наложения ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) — полная дееспособность граждан наступает по достижении возраста 18 лет; денежного взыскания (ст. 117 УПК РФ) — данная мера принуждения связана с невыполнением своих обязательств поручителем или лицом, которому несовершеннолетний отдан под присмотр.

В силу прямого законодательного запрета в отношении несовершеннолетнего лица в возрасте до 14 лет независимо от его процессуального статуса не подлежит применению такая мера процессуального принуждения, как привод (ч. 6 ст. 113 УПК РФ).

Задержание несовершеннолетнего подозреваемого в совершении преступления производится на общих основаниях (ст. 90 УПК РФ) и в общем поряд-

ке (ст. 91 УПК РФ), с изъятием, которое заключается в обязательном и незамедлительном уведомлении его законного представителя (ч. 3 ст. 423 УПК РФ). Несовершеннолетний подозреваемый является единственным участником уголовного процесса, факт задержания которого не может храниться в тайне даже по мотивированному решению следователя с согласия прокурора (ч. 4 ст. 96 УПК РФ).

УПК РФ предусмотрена специальная мера пресечения для лиц, не достигших возраста 18 лет, — присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). Данная мера пресечения заключается в том, что определенное законом лицо берет на себя ответственность за обеспечение надлежащего поведения несовершеннолетнего (не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда, в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд, иным путем не препятствовать производству по уголовному делу), о чем дает письменное обязательство. К таким лицам действующее уголовно-процессуальное законодательство относит не только законных представителей несовершеннолетнего (родителей, опекунов (попечителей)), но и других заслуживающих доверия лиц, в том числе должностных лиц специализированного детского учреждения.

Данная мера пресечения в силу ч. 2 ст. 423 УПК РФ является приоритетной по отношению ко всем другим. Верховный Суд РФ указывает, что возможность отдачи несовершеннолетнего под присмотр должна в обязательном порядке обсуждаться и при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, так как «для несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления этот вопрос имеет особое значение, поскольку дает возможность избежать изоляции от общества»¹.

¹ О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Избрание несовершеннолетнему обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде присмотра способствует налаживанию привычной психологической обстановки в ходе судопроизводства и ставит его в такое положение, когда он должен нести ответственность за свое поведение не столько перед следователем или дознавателем, сколько перед имеющим у него авторитет лицом, с которым у него образовались определенные социальные связи. Как отмечается в юридической науке, при присмотре пользующиеся авторитетом у подростков родители способны при должном контроле, проведении разъяснительных бесед переориентировать подростка на нравственно оправдываемое поведение, что благотворно может сказаться на снижении риска возникновения у него преступного поведения в будущем [1, с. 17].

В случае объективной невозможности избрания несовершеннолетнему меры пресечения в виде присмотра (неблагополучие семьи; отсутствие согласия лица, которому несовершеннолетний мог бы быть отдан под присмотр, и т. д.) следователю необходимо рассмотреть вопрос об избрании другой меры пресечения. При этом УПК РФ не устанавливает никаких особенностей избрания для несовершеннолетних иных мер пресечения, кроме заключения под стражу.

Заключение под стражу — наиболее строгая мера пресечения, связанная с изоляцией лица от общества и помещением его в специальное учреждение. Ее избрание характеризуется усложненной процедурой. По общим правилам (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), заключение под стражу может быть избрано обвиняемому при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения, при этом в отношении несовершеннолетнего обвиняемого УПК РФ устанавливает ограничения в зависимости от тяжести совершенного преступления. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Верховный Суд РФ указывает, что заключение под стражу до судебного разбирательства может применяться к несовершеннолетнему лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени с обязательным указанием в постановлении о его избрании правовых и фактических оснований такого решения².

В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести. При этом согласно разъяснениям Верховного Суда РФ по смыслу ч. 6 ст. 88 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отно-

шении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые³. При применении указанной нормы в практической деятельности возникает проблема в установлении «исключительности» таких случаев, вследствие чего несовершеннолетний подвергается ограничениям, несоразмерным характеру совершенного деяния.

В 2018 г. появилась новая мера пресечения — запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ). Органы предварительного расследования вправе ходатайствовать перед судом об установлении в отношении несовершеннолетнего как одного, так и нескольких запретов, закрепленных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ. Несмотря на то что законодательно не установлено никаких особенностей избрания указанной меры пресечения в отношении несовершеннолетних, при подготовке ходатайства следователю целесообразно выяснить, не повлечет ли избрание такой меры пресечения нарушения прав на образование, досуг и отдых, не отразится ли оно на социальных и внутрисемейных связях, возможно ли реальное обеспечение соблюдения несовершеннолетним установленных запретов. В последнее время в юридической науке также высказываются предложения о возможности комбинирования запрета определенных действий с присмотром [2, с. 102; 3, с. 219], однако, на наш взгляд, это нецелесообразно. Подобное комбинирование исказит саму суть специальной меры пресечения для несовершеннолетних, поскольку присмотр избирается в случае достаточной уверенности должностного лица органа предварительного расследования в реальной возможности обеспечить надлежащее поведение подозреваемого или обвиняемого лицом, имеющим с несовершеннолетним определенные семейные и (или) социальные связи, без дополнительного государственного принуждения. Как отмечалось выше, избрание присмотра способствует созданию более комфортной и привычной обстановки для несовершеннолетнего в ходе судопроизводства. Одновременно обязанность по контролю за исполнением несовершеннолетним запретов и ограничений, установленных ст. 105¹ УПК РФ, возлагается на должностных лиц специализированных органов, что приведет к формализации обстановки.

Правильно избранная мера пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого способна не только обеспечить установленный законом порядок уголовного судопроизводства, но и оказать на несовершеннолетнего воспитательное воздействие. В целом существующая система мер процессуального принуждения, имея направленность на минимизацию негативных последствий их применения в отношении несовер-

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1.

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41.

шеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, дает должностным лицам органов предварительного расследования довольно широкие возможности по обеспечению его надлежащего поведения в ходе досудебного производства по делу. Вместе с тем вопрос оснований и условий

избрания меры пресечения в виде заключения под стражу требует дополнительной доработки для исключения случаев несоразмерности претерпеваемых несовершеннолетним ограничений характеру и последствиям деяния, его роли в совершении преступления.

Список литературы

1. Емельянова А. А. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых при применении мер процессуального принуждения в ходе предварительного расследования // Мировой судья. 2021. № 5.
2. Савицкая И. Г. О комбинированном подходе к применению мер пресечения в виде запрета определенных действий в отношении несовершеннолетнего // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2020. № 1(7).
3. Тимошкина В. А. Проблемные аспекты применения отдельных мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150).

УДК 343.1

Д. А. ШАЙДЕНКО

Генезис оснований задержания подозреваемого в российском уголовном процессе

Рассматриваются вопросы, связанные со становлением и развитием оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления. Большое внимание уделяется анализу Устава уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг., а также УПК РФ в части норм, содержащих указанные основания. Сделан вывод, что, с одной стороны, основания задержания являются классическими исключительными случаями, при которых конкретный орган вправе лишить лицо свободы, хотя по общему правилу он на это не уполномочен. С другой стороны, данные основания имеют «полицейский» характер и не в полной мере пригодны для органов расследования.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, основания задержания, лишение свободы

При изучении оснований задержания подозреваемого заметна их «необычность». Они являются в какой-то степени классическими и сконструированы как конкретные фактические обстоятельства, которые следователь и дознаватель непосредственно познать не могут. Так, согласно ст. 91 УПК РФ орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; 4) при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если пыталось скрыться либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

В данной статье нас в большей степени будут интересовать первые три основания, которые почти без изменений нашли отражение в законодательстве практически всех государств постсоветского пространства. Основания задержания имеют прочные исторические корни, и в связи с этим нужно сделать важную оговорку. Обращаясь к ранее действовавшим законам, необходимо иметь в виду, что употребляемые в них термины часто имеют другое значение в сравнении с действующим УПК РФ. Поэтому, руководствуясь принципом историзма, предлагаем ненадолго абстрагироваться от привычного нам содержания, вкладываемого в термин «задержание».

Рассматриваемые формулировки возникли в отечественном законодательстве в результате заимствования из зарубежных правовых источников. По этому поводу в курсе уголовного процесса под редакцией

профессора Л. В. Головки сказано следующее: «На российское право большое влияние оказали положения наполеоновского Кодекса уголовного следствия 1808 г., в свою очередь, воспринявшего классический средневековый институт *inflagranti* (действия полиции при обнаружении преступления с поличным). Поэтому нет ничего удивительного, что формулировки ст. 91 УПК РФ почти дословно воспроизводят соответствующие положения действующего УПК Франции 1958 г. о так называемом „дознании очевидных преступлений“. Другое дело, что если французская традиция всегда развивала средневековый институт *inflagranti* в качестве особой формы дознания, которая проводится в тех случаях, когда „лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после“, когда „укажут потерпевшие или очевидцы“, когда „на лице, его одежде и т. п. обнаружены следы преступления“, то российская доктрина со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. преобразовала его в институт оснований задержания, сохранившийся в советских УПК и фактически без серьезных изменений воспринятый действующим УПК РФ» [1, с. 530]. Как можно заметить, отечественное регулирование оснований задержания лишь отчасти соответствует заложенной в первоисточнике идее. Перечисленные случаи (пп. 1–3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ) указывают не столько на возможность и необходимость лишения лица свободы, сколько на очевидность совершенного деяния.

Указанные случаи берут истоки в знаменитой работе Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» 1764 г. Он писал, что закон должен предусматривать доказательства, при наличии которых возможно заключить человека в темницу: «Глас народа, побег, признание, вне суда učinенное свидетельство одного соучастника, непримиримая ненависть против оскорбленного, učinенные ему угрозы — все эти признаки достаточны для задержания гражданина» [2, с. 136]. Значительно переработанные, но не лишённые заложенного в них смысла, эти положения были восприняты многими государствами. Практически дословно данные «улики» вошли в Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г.:

«Глас народа, который его винит, побег его, признание, учиненное им вне суда; свидетельство сообщника, бывшего с ним в том преступлении, угрозы и известная вражда между обвиняемым и обиженным, самое действие преступления и другие подобные знаки довольно могут подать причину, чтобы взять гражданина под стражу»¹. В дальнейшем данные основания нашли отражение в нормативных актах Российской империи.

Представляется необходимым исследовать, в каком ключе рассматриваемые положения использовались в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС). Согласно ст. 257 УУС полиция принимает меры к пресечению уклонения подозреваемого от следствия в следующих случаях: 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или в его жилище будут найдены явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; 5) когда подозреваемый совершил покушение на побег или пойман во время или после побега; 6) когда подозреваемый не имеет постоянного места жительства или оседлости.

Как можно заметить, прямого упоминания о каком-либо задержании нет. Ученый дореволюционного периода А. Ф. Кистяковский трактовал эти положения так: «Полиция принимает меры к пресечению». Следует считать правилом, что полиция уполномочена принимать все без исключения меры пресечения, установленные УУС. Это также подтверждается ст. 259 того же Устава, по норме которой полиция обязана «непременно руководиться при принятии мер правилами, постановленными для производства предварительным следствием, значит, и общими правилами о мерах пресечения» [3, с. 141]. Однако в объяснительной записке к проекту УСС речь шла только о личном задержании². Вопрос о том, связывает УУС данные случаи с возможностью применения полицией любых мер пресечения или только задержания, неоднозначен. Ряд авторов того времени придерживался мнения, аналогичного позиции А. Ф. Кистяковского [4, с. 276; 5, с. 308; 6, с. 365].

Возвращаясь к сделанной в начале оговорке, стоит сказать, что УУС не разделял досудебное лишение свободы на заключение под стражу и задержание. Упоминаемые в УУС «личное задержание» (ст. 77 УУС), «взятие под стражу» (ст. 416 УУС), «содержание под стражей» (ст. 419 УУС), «задержание под стражей» (ст. 8 УУС) означали одно и то же — меру воспрепятствования уклонению обвиняемых от следствия и суда. По общему правилу, взятие под стражу применялось судебными следователями и судом (су-

дебной властью), но УУС предусматривал исключительные случаи, когда данную меру пресечения вправе применить полиция. Эти случаи как раз и являются рассматриваемыми основаниями. А. Ф. Кистяковский писал, что «закон в видах ограждения личной свободы граждан и в видах прекращения старых злоупотреблений полиции в деле пресечения обвиняемым способов уклоняться от следствия и суда не признал возможным предоставлять полиции права руководствоваться вообще соображениями о силе улик, подобно тому, как он предоставил это право судебным следователям и мировым судьям, а взял на себя труд, так сказать, поименно исчислить те улики, существование которых только дает право полиции на принятие мер» [3, с. 142].

Следующим этапом развития оснований задержания можно считать первые советские УПК. Третьей сессией ВЦИК 25 мая 1922 г. принят УПК РСФСР. Он отделил от мер пресечения задержание и вынес его в главу VIII УПК РСФСР «Дознание», подчеркнув тем самым, что обязанность задержания возложена на органы дознания с целью предупредить уклонение подозреваемого от следствия и суда [7]. «Отделил» данный закон задержание от мер пресечения только терминологически. В УПК РСФСР 1922 г. и в принятом впоследствии УПК РСФСР 1923 г. указанные основания сохранились почти без изменений и рассматривались как исключительные случаи, в которых орган дознания (милиция) имеет право задерживать лицо по подозрению в совершении преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно (ст. 100 УПК РСФСР 1923 г.), либо когда наказание за преступление не превышает одного года лишения свободы (ст. 103 УПК РСФСР 1923 г.). Если наказание за преступление превышало один год лишения свободы, а производство предварительного следствия по нему было необязательно, орган дознания был вправе избрать любую меру пресечения, в том числе заключение под стражу (ст. 102 УПК РСФСР 1923 г.). Несмотря на то что предварительное лишение свободы терминологически разделялось на задержание и заключение под стражу, суть этих мер сводилась к одному и тому же. Заложенную в тексте УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. идею можно сформулировать так: орган дознания мог применять предварительный арест тогда, когда он, по общему правилу, на это не уполномочен, но только в прямо перечисленных в законе случаях и только для недопущения уклонения подозреваемого от следствия и суда, при этом такой арест был назван задержанием, а не заключением под стражу.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. следователь лишился возможности самостоятельно применять меру пресечения в виде заключения под стражу, теперь для этого требовались санкция прокурора либо решение суда. Соответственно, задержание по

¹ URL: <http://музейреформ.рф/node/13646> (дата обращения: 11.01.2024).

² URL: <https://www.prilib.ru/item/343187> (дата обращения: 13.01.2024).

«исключительным» основаниям распространилось и на следователя. Такое регулирование сохранилось и в УПК РФ 2001 г. Действующее правило можно сформулировать так: лишить человека свободы может только суд, но в исключительных случаях, перечисленных в ст. 91 УПК РФ, лишить свободы может следователь, дознаватель, орган дознания на срок до 48 часов.

Неслучайно эти основания изначально предназначались полиции. Они просты в понимании и предполагают либо непосредственное наблюдение полицейскими преступного события, либо принятие оперативных мер к установлению данных обстоятельств (оснований). Не требуется формализованных юридических процедур и значительного вмешательства в интересы личности, чтобы установить, что очевидцы указали на лицо как на совершившее преступление или что на лице, его одежде, в его жилище находятся явные следы преступления и т. д. В своих работах С. Б. Россинский часто говорит о возникновении в России в XX в. самобытной модели досудебного производства, которая выражается в наделении представителей органов исполнительной власти полицейского типа юрисдикционной правосубъектностью, позволяющей выносить имеющие юридические последствия правоприменительные акты [8, с. 20]. Однако такое положение, когда административные органы (полиция) не имели юрисдикционных полномочий, по историческим меркам длилось недолго — с судебной реформы 1860-х гг. примерно до 1930-х гг. XX в. И в ходе судебной реформы законодатель ясно дал понять, что полиция теперь не имеет отношения к расследованию преступлений и не может по своему усмотрению задерживать граждан. Но, поскольку полиция работает непосредственно «на земле», чаще взаимодействует с гражданами, ей даны полномочия на производство первоначальных действий, направленных на фиксацию следов преступления и пресечение попыток подозреваемого скрыться. Задерживать граждан (в то время то же самое, что и заключать под стражу) полиция имеет право только в прямо перечисленных случаях, которые явно свидетельствуют об очевидности деяния и причастности подозреваемого к его совершению.

Несмотря на то что формально следствие теперь не судебное, а относится скорее к органам исполнительной власти, фактически следователи ближе к народу не стали. Но при этом они лишились права самостоятельно оценивать фактические обстоятельства при принятии решения о предварительном заключении. Такое смещение полиции и юстиции не могло не отразиться на правовом регулировании деятельности наружных служб.

Так, Устав патрульно-постовой службы (далее — ППС) милиции 1993 г. предоставлял сотрудникам право доставлять в милицию лиц, подозреваемых в совершении преступлений, при наличии одного из следующих оснований: а) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; б) когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо как на совершившее преступление; в) когда на подозреваемом или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; г) при наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть доставлено в милицию лишь в том случае, если это лицо покушалось на побег или когда не установлена его личность³. Здесь можно заметить практически дословное дублирование оснований процессуального задержания в ведомственный нормативный акт. Несмотря на то что в данном документе активно используются фразы «задержание преступника», «задержание лица, подозреваемого в совершении преступления» и т. п., в вышеприведенных положениях речь идет о доставлении. Как представляется, это может быть объяснено необходимостью разграничения с уголовно-процессуальным законом, где с этими основаниями связано задержание. Иными словами, поскольку сотрудники ППС, исходя из норм УПК, не вправе задерживать лиц по данным основаниям, их действия названы доставлением, хотя суть складывающихся отношений от этого не меняется.

В приложении 4 к Наставлению об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России⁴ приведена тематика проведения инструктажей с сотрудниками ППС. Среди них предложена ст. 91 УПК РФ «Основания задержания подозреваемого». В качестве сотрудника, проводящего инструктаж, предполагается начальник следственного отдела (отдела дознания). Это вполне логично, так как перечисленные в ст. 91 УПК РФ ситуации как нельзя лучше подходят для наружных служб.

С одной стороны, основания задержания имеют фактический «полицейский» характер, предполагают случаи, которые с очевидностью свидетельствуют о совершении конкретным лицом конкретного преступления. Согласимся с В. В. Кальницким, что описанные в законе ситуации происходят на улице, а следователь работает в кабинете, для него событие преступления — всегда событие прошлого, которое он не мог наблюдать лично или участвовать в нем непосредственно (в этом случае он не смог бы расследовать дело, так как подлежит отводу) [9, с. 170]. Следователь устанавливает эти основания из материалов

³ О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции (вместе с Уставом патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации) : приказ МВД России от 18 января 1993 г. № 17. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495.

дела, что не в полной мере соответствует сути самих оснований. С другой стороны, исторически сложилось так, что если определенный субъект, по общему правилу, не может лишать лицо свободы на время расследования, то в исключительных случаях (те самые основания) он такие полномочия получает. Вводя такие конкретные ситуации в качестве оснований задержания, законодатель подчеркивает, что лишение свободы — это прерогатива судебной власти, однако совсем отнимать такую возможность у органов расследования было бы абсурдом.

Таким образом, в ходе исторического развития мер, направленных на лишение лица свободы в досудебном производстве, произошло наложение юридических конструкций, предназначенных по большей части для наружных служб полиции, на органы предварительного расследования. Однако необходимо отметить, что ч. 2 ст. 91 УПК РФ все-таки сохраняет юрисдикционную сущность. «Иные данные» предполагают оценку следователем и дознавателем фактических обстоятельств, указывающих на причастность лица к совершению преступления.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с фр. А. Хрущева. СПб., 1806.
3. Кистяковский А. Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868.
4. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
5. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912.
6. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство и судопроизводство. СПб., 1910.
7. Ткачёва Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России : монография. URL: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/tkacheva/1-1.htm> (дата обращения: 15.01.2024).
8. Россинский С. Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3(52).
9. Кальницкий В. В. Задержание подозреваемого следователем (дознавателем) // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : избр. тр. Омск, 2016.

УДК 343.1

Т. Н. ШУМИЛОВА

Судебное заседание по вопросу избрания мер пресечения в досудебном производстве как форма осуществления правосудия

Статья посвящена процессуальному порядку судебного заседания по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования об избрании мер пресечения. Обращается внимание на некоторые проблемные аспекты правового регулирования и правоприменительной практики, касающиеся необходимости обеспечения участия в судебном заседании лица, инициировавшего ходатайство, потерпевшего, независимости судьи при отказе прокурора от поддержания заявленного ходатайства, оценки судьей квалификации преступления, предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: правосудие, суд, судебное заседание, ходатайство, мера пресечения

Общий порядок судебного рассмотрения вопросов, связанных с избранием мер пресечения в досудебном производстве, закреплен в ст. 108 УПК РФ. Во взаимосвязи с ней находятся положения ст. ст. 105¹, 106, 107 УПК РФ, устанавливающие особенности предмета судебного рассмотрения, связанные со спецификой таких мер пресечения, как домашний арест, залог и запрет определенных действий. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 41) содержатся соответствующие разъяснения.

Как следует из буквального толкования п. 50 ст. 5 УПК РФ, судебное заседание по вопросу избрания мер пресечения в досудебном производстве является одной из процессуальных форм осуществления правосудия, содержательная характеристика надлежащего отправления которого включает символическую (ритуальную) сторону его реализации и подразумевает «осуществление правосудия в определенной обстановке и с определенной атрибутикой»¹. Судебное заседание проводится в специфическом порядке, т. е. отличном от рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции, с применением норм главы 35 УПК РФ, но с учетом действующего правового регулирования и сложившейся правоприменительной практики в той части, в которой они согласуются с целями его проведения. Анализ положений УПК РФ позволяет сделать вывод, что при избрании мер пресечения не предусмотрено проведения прений и предоставления последнего слова подозреваемому (обвиняемому). Предметом рассмотрения выступают законность и обоснованность ходатайств органов предварительного расследования об избрании мер пресечения.

Учитывая отсутствие четкого нормативного указания на составные элементы структуры судебного заседания, при разрешении этого вопроса исходить следует из сложившейся практики рассмотрения судом любого юридического спора и разграничить три его последовательных этапа: подготовительный, основной (исследовательский) и этап вынесения решения. Рассмотрим каждый из них.

Подготовительный этап по своему назначению и содержанию имеет сходство с первоначальной стадией судебного заседания в суде первой инстанции, они состоят в проверке наличия необходимых условий для рассмотрения судебного дела по существу. В соответствии с ч. 6 ст. 108 УПК РФ судья в начале судебного заседания объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности.

При этом закон не содержит перечня прав и способов их реализации. Кроме того, не закреплена необходимость представления председательствующего участникам процесса. Однако объявление состава суда перед началом судебного заседания является общепринятым стандартом осуществления судебной деятельности. Другими словами, какой бы вид судопроизводства ни осуществлялся, каков бы ни был предмет судебного рассмотрения, судья назовет свое имя присутствующим. Иное ставило бы под сомнение возможность реализации права на заявление отвода судьей.

Исходя из буквального толкования ст. 244 УПК РФ, участники любого судебного заседания обладают следующими правами: участвовать лично или посредством представителя в судебном заседании, доводить свою позицию до суда; заявлять отводы, ходатайства; знакомиться с суждениями других лиц; давать по этому поводу пояснения; представлять в суд дополнительные материалы по существу рассматриваемого юридического спора и др. Помимо этого, учитывая специфику предмета судебного рассмотре-

¹ По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П (абз. 3 п. 3). Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния, существенное значение имеет правовая позиция Конституционного Суда РФ². Согласно данной позиции для лица, в отношении которого рассматривается вопрос об избрании судом меры пресечения, обеспечивается возможность ознакомления со всеми материалами рассматриваемого судом дела.

Отдельно обратим внимание на важность разъяснения и обеспечения конституционного принципа обжалования решений, действий (или бездействия) органов государственной власти. В настоящее время мнение, высказанное Г. Н. Козыревым в 1994 г., о том, что «законодатель поступил мудро, не предусмотрев механизма исправления допущенных судьями ошибок при рассмотрении жалобы на заключение под стражу» [1, с. 24], не вписывается в существующую парадигму, изменившуюся за прошедшие 30 лет принципиальным образом.

Стоит отметить, что отсутствие формализма в вопросе предоставления правовых гарантий сторонам судебного спора выступает существенным достижением проводимой государством политики, направленной на признание прав и свобод человека высшей ценностью, обеспечиваемой судебной защитой.

Результаты анализа правоприменительной практики³ позволяют сделать вывод о едином порядке проведения подготовительной части судебного заседания в досудебном уголовном судопроизводстве (установление личности явившихся в судебное заседание лиц, разъяснение им процессуальных прав, решение вопроса о возможности проведения заседания в отсутствие кого-либо из числа приглашенных участников уголовного процесса и др.). В связи с этим считаем правильным часть регламента судебного разбирательства, проводимого в досудебном производстве по уголовным делам, указать в законе следующим образом: «В начале заседания судья представляется явившимся в судебное заседание лицам, объявляет, какое инициативное обращение подлежит рассмотрению, разъясняет их права и обязанности, разрешает заявленные отводы и ходатайства».

Подготовительный этап заканчивается принятием судьей решения о возможности рассмотрения поступившего ходатайства органов предварительного расследования при имеющейся явке сторон спора (их представителей). При этом согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ не явившиеся в судебное заседание стороны не лишены возможности изложить свою позицию в письменной форме, а также вправе ходатайствовать перед судом об отложении судебного заседания⁴.

Состав участников судебного заседания по избранию мер пресечения указан в ч. 4 ст. 108 УПК РФ и предполагает обязательное участие подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле. При этом стоит согласиться с мнением И. С. Дикарева о том, что «будучи не связанным позицией следователя и руководителя следственного органа прокурор дает оценку обоснованности возбужденного перед судом ходатайства, что должно обеспечить соблюдение принципа законности» [2, с. 76–83]. Другими словами, прокурор выступает в роли гаранта соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также исполнения требований уголовно-процессуального закона и вправе не поддерживать позицию лица, возбудившего перед судом соответствующее ходатайство.

Мы разделяем мнение ученых, полагающих, что «при решении судом вопроса о применении мер пресечения позиция прокурора должна быть определяющей, поскольку в дальнейшем именно ему предстоит осуществлять в судебном разбирательстве функцию уголовного преследования и поддерживать государственное обвинение по уголовному делу, в том числе и по вопросу об ограничении конституционных прав участников судопроизводства» [3, с. 18–23; 4, с. 171–172]. Однако считаем, что в случае отказа в судебном заседании прокурора от поддержания заявленного ходатайства на основании недостаточной обоснованности восполнить недостающую совокупность данных возможно по требованию судьи путем предоставления ему всех материалов уголовного дела следователем (дознавателем). Данная возможность обеспечит независимость судьи в принятии им решения.

Обращает на себя внимание тот факт, что действующее законодательство не закрепляет право потерпевшего на участие в судебном заседании при решении вопроса об избрании мер пресечения, хотя постановление о вынесенном решении должно быть направлено судом потерпевшему. Прослеживается некоторая непоследовательность в правовом регулировании его процессуального положения, не позволяющая ему довести свою позицию до суда по вопросу избрания меры пресечения, заявить ходатайства. Кроме того, в качестве самостоятельного основания для избрания меры пресечения в п. 3 ст. 97 УПК РФ законодатель указал на наличие достаточных данных полагать, что лицо может угрожать участникам уголовного судопроизводства, которым является в том числе потерпевший. Принимая во внимание, что потерпевший фигурирует

² По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77¹ Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 576-О-П.

³ Изучено 50 постановлений суда об избрании мер пресечения (Омская область — 20, Тюменская область — 1, Томская область — 1, Кемеровская область — 5, Красноярский край — 9, Новосибирская область — 3, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра — 11).

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рубцова Виктора Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 108 и статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2007 г. № 31-О-О.

в сформулированном законодателем основании для избрания меры пресечения, полагаем, что значимость его пояснений при установлении обстоятельств, имеющих значение для разрешения судебного дела и обеспечения собственной безопасности, очевидны.

Предпринимая попытку устранить данный пробел, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 41 (п. 17) указал, что установленный ч. 4 ст. 108 УПК РФ порядок рассмотрения судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не исключает участия в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно.

Нередки случаи, когда потерпевший является близким родственником подозреваемого (обвиняемого) и существенные ограничения его прав, связанные с избранием мер пресечения, очевидны. Например, при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, в частности возложения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, а также принятии решения о домашнем аресте, когда и потерпевший, и подозреваемый (обвиняемый) вынуждены проживать совместно.

Представляется целесообразным предусмотреть в уголовно-процессуальном законе право потерпевшего участвовать в судебном заседании по вопросам избрания, продления, изменения, отмены мер пресечения, заявлять отводы, ходатайства, доводить до сведения суда свою позицию относительно рассматриваемых вопросов, обжаловать решения судьи, а также об ознакомлении с материалами, на основании которых судом принимаются указанные виды решений. По нашему мнению, законодательное закрепление данных положений станет гарантией защиты прав и законных интересов потерпевшего. Кроме того, это позволит суду непосредственно воспринимать и учитывать информацию о самом потерпевшем, обстоятельствах, подлежащих установлению, знать его мнение относительно вида избираемой меры пресечения, оценивать полученные данные и принимать процессуальное решение, основываясь на их всестороннем исследовании.

После того как все необходимые подготовительные действия проведены, судом принято решение о возможности рассмотрения поступившего ходатайства об избрании меры пресечения, начинается *основной (исследовательский) этап судебного заседания*, в ходе которого заслушиваются доводы сторон, исследуются представленные материалы, проводится анализ всего комплекса фактических обстоятельств и нормативных оснований применения конкретной нормы права.

Согласно ч. 6 ст. 108 УПК РФ начало исследования связано с обоснованием рассматриваемого ходатайства прокурором (либо по его поручению лицом, возбудившим ходатайство), после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Полагаем, что участие в судебном заседании лица, возбудившего ходатайство, должно быть обязательным, так как это способствует принятию обоснованного

судебного решения. Данный факт объясняется тем, что именно у этого лица имеются полная информация о расследовании уголовного дела и возможность оперативного представления материалов в подтверждение заявленной им позиции. Кроме того, присутствие следователя (дознателя) при исследовании фактических данных в суде позволит ему сформировать представление о тактике установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, в дальнейшем использовать полученные знания при производстве расследования, что будет способствовать повышению их уровня компетентности, формированию высококвалифицированных кадров.

Суд непосредственно в судебном заседании заслушивает пояснения участников процесса, исследует представленные материалы, к которым относятся копии заявления (сообщения) о преступлении, рапорты сотрудников полиции, постановление о возбуждении уголовного дела, принятии его к производству, протоколы задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого; иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, а также сведения об участии в деле защитника, потерпевшего и копии иных имеющихся в деле данных, подтверждающих необходимость избрания в отношении лица конкретной меры пресечения.

В ходе рассматриваемого этапа судебного заседания судья проверяет обоснованность подозрения лица в совершении преступления, содержание ходатайства и приобщенного материала, наличие определенных сведений, указывающих на причастность лица к совершенному преступлению, наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Подлежат оценке также обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения. Необходимо отметить, что важнейшим условием для применения мер пресечения, ограничивающих неприкосновенность личности, является невозможность применения более мягких мер пресечения. Кроме того, постановление Пленума ВС РФ № 41 содержит указание на исследование специальных обстоятельств применительно к таким мерам пресечения, как домашний арест, залог, запрет определенных действий. Так, при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо проверить основания проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, нахождение в котором предполагается (п. 37); сведения, подлежащие выяснению при назначении залога, перечислены в пп. 43, 44, 45; запрета определенных действий — в п. 51.1.

По справедливому замечанию С. В. Никитиной, суд, принимая решение о применении меры пресечения в досудебном производстве, основывается на совокупности доказательств и сведений, не имеющих процессуальной формы [5, с. 17]. Иначе говоря, решение суда опирается на данные, обладающие разнородной правовой природой.

Незыблемым остается правило, что вопрос о виновности лица в досудебном производстве не под-

лежит рассмотрению. На этот факт неоднократно обращалось внимание Конституционного Суда РФ⁵, аналогичное требование содержит постановление Пленума ВС РФ № 41 (п. 29).

Позволим себе не согласиться с А. В. Победкиным в том, что при избрании меры пресечения судья «весьма поверхностно погружен в материалы уголовного дела (большую часть этих материалов он попросту не видел), не воспринимает их в целом, не чувствует решение, которое в конкретном случае является единственно правильным» [6, с. 82]. В качестве обоснования приведем правовые позиции высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации. Так, оценка обоснованности и законности избрания мер пресечения возложена на суд⁶, решение об избрании меры пресечения возможно только по результатам рассмотрения данного вопроса в судебном заседании, при реализации принципа состязательности сторон⁷. Состязательность предполагает равные права в процессе доказывания. Как одна, так и другая сторона вправе излагать свои соображения и выводы по поводу всех вопросов, возникающих в судебном заседании. Они наделены равными процессуальными правами для отстаивания перед судом своих утверждений и оспаривания мнения противоположной стороны. Значимой в этом отношении выступает позиция Конституционного Суда РФ, которая заключается в необходимости исследования судом фактических и правовых оснований для избрания меры пресечения при обеспечении лицу возможности довести до суда свою позицию, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или формально, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для таких решений обстоятельств, приводимых как стороной обвинения, так и стороной защиты⁸. Таким образом, судья должен прийти к внутреннему убеждению, что альтернативные меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого) не достигнут желаемых результатов, и изложить свою позицию

в мотивировочной части постановления. В ряде дел Европейский суд по правам человека установил нарушения п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку соответствующий анализ в решениях суда отсутствовал⁹.

Среди наиболее сложных проблемных аспектов, на наш взгляд, стоит отметить то, что судья не вправе подвергать оценке квалификацию преступления, данную органами предварительного расследования. В связи с этим нередки случаи, когда удовлетворяются ходатайства об избрании меры пресечения на основании неточной квалификации преступления (завышение объема предъявленного обвинения, неверная квалификация и т. д.). Полагаем, что Пленум Верховного Суда РФ мог бы отразить в своем постановлении рекомендации судам, ориентирующие их на оценку правильности уголовно-правовой квалификации деяния, данной органами предварительного расследования, исходя из представленных и исследованных в судебном заседании материалов, в целях обеспечения избрания меры пресечения, которая соответствует инкриминируемому деянию.

По окончании исследовательской части судебного заседания судья удаляется в совещательную комнату для вынесения решения.

Решения, которые могут быть вынесены судьей по результатам судебного заседания, перечислены в ч. 4 ст. 105¹, ч. 7 ст. 106, ч. 4 ст. 107, ч. 7 ст. 108 УПК РФ, они являются актами правосудия.

К сожалению, анализ правоприменительной практики, публикуемые результаты научных исследований свидетельствуют, что «и 30 лет назад, и сейчас в постановлениях следователей и о применении мер пресечения в обоснование принимаемого решения вместо конкретных фактических обстоятельств часто воспроизводится почти дословно текст ч. 1 ст. 97 УПК РФ — есть основания полагать, что обвиняемый (подозреваемый) скроется от следствия или суда, может продолжить заниматься преступной деятельностью,

⁵ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П ; По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П ; По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П ; Определение Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. № 713-О.

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якупова Максима Рашидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2021 г. № 890-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шпигель Евгении Григорьевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 108 и частью третьей статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2023 г. № 2595-О.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ничеперова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 108 и частью первой статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1038-О.

⁹ Дело «Федоренко (Fedorenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39602/05) : постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. ; Дело «Сергей Васильев (Sergey Vasilyev) против Российской Федерации» (жалоба № 33023/07) : постановление ЕСПЧ от 17 октября 2013 г.

угрожать свидетелям и т. д.» [7, с. 19–23]. Кроме того, распространены случаи, когда обоснование необходимости избрания меры пресечения формулируют и отражают в постановлении общим утверждением, что обвиняемый (подозреваемый) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также продолжит заниматься преступной деятельностью. При этом конкретных данных, свидетельствующих об этом, в решениях не содержится. Указанные проблемы правоприменительной деятельности идут вразрез с действующим правовым регулированием, являются грубым нарушением основополагающего общеправового принципа — законности, что является, на наш взгляд, недопустимым.

Последовательные шаги законодателя, направленные на создание эффективного механизма обеспечения судебной защиты конституционных прав на свободу, личную неприкосновенность, частную собственность, привели к более четкой регламентации оснований и условий для применения наиболее строгих мер пресечения, ограничения возможности применения заключения под стражу, а также появление новой меры пресечения — запрета определенных действий. При этом некоторые проблемы, связанные с определением прав участников судебного заседания по вопросу избрания мер пресечения, участием потерпевшего, полномочиями суда в части оценки правильности квалификации деяния, требуют дальнейшего теоретического осмысления и законодательного закрепления.

Список литературы

1. Козырев Г. Н. Судебная проверка законности и обоснованности ареста : учеб.-практ. пособие. Н. Новгород, 1994.
2. Дикарев И. С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам // Журнал российского права. 2018. № 3.
3. Манова Н. С. Возможно ли принятие судом решения о применении меры пресечения при отказе прокурора поддержать ходатайство следователя // Российский судья. 2019. № 5.
4. Назаров С. Н. Формы участия прокурора в суде при рассмотрении ходатайств органов расследования об избрании меры пресечения // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 4.
5. Никитина С. В. Доказательственная деятельность суда при принятии процессуальных решений в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2022.
6. Победкин А. В. Мера пресечения — не наказание (о проекте федерального закона по ограничению применения заключения под стражу) // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова. Омск, 2024.
7. Кортунков В. М., Вершинина С. И. Проблемы объективизации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5.

Исполнение закона как обстоятельство, исключающее преступность деяния

Рассмотрен вопрос, связанный с наличием необходимости принятия нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, который бы учитывал ситуации, когда человек вынужден действовать в силу исполнения положений, предусмотренных нормативными правовыми актами. Существуют правоотношения, которые не в полной мере регламентируются положениями главы 8 УК РФ, в связи с чем автором предлагается восполнить правовой пробел путем принятия такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как «исполнение закона».

Ключевые слова: исполнение закона, должностные лица, реализация полномочий, применение оружия

Нередко среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, законодатель выделяет необходимую оборону и крайнюю необходимость. Такая ситуация наблюдалась как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве. Однако стоит отметить, что в теории уголовного права их число давно не ограничивается этими двумя обстоятельствами и включает иные ситуации, при которых отсутствует преступность деяния. Увеличение количества обстоятельств, при которых совершенное деяние имеет внешние признаки преступления, но при этом в силу общественной полезности таковым не является, связано с развитием общества и характеризует качественное изменение уголовного законодательства, его развитие в области дифференциации и индивидуализации ответственности. Поведение человека невозможно детально регламентировать и поместить его в рамки закона, поэтому исключающие преступность деяния обстоятельства, закрепленные в Уголовном кодексе РФ (далее — УК РФ), имеют пробелы и не всегда находят практическое применение. Однако в ходе анализа отечественного законодательства мы приходим к выводу, что существуют иные, не предусмотренные уголовным законом, основания исключения уголовной ответственности. По мнению некоторых авторов, УК РФ содержит только те обстоятельства, исключающие преступность деяния, которые не нашли должного правового регулирования в иных нормативных правовых актах [1, с. 63]. С учетом такой позиции представляет интерес ст. 32 Уголовного кодекса Грузии, согласно которой «не являются противоправными действия лица, совершившего предусмотренное настоящим Кодексом деяние, при наличии иных обстоятельств, которые хотя в настоящем Кодексе прямо не упоминаются, но вполне удовлетворяют условиям правомерности этого деяния»¹. Тем самым законодатель оставляет открытым перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, позволяя избежать пробелов при реализации норм права в развивающемся обществе.

Уголовный кодекс Франции в главе, посвященной обстоятельствам, исключающим или смягчающим от-

ветственность, содержит норму, согласно которой «лицо, совершившее действие, предписанное или санкционированное законодательными или нормативными актами, не несет уголовной ответственности»².

В ходе реализации своих функций органы исполнительной власти могут оказаться в ситуации, когда для защиты охраняемых законом интересов необходимо совершать действия, формально содержащие признаки состава преступления.

Так, при проведении оперативно-розыскных мероприятий могут возникнуть случаи, когда действия оперативных сотрудников формально содержат признаки состава преступления. Однако целью таких мероприятий является изобличение преступной деятельности, выявление лиц, причастных к таковой, предотвращение совершения более тяжких преступлений. Значит, подобные действия являются общественно полезными, хотя формально причиняют вред охраняемому уголовным законом объекту. При этом стоит отметить, что причиняемый вред должен быть меньше предотвращаемого. Данные признаки характерны для такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ). Рассмотрим ситуацию, когда сотрудники правоохранительных органов проводят оперативно-розыскное мероприятие «контролируемая поставка». Как правило, оно осуществляется в целях изобличения лиц, причастных к незаконному обороту предметов и веществ, свободный оборот которых ограничен. Само по себе мероприятие является достаточно сложным, требует согласованных действий как российских силовых структур, так и соответствующих иностранных ведомств. Данное мероприятие появилось как вынужденная, но эффективная мера противодействия преступным схемам незаконного оборота веществ и предметов, оборот которых ограничен. Поэтому можно сделать вывод, что в рамках уголовно-правовых отношений действия сотрудников правоохранительных органов не подпадают под уголовную ответственность в связи с наличием в их действиях признаков крайней необходимости, поскольку они

¹ Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. № 2287. URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=254> (дата обращения: 21.12.2023).

² Уголовный кодекс Франции от 1 марта 1994 г. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc (дата обращения: 21.12.2023).

носят не общественно опасный, а общественно полезный характер.

Существует еще одна ситуация, требующая анализа. Согласно Уставу гарнизонной и караульной службы «часовой обязан применять оружие без предупреждения в случае явного нападения на него или на охраняемый им объект, а также в случае непосредственной угрозы нападения (физического воздействия), когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия»³. Кроме того, в случае невыполнения нарушителем требований часового «или обращении его в бегство часовой применяет оружие»⁴. При этом следует отметить, что Устав в данном случае содержит недозволенные формулировки, а использует такие термины, как «обязан» и «применяет». Это связано с особым статусом часового и охраняемого им объекта, поскольку промедление в принятии решения часовым может привести к тяжким последствиям в виде завладения оружием и т. д. В случае нападения на охраняемый объект применение оружия часовым может быть вызвано необходимой обороной или крайней необходимостью. Однако стоит отметить, что не всегда могут присутствовать признаки указанных обстоятельств, исключающих преступность деяния. В некоторых ситуациях имеются признаки исполнения приказа или распоряжения, однако в стремительно развивающейся ситуации промедление может привести к тяжким последствиям, в связи с чем часовой должен действовать исходя из складывающейся обстановки и строго в соответствии с положениями Устава.

Таким образом, в ряде случаев применение оружия специальным субъектом либо совершение иных действий, формально содержащих признаки состава преступления, но осуществляемых в соответствии с положениями уставов, кодексов или иных нормативных правовых актов, является правомерным независимо от наличия или отсутствия условий, указанных в статьях уголовного закона о необходимой обороне, крайней необходимости, исполнении приказа или распоряжения и других обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Верховный Суд Российской Федерации подтвердил данную позицию, указав, что «сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уго-

ловной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы»⁵.

Осуществление профессиональных функций сотрудником полиции представляет собой совокупность разнообъемных обстоятельств. Могут возникнуть ситуации необходимой обороны, крайней необходимости, причинения вреда при задержании преступника, но по сути сотрудник полиции выполняет свои профессиональные функции, предусмотренные действующим законодательством. Реализуя свои полномочия, сотрудник полиции использует субъективное право на применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, и в то же время можно сказать, что имеет место исполнение закона, так как на сотрудников полиции, в отличие от обычных граждан, распространяются специальные нормы, предусматривающие определенные права, обязанности и полномочия.

По мнению некоторых авторов, в случаях применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, когда лицу был причинен вред, оценку действиям стоит давать на основе норм уголовного закона о необходимой обороне, крайней необходимости или причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, без учета специальных норм [2, с. 6; 3, с. 45]. Однако данная позиция умаляет правовое значение специальных предписаний, которые конкретизируют положения по применению физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия либо по реализации иных полномочий, предусмотренных нормативными правовыми актами. Положения главы 8 УК РФ носят общий характер, в отличие от специальных норм, которые отчасти дополняют нормы о правомерности причинения вреда. Вместе с тем стоит отметить, что специальные нормы не учитывают ущерб, который наступил в результате действий сотрудников полиции, они лишь регламентируют основания реализации субъективных прав сотрудников. При этом сам факт применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и наступившие последствия должны оцениваться с точки зрения уголовного права.

Таким образом, при оценке действий лиц, наделенных специальными полномочиями, необходимо, прежде всего, оценивать соответствие этих действий тем нормативным правовым актам, в соответствии

³ Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации) : указ Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁴ Там же.

⁵ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19.

с которыми действовало лицо, поскольку именно эти документы определяют границы правомерного деяния. Данная ситуация рассматривалась в работах уважаемых правоведов, которые предложили для ее обозначения следующую терминологию: исполнение закона, осуществление своего права или исполнение обязанности, принуждение к повиновению и выполнению правовой обязанности, исполнение закона или акта применения права [4, с. 157–158; 5, с. 328; 6, с. 14–17; 7, с. 42; 8, с. 28; 9, с. 145].

Для устранения сложившейся ситуации целесообразно было бы дополнить главу 8 УК РФ статьей, посвященной такому обстоятельству, исключающему преступность деяния, как «исполнение закона», и изложить ее следующим образом: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при совершении деяния лицом, реализующим полномочия, предписываемые или разрешенные законодательством, при условии, что причинение вреда является вынужденным и не чрезмерным».

Таким образом, оценивая совершенное деяние (например, применение огнестрельного оружия сотрудником полиции), мы в первую очередь сопоставляем его с положениями специальной нормы (Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон о полиции)), анализируем с точки зрения дозволительных действий, которыми наделяет субъекта эта специальная норма. В случае соответствия специальным нормам мы будем оценивать последствия от совершенного деяния, руководствуясь уже положениями уголовного законодательства.

Проблему конкуренции специальных и общих норм рассмотрел К. А. Волков, отметивший, что в случае, когда необходимо дать правовую оценку действиям сотрудника полиции, необходимо руководствоваться положениями Закона о полиции, а не нормами, регламентирующими обстоятельства, исключающие преступность деяния [10, с. 85]. Такая позиция, на наш взгляд, не совсем корректна. Специальные нормы по отношению к общим, должны выступать как дополнение и не должны им противоречить. В связи с этим оценка действий специальных субъектов должна осуществляться с учетом положений общих и специальных норм.

В некоторых случаях присутствуют признаки такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как исполнение приказа или распоряжения, однако предлагаемое нами обстоятельство охватывает более широкий круг правоотношений, так как действия лиц, наделенных специальными полномочиями, не всегда сопровождаются приказами или распоряжениями, а зависят от сложившейся обстановки и ограничены теми полномочиями, которые прописаны в нормативных правовых актах. Еще одним аргументом в пользу закрепления такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как «исполнение закона», является то, что в настоящее время имеется достаточное количество нормативных правовых актов, наделяющих специальных субъектов полномочиями, в рамках реализации которых они могут причинять вред охраняемым уголовным законом интересам, однако в силу исполнения своих прямых обязанностей устраняется преступность их деяний.

Список литературы

1. Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. СПб., 1889.
2. Кондратов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Внимание: оружие (правовые основы применения огнестрельного оружия сотрудниками российской милиции) : учеб. пособие. М., 1992.
3. Хомич В. М., Барков А. В., Хилута В. В. О правовой исключительности обстоятельств, устраняющих уголовную противоправность деяния // Право.by. 2021. № 1.
4. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве : курс лекций. М., 2003.
5. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996.
6. Курбанова Г. С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку, 1991.
7. Баулин Ю. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков, 1991.
8. Ткаченко В. Принуждение к повиновению и выполнению правовой обязанности // Советская юстиция. 1990. № 3.
9. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
10. Волков К. А. Деятельность полиции по противодействию преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2.

УДК 343.1

Ю. А. КОРОТАЕВА**Отдельное поручение дознавателя, следователя как предмет процессуального и ведомственного контроля**

Статья посвящена отдельным поручениям дознавателя, следователя о проведении следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий. Автором обосновывается, что они являются одними из наиболее распространенных и устойчивых форм взаимодействия в уголовном процессе, анализируются организационно-управленческие формы ведомственного контроля за организацией исполнения поручений: организация учета поручений дознавателя, следователя; согласование с начальником подразделения дознания, руководителем следственного органа проекта отдельного поручения; разработка и использование типовых образцов поручений органу дознания. Обозначаются недостатки в применении института отдельного поручения, уменьшающие его результативность, предлагаются способы их устранения преимущественно посредством ведомственного контроля за направлением и организацией исполнения отдельных поручений.

Ключевые слова: дознаватель, отдельное поручение, орган дознания, процессуальный контроль, сообщение о преступлении, расследование уголовного дела

Отдельные поручения дознавателя, следователя о проведении следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), направляемые органам дознания при проверке сообщения о преступлении и расследовании уголовного дела (далее — отдельные поручения), представляют в уголовном судопроизводстве самую распространенную и устойчивую форму взаимодействия. Отдельные поручения имеют место фактически в каждом уголовном деле. Из всех процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, по частоте применения с ними может конкурировать только мера пресечения в виде подписки о невыезде. Нередко в рамках одного уголовного дела отдельные поручения даются неоднократно, носят комплексный характер, предусматривая проведение как следственных действий, так и ОРМ. Имеющие обязательную письменную форму подобные процессуальные действия получили название «поручение о проведении отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий».

Базовыми нормами, устанавливающими предмет отдельных поручений, их адресат, форму и сроки выполнения, служат положения п. 4 ч. 2 ст. 38; п. 1¹ ч. 3 ст. 41; ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Если обратить внимание на динамику законодательства об отдельных поручениях, то можно констатировать: 1) закон начиная с 2010 г. разрешил дознавателю и следователю, ведущим проверку сообщения о преступлении, направлять в орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), задание на проведение ОРМ¹; 2) начиная с 2022 г. следователь или дознаватель, которым поручено предварительное рас-

следование, при необходимости проведения допроса, очной ставки, опознания с применением видеоконференц-связи направляют в орган расследования по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии².

По мере расширения и уточнения нормативной основы отдельных поручений все больший интерес у исследователей вызывают вопросы соотношения анализируемой формы взаимодействия следователя с работниками органа дознания, в частности, с получением от них содействия при проведении следственных действий, непосредственном их участии в следственном действии. Особо остро проявляют себя ситуации, когда у исполнителя поручения возникает необходимость принятия дополнительных процессуальных решений по ходу выполнения поручения, в том числе о проведении для закрепления доказательств следственных действий, не указанных в поручении. Пределы полномочий исполнителя поручения дознавателя, следователя составляют самостоятельную научную проблему и в настоящее время исследуются в рамках более общей темы «делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве» [1, с. 21].

Принципиально расходятся позиции ученых-процессуалистов и в том, какое место в структуре уголовного процесса занимает правовое образование (п. 4 ч. 2 ст. 38; п. 1¹ ч. 3 ст. 41; ч. 1 ст. 144; чч. 2 и 3 ст. 189¹ УПК РФ), относящееся к поручениям дознавателя, следователя: соответствует ли оно признакам (критериям) самостоятельного уголовно-процессуального

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ.

института или входит в состав более крупной нормативной группы, образующей институт взаимодействия следователя с органами дознания [2, с. 97; 3, с. 11; 4, с. 104]?

В контексте оценки степени полноты и качества нормативного правового регулирования общественных отношений, возникающих при направлении отдельных поручений, а также при их исполнении, настойчиво традиционно звучит основное предложение о введении в УПК РФ самостоятельной статьи «Поручение следователя, дознавателя» [5, с. 106].

Недостаточно отражены в УПК РФ и Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) особенности дачи отдельных поручений до возбуждения уголовного дела. В целом также нуждается в уточнении предмет поручений, которые вправе давать органу дознания дознаватель и следователь [6, с. 21–28]. Особо это касается поручения осуществить те или «иные процессуальные действия», под которыми дознаватели и следователи понимают, как показывает изучение соответствующих процессуальных документов, более десяти видов различных мероприятий, адресуемых органу дознания для исполнения (например, «собрать характеризующий материал на потерпевшего», «истребовать сведения на проверяемого из военного комиссариата, характеристику от участкового по месту жительства, данные от врача нарколога и психиатра»; «принять меры к установлению личности мужчины, который передавал сумку с наркотическими средствами»; «истребовать характеризующий материал на несовершеннолетних Х.Х.Х. в виде справки из ПДН МО МВД России, характеристику из учебного заведения»; «установить местонахождение Х.Х.Х. и доставить их на допрос дознавателю»; «нарочно вручить повестки о вызове на допрос в качестве свидетеля»).

В правовой литературе потенциал такой формы взаимодействия следователя с органом дознания, как «следственное поручение», оценивается достаточно высоко. Результаты выполнения заданий, поставленных перед органом дознания дознавателем, следователем в поручении, способствуют обеспечению надлежащего расследования уголовных дел за счет возможности быстрого доступа к процессуально значимой информации, необходимой для принятия на ее основе процессуальных решений о движении уголовного дела в досудебном уголовном судопроизводстве. С помощью применения методов ОРД добывается и тщательно камуфлируемая участниками организованных преступных групп информация, имеющая актуальное значение для расследования уголовного дела, ознакомление с которой в рамках использования традиционных запросов, требований, изъятий практически нереально.

Устанавливая по отдельному поручению место нахождения лиц, участие которых в следственных

действиях признано необходимым, и обеспечивая их явку в орган предварительного расследования, работники органа дознания создают условия для проведения следственных действий. Весьма значимо, что исполнение отдельного поручения поставлено в строгие временные рамки: оно должно быть исполнено в десятидневный срок. Непосредственно в законе указания о сроке исполнения отдельных поручений нет. Однако предусмотренный ч. 1 ст. 152 УПК РФ десятидневный срок для исполнения отдельного поручения в другом месте распространен рядом ведомственных нормативных актов на другие случаи поручений следователя [7, с. 121].

Итак, отдельное поручение служит средством реализации назначения досудебного уголовного производства, способствующим нормальному ходу расследования уголовных дел. С помощью данного процессуального инструмента происходит объединение сил и средств органов предварительного следствия и дознания, минимизируются издержки при расследовании преступлений с разной территориальной подследственностью. Результаты выполнения отдельных поручений часто формируют саму возможность проведения следственных действий по уголовному делу. Феномен «отдельное поручение» позволяет дознавателю, следователю при необходимости привлечь к проверке сообщения о преступлении и расследованию уголовного дела должностных лиц органа, осуществляющего ОРД.

Изучение практического применения предписаний закона, публикаций по проблемам взаимодействия следователя с органами дознания в форме отдельного поручения, материалов ведомственного контроля за исполнением органами дознания МВД России поручений следователя, дознавателя, представлений прокуроров об устранении нарушений закона при осуществлении дознания показывает, что в уголовно-процессуальной деятельности этого направления имеются устойчивые, из года в год повторяющиеся недостатки и ошибки, нарушения требований УПК РФ.

К системным и устойчивым нарушениям и недостаткам реализации положений ст. 38 УПК РФ относятся:

- 1) необоснованное поручение следователям иных территориальных органов МВД России либо органу дознания принятия процессуальных решений (о признании потерпевшим, гражданским истцом);
- 2) тактически ошибочные решения о поручении органу дознания производства обыска;
- 3) неправильное определение территориальности исполнения поручений;
- 4) ненадлежащее оформление поручения (формальное отношение к его составлению; отсутствие в нем значимой для выполнения задания информации; направление следователем в орган дознания стереотипных и пригодных для «раскрытия» любых видов преступлений поручений-шаблонов);

5) недооценка возможностей проведения следственных действий с использованием средств видеоконференц-связи в порядке, предусмотренном ст. 189¹ УПК РФ;

6) некачественное производство запрашиваемого следственного действия.

Многочисленные недостатки в применении института отдельного поручения снижают его результативность, во многих органах предварительного расследования (как в территориальных ОВД, так и в ОВД на транспорте) он трансформировался в бюрократическую переписку между дознавателями, следователями и оперативными сотрудниками, имитирующую видимость взаимодействия между ними. В связи с этим обращает на себя внимание следующий тревожный вывод профессора А. А. Тарасова о том, что самая главная проблема организации исполнения поручений следователя — это фактическое игнорирование таких поручений с направлением следователю формального извещения о том, что интересующие следствие сведения принятыми мерами установить не удалось. Причины у такого результата взаимодействия разные — неконкретность, заведомая неисполнимость самих поручений, недобросовестность исполнителей, формальное отношение самого следователя к собственному поручению, когда появление в деле двух встречных бумаг воспринимается обеими сторонами как самоцель [8, с. 72–73]. Даже если допустить некоторое «драматизирование» автором обозначенной ситуации и иметь в виду, что низкий уровень взаимодействия следователей с органами дознания более характерен для уголовных дел, подследственных следователям Следственного комитета РФ (далее — СК России), поскольку им приходится дополнительно преодолевать межведомственный барьер в связи с тем, что поручения следователей территориальных подразделений СК России адресуются начальнику территориального подразделения ОВД как руководителю органа дознания, в целом организация исполнения отдельных поручений требует серьезных изменений.

В числе причин, обуславливающих нарушения и недостатки в практике реализации п. 4 ч. 2 ст. 38; п. 1¹ ч. 3 ст. 41; ч. 1 ст. 144 УПК РФ, специалистами приводится недостаточно эффективный процессуальный и ведомственный контроль со стороны руководителей следственных подразделений и подразделений дознания. Тем самым фактически признается, что в сложившихся на текущий момент условиях нормативно-правового регулирования института отдельного поручения в рамках современной организационной архитектуры органов, реализующих функцию выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, без реформистских законодательных из-

менений взаимодействие органов предварительного следствия и дознания может быть поднято на более высокий качественный уровень средствами процессуального и ведомственного контроля за применением института отдельного поручения.

Оставляя в стороне процессуальный контроль, имеющий важное значение в системе мер совершенствования уголовно-процессуальной деятельности по многим ее направлениям, и детальное правовое регулирование порядка его осуществления³, коснемся целей, задач и форм ведомственного контроля за применением института отдельного поручения.

Объективная предпосылка для выделения наряду с процессуальным контролем ведомственного контроля за деятельностью дознавателей и следователей ОВД кроется в том, что уголовный процесс как вид правоприменительной деятельности характеризуется определенной степенью детализации в регулировании общественных отношений, достаточной для того, чтобы правильно устанавливать основания, условия и порядок применения конкретной нормы права. В уголовно-процессуальной теории специально подчеркивается, что не все вносимые в УПК РФ изменения отвечают критериям гибкости уголовно-процессуального права и должного уровня абстракции нормативного регулирования, особенно с учетом динамики происходящих в современном обществе и государстве преобразований. «Представляется, — пишет Д. А. Печегин, — что излишняя процессуализация общественных отношений в рассматриваемой сфере может привести к эффекту замещения деятельности по применению права деятельностью по формальному соблюдению различных регламентов и ритуализму» [9, с. 259–271].

Поэтому в «идеале любые изменения и дополнения УПК РФ должны быть краткими и в то же время емкими нормами, которые для целей правоприменения допускают определенную степень обобщения, а также возможность применения процессуальной аналогии...» [10, с. 473]. Здесь уместно заметить, что высокий уровень абстрактности, общности характерен для конституционных норм, конституционных предписаний-принципов.

При таком подходе законодателя к выбору приемов законодательной техники изложения в законе нормативного материала вполне естественным оказывается участие в регламентации общественных отношений, входящих в предмет уголовного процесса, ведомственных нормативных правовых актов. При этом принципиально в анализируемой ситуации то, что предписания нормативных актов имеют свои, отличные от закона, в данном случае УПК РФ, цели правового регулирования: они, как правило, направлены «внутрь» Кодекса, созда-

³ Критерием деления контрольных действий руководителей подразделений ОВД, специализирующихся на расследовании преступлений, на процессуальный контроль и ведомственный контроль в контексте настоящей статьи служит их нормативная основа: процессуальный контроль основан на нормах уголовно-процессуального законодательства, ведомственный контроль предусмотрен соответствующими положениями ведомственных нормативных правовых актов.

вая механизм реализации законодательных норм. Сами по себе они не могут регулировать предмет УПК РФ.

Переходя в практическую плоскость применения института отдельного поручения, представляется целесообразным рассмотреть сложившиеся, а также экспериментируемые на практике организационно-управленческие формы ведомственного контроля за организацией исполнения поручений. В данной статье анализируются следующие из них.

1. Организация учета поручений дознавателя, следователя. Для того чтобы успешно контролировать поступление поручений в орган дознания, их фактическое исполнение и своевременное направление результатов следственных действий, ОРМ инициатору поручения, необходим достоверный учет всех поступающих в подразделения ОВД МВД России для исполнения поручений. Приказом МВД России от 3 сентября 2020 г. № 615 «Об организации системы учета информации, образующейся в деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России» такой учет предусмотрен (п. 1.2.5). Одновременно приказом установлена обязанность осуществления регулярного контроля за сроками и качеством исполнения поручений. Но в отчеты включаются лишь поступающие в территориальные ОВД и ОВД на транспорте поручения о производстве следственных действий. Большая же часть поручений (о проведении иных процессуальных действий и ОРМ) не включается в отчетность [11, с. 4].

2. Согласование с начальником подразделения дознания, руководителем следственного органа проекта отдельного поручения. Указанием Следственного департамента МВД России от 7 октября 2020 г. № 17/2-34501 «О мерах по совершенствованию практики поручений следователя в производстве следственных и иных процессуальных действий» руководителям следственных подразделений предложено лично изучать проекты поручений по находящимся в производстве подчиненных следователей уголовным делам перед их направлением в иные территориальные ОВД на предмет полноты изложения необходимых обстоятельств расследуемого уголовного дела и соответствия требованиям УПК РФ (п. 2). Данное предложение конструктивно, поскольку в правоприменительной практике документооборот наполняют десятки тысяч «поручений-пустышек», ответы на которые не имеют познавательной ценности, не коррелируют с заданием, указанным в поручении.

Например, по уголовному делу, возбужденному 12 июля 2021 г. следственным отделом ОМВД России по Ейскому району ГСУ ГУВД по Краснодарскому краю по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, была выдвинута версия о совершении преступления несовершеннолетними, состоящими на профилактическом учете. В рамках этой

версии следователь в отдельном поручении просил сотрудников ПДН ОВД проверить на причастность к преступлению несовершеннолетних лиц, проживающих в районе совершения преступления и состоящих на учете в ПДН ОВД. В ходе исполнения данного поручения инспектор ПДН ОВД допросил в качестве свидетелей трех подростков из числа состоящих на профилактическом учете в районе совершения преступления и представил протоколы допросов автору поручения⁴. Однако следователь не поручал полиции допрос свидетелей, в связи с чем их показания надлежит признать недопустимыми, полученными с нарушением норм УПК РФ.

Развивая идею введения обязательного согласования дознавателем, следователем со своим руководством содержания отдельного поручения, необходимо конкретизировать саму процедуру, в которой может происходить изучение проекта поручения начальником следственного подразделения (начальником подразделения дознания). При этом нужно иметь в виду временной фактор, предполагающий кратчайшие сроки исполнения поручения дознавателя, следователя, которые опять же находятся в прямой зависимости от объема и правильного формулирования задания. Полагаем, что оптимальной формой согласования проекта отдельного поручения с субъектом ведомственного контроля может служить личный доклад дознавателя, следователя материалов уголовного дела с обозначением оснований для дачи конкретного поручения и его содержания. Со своей стороны начальник следственного подразделения (начальник подразделения дознания) может ограничиться устными указаниями на то, в какой части требуется изменить или дополнить содержание поручения.

Весьма интересная ситуация возникает при поручении оперативным сотрудникам провести ОРМ. В правовой теории отстаивается точка зрения, что следователь, давая органу дознания поручение о производстве ОРМ, в самом общем виде ставит перед ним задачу и не вправе указывать, какие конкретно мероприятия должны быть выполнены [7, с. 121]. Следуя этой рекомендации, дознаватели и следователи предпочитают включать в поручения следующие формулировки заданий на проведение ОРМ: «провести ОРМ, направленные на установление лица, совершившего данное преступление»; «провести комплекс ОРМ, направленных на установление лица, совершившего данное преступление»; «провести ОРМ для установления лица, указанного в ориентировке, и организовать проверку данного лица на причастность к совершению расследуемого преступления»; «осуществить комплекс ОРМ для установления свидетелей и местонахождения похищенного имущества» и др.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что, составляя органу дознания задание, выполнение которого будет поручено оперативным сотрудни-

⁴ Уголовное дело № 12101030016000962 возбуждено СО ОМВД России по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

кам, дознаватель, следователь предпочитают избегать слишком общих формулировок и указывают направления и цели деятельности оперативных сотрудников. В качестве таковых обозначаются расширение круга свидетелей, выявление очевидцев, установление причастных к преступлению лиц и места сбыта похищенного имущества [12, с. 103–104].

3. Разработка и использование типовых образцов поручений органу дознания. Среди предпринимаемых дополнительных организационных мер по совершенствованию деятельности дознавателей и следователей в части реализации положений п. 1¹ ч. 3 ст. 41; п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ практически полезным и минимально затратным является использование типовых образцов поручений органу дознания, что вполне укладывается в содержание ведомственного контроля за деятельностью дознавателей и следователей.

В 2014 г. Следственным департаментом МВД России подготовлены типовые образцы поручений органу дознания о проведении ОРМ, производстве следственных действий по наиболее распространенным категориям преступлений. Указанием Следственного департамента МВД России от 4 июля 2014 г. № 17/2-18032 «О повышении эффективности предварительного следствия» была поставлена задача довести до каждого следователя содержание типовых образцов поручений, организовать их изучение и неукоснительное исполнение в служебной деятельности при расследовании уголовных дел. С тех пор типовые образцы отдельных поручений активно применяются дознавателями и следователями в связи с производством по уголовному делу. За годы их применения возникли вопросы, обсуждение и решение которых можно осуществить, не выходя за рамки категории «ведомственный контроль».

Первый из них касается оформления результатов выполнения задания, предусмотренного поручением, и порядка их направления инициатору поручения. На практике используется несколько вариантов: а) результаты проведенных проверок, запросов, объяснения опрошенных лиц, копии протоколов следственных действий (в основном это протоколы допросов) направляются инициатору запроса в качестве приложений к сопроводительному письму; б) результаты исполнения задания, предусмотренного поручением, оформляются рапортами, которые направляются инициатору поручения; в) о результатах ОРМ, проведенных в порядке исполнения поручения, орган дознания со ссылкой на п. 9 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г. (далее — Инструкция от 27 сентября 2013 г.)⁵ выносит постановление о представлении результатов

ОРД инициатору поручения (органу дознания, следователю) и вместе с приложениями в виде справок, ответов на запросы, рапортов направляются органу дознания или следователю.

Подобное разнообразие в порядке оформления и представления дознавателю, следователю результатов исполнения поручения неоправданно и нуждается в определенной оптимизации, стандартизации. Полагаем, что для этих целей все поручения можно разделить на две группы:

- 1) поручения о проведении ОРМ;
- 2) все остальные поручения.

Для первой группы поручений должен быть установлен порядок, аналогичный представлению результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд (п. 9 Инструкции от 23 сентября 2013 г.). Для всех остальных случаев можно ввести понятие «уведомление об исполнении отдельного поручения». Термин «уведомление» уже используется в законе (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). Когда в ходе исполнения поручения производились следственные и иные процессуальные действия, наряду с уведомлением в адрес инициатора поручения направляются также протоколы следственных действий и другие процессуальные документы, фиксирующие проведение иных процессуальных действий (например, объяснения, справки об исследовании предметов, документов). Если задание отдельного поручения предписывало установить местонахождение лица и его доставление к дознавателю, следователю, применяется процессуальный режим привода (ст. 113 УПК РФ).

Второй вопрос затрагивает содержание поручения о проведении ОРМ. Как уже отмечалось, ученые-процессуалисты сходятся во мнении, что дознаватель, следователь не должны указывать в таких поручениях конкретные ОРМ, необходимые для исполнения поручения, так как их выбор осуществляется исключительно самими оперативниками [13, с. 93]. Анализируя под этим углом зрения содержание типовых образцов поручений, рекомендованных для использования при расследовании уголовных дел, надлежит обратить внимание на следующие положения названных документов.

В одном из предложенных образцов поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий по условному уголовному делу в п. 8 поручения предписано «совместно с потерпевшей провести обследование ломбардов, рынков, комиссионных магазинов, в том числе ювелирных и электроники», а в п. 2 указано на необходимость проведения такого ОРМ, как отождествление личности.

В другом образце поручения о производстве ОРМ по условному уголовному делу № 123456 в п. 4 сформулировано задание обследовать нежилые помеще-

⁵ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.

ния, здания, сооружения, участки местности в районе совершения преступления.

Что касается такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос (п. 1 ст. 6 Закона об ОРД), то в каждом из анализируемых типовых образцов поручений о проведении ОРМ он фигурирует много раз.

Таким образом, линия избегать указания в поручениях о проведении ОРМ конкретных ОРМ, необходимых, по мнению дознавателя, следователя, для исполнения поручения, в целом выдерживается. Руководствуясь авторитетной доктринальной позицией, согласно которой для решения задач ОРД выбор ОРМ осуществляется самими оперативниками, выделение в поручении о проведении ОРМ конкретных ОРМ, которые должны быть реализованы для выполнения задания, предусмотренного поручением, излишне. В противном случае возможны конфликты между инициатором и исполнителем поручения.

Так, если автор поручения указал в нем отдельным пунктом необходимость проведения мероприятия в виде отождествления личности или обследования нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности, а оперативные сотрудники считают их проведение нецелесообразным, решение должно принадлежать, по нашему мнению, оперативным сотрудникам. Они мотивированы на достижение конечных результатов, вытекающих из поступившего от органа расследования задания, контролируют развитие оперативно-следственной ситуации по уголовному делу, и вполне логично, чтобы оперативные сотрудники определяли, какие конкретно мероприятия требуется осуществить для выполнения задания, предусмотренного поручением.

Резюмируя изложенное, считаем значимым отметить следующее.

Многочисленные недостатки в применении института отдельного поручения снижают его результативность. Причины, снижающие познавательный потенциал данной формы взаимодействия дознавателей, следователей с оперативными сотрудниками, в основном носят субъективный характер. Для их устранения не требуется внесения в УПК РФ каких-либо принципиальных дополнений и принятия масштабных организационных управленческих решений в системе МВД России, органы предварительного расследования которого расследуют большую часть совершаемых в стране преступлений.

Одним из главных условий эффективного функционирования института отдельного поручения, как признается на доктринальном и ведомственном уровнях, является процессуальный и ведомственный контроль.

Административно-управленческие формы ведомственного контроля за организацией исполнения поручений менее консервативны в сравнении с процессуальным контролем. Они оперативно реагируют на изменения в законодательстве и в структуре преступности, более восприимчивы к новым технологиям. В текущий момент перспективными представляются такие формы ведомственного контроля за направлением и организацией исполнения отдельных поручений дознавателя, следователя, как 1) организация учета поручений дознавателя, следователя; 2) согласование с начальником подразделения дознания, руководителем следственного органа проекта отдельного поручения; 3) разработка и использование типовых образцов поручений.

Список литературы

1. *Игнатова О. Н.* Делегирование процессуальных полномочий в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
2. *Супрун С. В.* Поручение органу дознания МВД России производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2014. № 2(28).
3. *Игнатова О. Н.* Пределы поручения следователя: гарантии соблюдения принципов уголовного судопроизводства или архаизм // *Криминологический журнал.* 2019. № 1.
4. *Стельмах В. Ю.* Некоторые проблемы поручения следователем следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // *Вестник Уфимского юридического института МВД России.* 2020. № 4(90).
5. *Паутова Т. А., Верхотурова С. В.* Вопросы правовой регламентации поручений следователя, дознавателя в уголовном судопроизводстве // *Юридическая наука и правоприменительная практика.* 2018. № 2(44).
6. *Николюк В. В.* Орган дознания как исполнитель поручения следователя: пределы компетенции в контексте парадигмы запрета делегирования ему полномочий по принятию процессуальных решений // *Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г.; 20-летию принятия УПК РФ (г. Орел, 6–7 октября 2022 г.).* Орел, 2022.
7. *Плеснева Л. П.* Формы взаимодействия следователя с органами дознания // *Сибирский юридический вестник.* 2015. № 4(71).
8. *Тарасов А. А.* Взаимодействие следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в современных условиях: размышления теоретика // *Вестник Уфимского юридического института МВД России.* 2019. № 2(84).

9. Печегин Д. А. Раздел X УПК РФ, или К чему приводит абсолютизация состязательного начала уголовного судопроизводства // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича : мат-лы конф. (г. Москва, 24–25 октября 2019 г.). М., 2020.
10. Печегин Д. А., Волошин В. М. Уголовно-процессуальное законодательство : монография. М., 2024.
11. Калачева А. В. Орган дознания как субъект уголовно-процессуальных правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2024.
12. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы поручения следователем следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4(90).
13. Ендольцева А. А. Поручения следователя органу дознания: проблемные вопросы в теории и практике // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1.

Организация деятельности следователя при рассмотрении сообщения о преступлении: неразрешенные вопросы

В статье на основе мнений ученых, а также результатов исследования правоприменительной деятельности определены проблемные вопросы, возникающие в рамках организации деятельности следователя при рассмотрении сообщения о преступлении. Представлено авторское понимание ее сущности, обозначен процесс формирования ее внутренне упорядоченной структуры. Сделан вывод о необходимости оптимизации деятельности субъектов по рассмотрению сообщений о преступлениях с учетом описанных в статье ситуаций, требующих разрешения.

Ключевые слова: рассмотрение сообщения о преступлении, расследование, следователь, организация деятельности, следственное действие, подследственность

Рассмотрение сообщения (заявления) о преступлении представляет особую значимость, поскольку именно в рамках данной деятельности происходит определение вида возникающих (могущих возникнуть) правоотношений, обуславливающих обеспечение соответствующей совокупности прав, обязанностей и ответственности. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) прямо указывает на обязанность проверки сообщений о любом совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), цель которой состоит в определении наличия либо отсутствия основания для возбуждения уголовного дела. Последним в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ является совокупность достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Основываясь лишь на содержании сообщения, даже когда заявитель достаточно подробно изложил известные ему обстоятельства совершенного деяния, из которых усматриваются признаки преступления, получить информацию в объеме, необходимом для возбуждения дела, не всегда представляется возможным.

Во многом оптимальность деятельности рассмотрения сообщения о преступлении и, как следствие, законность, а также обоснованность принятого процессуального решения зависят от правильной ее организации. Обратившись к справочным источникам, отметим, что слово «организация» (от франц. *organisation*, от позднелат. *organizo* — сообщаю стройный вид, устраиваю) толкуется как внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленная его строением¹.

Как правило, в криминалистике термин «организация» применяется относительно деятельности по расследованию преступлений. Так, интересными являются результаты исследования, проведенного И. П. Можяевой, которая под организацией расследования понимает «научно обоснованную деятельность, осуществляемую субъектом предварительного расследования, направленную на упорядочивание

раскрытия и расследования преступлений и обеспечение его эффективности путем создания условий постоянной готовности к применению рекомендаций по использованию системы организационно-технических, организационно-тактических, организационно-методических и иных приемов, методов и средств и практики в сфере реализации уголовного судопроизводства» [1, с. 14]. Отметим, что несколько упущенной остается такая подсистема, как рассмотрение сообщения о преступлении, содержащая определенную специфику. Взяв за основу ранее представленные дефиниции, сформулируем свое понятие организации деятельности следователя при рассмотрении сообщения о преступлении, которая может быть расценена как процесс формирования внутренне упорядоченной структуры деятельности и обеспечение создания условий, направленных на достижение ее назначения.

Рациональное решение вопросов, связанных с организацией рассмотрения сообщения о преступлении, во многом зависит от того, на какой мировоззренческой основе уполномоченное на то должностное лицо сможет обеспечить управление соответствующей деятельностью, какими целевыми установками будет руководствоваться. Все это делает актуальным анализ сущности целеполагания. Не углубляясь в исследование определения понятия «целеполагание», отметим, что оно представляет собой практическое осмысление своей деятельности человеком с точки зрения формирования (постановки) целей и их реализации (достижения) наиболее экономичными средствами [2].

Учитывая сказанное, к числу неразрешенных следует отнести вопросы, связанные с процедурой проверки и ее содержанием, компетенцией лиц, ее осуществляющих, формой реализации таких полномочий, со способами документального оформления полученных сведений, их достаточностью доказательственного либо ориентирующего характера. Указанные проблемные аспекты в правоприменительной деятельности отчасти порождают правовую неопределенность, что однозначно, с одной стороны,

¹ URL: <https://bse.slovaronline.com> (дата обращения: 04.05.2024).

не способствует единообразному, точному и правильному применению уголовно-процессуального закона, с другой — правильной организации соответствующей деятельности. Такое положение дополнительно побуждает стремление к урегулированию возникающих в связи с этим правоотношений путем издания ведомственных нормативных правовых актов.

Так, уголовно-процессуальное законодательство, наряду с ведомственными приказами, распоряжениями и инструкциями, обязывает субъектов проверки сообщений о преступлении, одним из которых является следователь, в кратчайшие сроки, располагая минимальной информацией, принимать процессуальные решения, влекущие наступление юридически важных последствий как для него самого, так и для третьих лиц. Более того, серьезные проблемы вызывает отсутствие достаточного опыта работы, связанной с проверкой сообщения о преступлении, у следователей с небольшим стажем. Сегодня правоприменительная деятельность складывается таким образом, что уже при рассмотрении сообщения о преступлении необходимо прогнозировать перспективу полученной информации, которая будет положена в основу алгоритма действий по расследованию преступления на первоначальном этапе в случае принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Процесс формирования внутренне упорядоченной структуры деятельности может быть представлен следующим образом:

- анализ информации, полученной из сообщения о преступлении;
- сопоставление результата анализа информации, полученной из сообщения о преступлении, с данными, характеризующими признаки преступления (для принятия решения о возбуждении уголовного дела достаточно сведений, отражающих такие признаки преступления, как общественная опасность и противоправность);
- определение следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, для получения достаточных данных, указывающих на такие признаки преступления, как общественная опасность и противоправность [2–4];
- сопоставление информации, полученной при производстве следственных и иных процессуальных действий, с данными, характеризующими признаки преступления;
- принятие решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в порядке, установленном ст. 145 УПК РФ.

Алгоритм действий следователя, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, определяется в каждом случае самостоятельно. При определении объема действий, которые необходимо осуществить участникам следственно-оперативной группы при рассмотрении сообщения о преступле-

нии, целесообразно руководствоваться положением ст. 73 УПК РФ. Отметим, что совокупность таких действий не должна быть направлена на установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, так как данная деятельность предполагает осуществление расследования по уже возбужденному уголовному делу.

Следующим, не менее важным вопросом, выступает то, что при определении порядка выполнения процессуальной обязанности по проверке сообщения о преступлении законодатель использует формулировку «в пределах компетенции», не раскрывая ее содержания. Полагаем, что компетенция как уголовно-процессуальная категория является совокупностью процессуальных полномочий и их содержания, ограниченных такими элементами, как конкретные права и обязанности, подследственность, юрисдикция, выражающими некую границу, отделяющую область правового от неправового, и обуславливающими крайность применения норм уголовно-процессуального закона, т. е. пределы.

Обратим внимание, что «подследственность» рассматривается в уголовном процессе как свойство уголовного дела, в соответствии с которым оно относится к компетенции того или иного органа расследования [5, с. 652]. Закономерно возникает вопрос о том, распространяются ли признаки подследственности на принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела? При этом следует учитывать, что УПК РФ не содержит запрета на принятие органом дознания решения об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, подследственных следователям.

Интересным представляется мнение И. О. Воскобойника и А. А. Рытькова, которые отрицают влияние подследственности уголовных дел на полномочия сотрудников органа дознания по принятию решения, препятствующего дальнейшему производству по итогам первоначальной стадии уголовного процесса, обосновывая это прямым толкованием уголовно-процессуального закона. Авторы полагают, что поскольку в ст. 151 УПК РФ говорится лишь о предварительном расследовании, то на стадию возбуждения уголовного дела признаки подследственности не распространяются, а должностные лица органа дознания являются полноценными субъектами проверки сообщения о преступлении и принятия по ее итогам соответствующих решений [6, с. 17–19]. Таким образом, уполномочен на это и тот орган, которому в случае возбуждения уголовного дела по соответствующей норме УК РФ оно не было бы подследственно. Данное суждение частично соответствует правовой позиции Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ), согласно которой «пункт 3 части второй статьи 151 УПК РФ в рамках установления правил определения подследственности лишь перечисляет виды преступлений, уголовные дела о которых подлежат расследованию следователями органов внутренних дел

Российской Федерации, и не регламентирует порядок проведения доследственной проверки по сообщению о преступлении»². Стоит обратить внимание, что данная позиция высказана лишь по поводу рассмотрения сообщения о преступлении, а не вопроса относительно решений, принимаемых по результатам их проверки.

К. В. Муравьев полагает, что при регламентации вопроса о принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела законодателем каких-либо ограничений не установлено и если в ходе проверки сообщения о преступлении «чужой» подследственности достаточные данные, указывающие на признаки преступления, не выявлены, то решение об отказе в возбуждении уголовного дела будет соответствовать закону [7, с. 85]. Аналогичного мнения придерживается А. Б. Судницын, считая, что институт предметной подследственности в уголовном судопроизводстве должен действовать при наличии в материалах предварительной проверки признаков преступления. Автор полагает, что сотрудник органа дознания имеет полномочия по принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела по сообщениям о преступлениях, им не подследственным, при этом безусловным требованием выступает достаточный уровень юридической подготовки такого сотрудника [8, с. 224–226]. С приведенной позицией необходимо согласиться.

Однако указанные точки зрения авторов являются небесспорными и нередко противоречат практике осуществления прокурорского надзора за законностью деятельности органов дознания и предварительного следствия. В некоторых субъектах Российской Федерации решения об отказе в возбуждении уголовного дела по преступлениям, отнесенным к подследственности следователей, принятые органом дознания, признавались законными, в других — нет. Изучение материалов об отказе в возбуждении уголовных дел³ показало, что часть соответствующих постановлений отменялась прокурорами, поскольку они были вынесены, по их мнению, не уполномоченными на это должностными лицами органа дознания, констатировался факт нарушения подследственности. Иные основания не указаны. Без проведения дополнительной проверки последующие решения приняты следователями или дознавателями. Считаем, что такой формальный подход со стороны надзирающего органа недопустим.

Безусловно, требования, предъявляемые к любому процессуальному решению, определены ч. 4 ст. 7

УПК РФ (законность, обоснованность, мотивированность). Данные, содержащиеся в материалах проверки сообщения о преступлении, должны быть достоверными и указывать на отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела. Направление в органы предварительного расследования материалов по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях для принятия решения, заведомо не содержащих достаточных данных, указывающих на признаки преступления, считаем нецелесообразным и противоречащим логике нормативного регулирования. В соответствии со ст. 148 УПК РФ при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела орган дознания наделен правом выносить соответствующее постановление, при этом законодателем не указано на необходимость принятия такого решения в соответствии с подследственностью. В подобных случаях должностное лицо органа дознания должно действовать на основании строго установленных законом полномочий. О расширенном толковании рассматриваемой нормы вести речь недопустимо.

Следующим не в полной мере разрешенным вопросом в правоприменительной деятельности является то, что в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при рассмотрении сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ. При этом данный закон предусматривает возможность изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела только при осмотре места происшествия, а в рамках расследования преступления — дополнительно при обыске и выемке. Однако в некоторых регионах Российской Федерации способы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела получили расширительное толкование, правоприменитель стал производить выемку.

Так, Майкопским городским судом Республики Адыгея признаны в качестве допустимых доказательств результаты выемки, произведенной до возбуждения уголовного дела. Данное решение было оценено КС РФ как обоснованное и законное⁴. По мнению К. Б. Калиновского, «позиция судов общей юрисдикции была основана на буквальном толковании ст. 144 и ст. 183 УПК РФ» [9, с. 44–51].

При этом в ч. 1 ст. 144 УПК РФ выемка как возможный способ изъятия предметов и документов не указана, кроме того, в ч. 1 ст. 183 УПК РФ закреплено, что выемка производится при необходимости изъятия определенных предметов и документов,

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В. Н. Стурова на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1179-О-О. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым документам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ В рамках проведенного исследования изучено 46 материалов об отказе в возбуждении уголовного дела на территории Омской области за 2020–2023 гг.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абрамовой Эрики Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 2885-О.

имеющих значение для уголовного дела, а не в целях принятия решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении. Таким образом, ч. 1 ст. 144 УПК РФ не содержит такого способа изъятия предметов и документов в ходе проверки сообщения о преступлении, как выемка.

Мы разделяем позицию А. Б. Судницына в том, что «необходимо учесть подход КС РФ, высказавшегося о невозможности подмены изъятия следов преступления, предметов, документов в ходе одного следственного действия в стадии возбуждения уголовного дела иными процессуальными (в том числе следственными) действиями, для которых уголовно-процессуальным законом установлена специальная процедура, а также другие основания и условия проведения» [10, с. 29–32].

Акцентируем внимание на очередном неразрешенном вопросе, связанном с подменой способа получения доказательственной информации в рамках уголовно-процессуальной деятельности при рассмотрении сообщения о преступлении на:

- оформление результатов производства следственного действия иным способом получения доказательств, к задачам которого они не относятся;
- применение способов получения доказательственной информации, предусмотренных законами, регулирующими иные правоотношения.

Так, отметим позицию С. В. Пахомова и Д. В. Карабаша, которые обращают внимание на проблемы при проверке сообщений о преступлении, связанные с производством освидетельствования. В соответствии со ч. 1 ст. 179 УПК РФ освидетельствование проводится для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков. Объект данного следственного действия законодателем четко определен, им является тело человека. При этом указанная норма не содержит упоминания о возможности осмотра одежды и иных предметов [11, с. 51–53]. В связи с этим производство осмотра одежды и иных предметов должно осуществляться в порядке, установленном УПК РФ, после их изъятия.

При рассмотрении сообщения о преступлении против безопасности движения и эксплуатации транспорта нередко возникает необходимость проведения следственного эксперимента, который часто подменяется осмотром места происшествия с элементами экспериментальных действий, по сути выходящих за перечень задач, которые разрешаются в ходе осмотра места происшествия. Обращая внимание на важность понимания сущности следственного эксперимента, отметим, что подмена рассматриваемого следственного действия осмотром места происшествия обусловлена необходимостью назначения автотехнической экспертизы, без заключения которой порой сложно принять обоснованное решение о возбуждении уголовного дела.

Говоря о применении способов получения доказательственной информации, предусмотренных законами, регулирующими иные правоотношения, обратим внимание на оформление в качестве досмотра в рамках административной (полицейской) деятельности до возбуждения уголовного дела фактическое производство личного обыска. Правоприменитель не имеет возможности провести личный обыск до возбуждения уголовного дела, реализуя свои действия в рамках административного производства, у которого совершенно иной правовой режим, цели и средства.

Установив правовые гарантии личности и возможность производства личного обыска только после возбуждения уголовного дела и на основании судебного решения, законодатель оставил правоприменителя с проблемой, которая происходит, когда возникает реальная потребность производства личного обыска при проверке сообщения о преступлении и необходимости обнаружения, изъятия предметов и документов, скрываемых лицом при себе. Обратим внимание на то, что личный обыск и личный досмотр по своей сути не имеют существенных отличий. Способ познания при проведении этих действий един. Различие заключается в юридической природе, в правовом регулировании различными отраслями права. Личный досмотр осуществляется по делам об административных правонарушениях, а личный обыск — в ходе расследования преступления.

Изучение протоколов личного досмотра (по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств) показывает, что данное действие, как правило, производится в соответствии со ст. 49 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», ст. ст. 27.1, 27.7 КоАП РФ, ст. ст. 15 и 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Содержание протоколов и обоснование законности действий по досмотру лица создает впечатление о том, что данные нормы в протоколах, вероятно, указаны без реального их осмысления. Теория и практика уголовного процесса в данном случае сталкиваются с проблемой использования в доказывании результатов не процессуальной, а административной деятельности. Жизнеспособность данной технологии невольно упирается в доктринальный постулат о недопустимости использования в доказывании результатов оперативно-розыскной и административной деятельности, не соответствующих требованиям уголовно-процессуального закона.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время организация деятельности субъектов рассмотрения сообщений о преступлении нуждается в оптимизации. Минимальный объем информации, недостаток времени и опыта порой приводят к несвоевременному либо ошибочному процессуальному решению.

Оптимизация любого вида деятельности представляет собой последовательную реализацию комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности разрешения стоящих перед субъектом (подразделением) задач. Для эффективного применения имеющихся сил и средств при проверке сооб-

щения о преступлении в криминалистической науке используется теория ситуационного подхода. Полагая, что это поможет скоординировать совокупность возможных для организации и проведения действий в конкретный момент времени, систематизировать их, составить определенный алгоритм.

Список источников

1. *Можжаева И. П.* Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
2. *Кальницкий В. В., Ларин Е. Г.* Следственные действия : учеб. пособие. Омск, 2015.
3. *Криминалистические аспекты производства следственных действий* : учеб. пособие / Л. Ю. Аксенова, А. Т. Анешева, Н. И. Герасименко и др. Омск, 2020.
4. *Соколов А. Б., Абдулина Е. Б.* Закономерности организационно-тактической деятельности по подготовке к производству следственных действий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2022. № 3.
5. *Курс уголовного процесса* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. М., 2016.
6. *Воскобойник И. О., Рытьков А. А.* Неполнота уголовно-процессуального регулирования и «недостатки» прокурорского надзора за законностью и обоснованностью решений об отказе в возбуждении уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1.
7. *Муравьев К. В.* Соблюдение прав подсудимости на первоначальном этапе уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2004. № 4.
8. *Судницын А. Б.* Отказ в возбуждении уголовного дела органом дознания по итогу проверки сообщения о преступлении, подсудимому следователю (в контексте их взаимодействия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4.
9. *Калиновский К. Б.* Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3.
10. *Судницын А. Б.* К вопросу о возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела // Законодательство и практика. 2017. № 2.
11. *Пахомов С. В., Карабаи Д. В.* Проблемы производства освидетельствования на стадии проверки сообщений о преступлении // Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 16 июня 2016 г.). Краснодар, 2016.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бекетов Александр Олегович — судья Советского районного суда г. Омска, кандидат юридических наук

Кальницкий Владимир Васильевич — профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор

Карпова Олеся Владимировна — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Коротаева Юлия Алексеевна — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск)

Лыга Алексей Петрович — старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Мерлаков Данил Сергеевич — заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Соколов Андрей Борисович — заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Пилюшин Игорь Павлович — доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Попова Ирина Павловна — доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск), кандидат юридических наук, доцент, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке

Сидоров Ярослав Юрьевич — судья Центрального районного суда г. Хабаровска

Тихонов Илья Николаевич — преподаватель кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России

Ткачёва Екатерина Сергеевна — преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России

Фёдорова Анна Александровна — судья Перовского районного суда г. Москвы

Шайденко Даниил Александрович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Шумилова Татьяна Николаевна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Gusev V. A. From the Editor-in-Chief

Congratulations on the Jubilee!

Bulatov Boris Borisovich marks his 70th birthday!

Bakhta Andrey Sergeevich marks his 65th birthday!

Measures of Criminal Procedural Coercion

Beketov A. O. Assignment and Preparation of a Court Hearing on the Issues specified in Articles 108 and 109 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation

The article examines the procedure of preparation and assignment of a court hearing on the issues of preventive measures selected by the court, as well as the extension of their validity. The author draws attention to the insufficient regulation of the procedural order of both the court hearing itself and preparatory actions carried out by the judge while preparing for it. On the basis of the analysis of the provisions of the criminal procedural legislation and practice of their application, the actual existence of the stage of preparation of the court hearing for consideration of the relevant motions on the merits is stated, its content being determined.

Keywords: measures of coercion, taking into custody, extension of the detention period, court hearing, preparation and assignment of a court hearing.

Kalnitsky V. V. Short-Term Extrajudicial House Arrest — Legal Nonsense or Possible Reality

The working hypothesis of short-term extrajudicial house arrest emerged as a logical continuation of the justification of another essence – detention of a suspect understood as the initial stage (short-term arrest) of custody. The complexity of the judicial procedure for resolving the issue of selecting a preventive measure, which includes a hearing of the person against whom the motion has been initiated, an examination of the materials submitted in support of the motion as well as a high probability of misbehavior of the prosecuted person, presuppose the existence of a prior proportionate extrajudicial restriction of his freedom of movement. While in the case of a motion for custody the institution of detention of the suspect plays a supportive role, there is no such supportive procedure for other preventive measures ordered by the court.

Keywords: detention of a suspect, short-term arrest, house arrest.

Karpova O. V. Legal Nature and Branch Relation of Activities on Execution of Measures of Procedural Coercion

The issues of legal regulation of activity on execution of measures of criminal procedural coercion are studied, and it is concluded that legal relations arising in the course of execution of measures of coercion, in addition to the norms of criminal procedural law, are regulated by the provisions of other branches of law, the former ones having priority. The author formulates proposals on harmonization of disjointed legal provisions regulating the execution of measures of procedural coercion.

Keywords: measures of procedural coercion, application, execution, legal nature, branch relation.

Lyga A. P. On Some Issues of Modernization of Legal Regulation of Pledge (in the Context of Relations between Private and Public Interests)

The article deals with the issues of correlation of private property interest and public goals of criminal proceedings. It is noted that in criminal proceedings the imposition of arrest on property is the only measure of coercion that ensures both private property interest and public goals. It is substantiated that legal regulation and law enforcement practice do not always ensure their adequate and proportional correlation. The author proposes the general direction of further development of legal regulation of imposing arrest on property.

Keywords: arrest of property, coercive measure, property rights, balance of interests, proportionality.

Pilyushin I. P. Detention of a "Suspected" Person during Consideration of a Crime Report

The article substantiates the admissibility of detention of a person in respect of whom a crime report is being verified. It is pointed out that short-term deprivation of liberty of a person, who formally does not have the status of a suspect, is possible on the grounds defined in Article 91 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that such a measure of procedural coercion may be applied by the subject who carries out the verification of the crime report, for which the penalty in the form of imprisonment is established.

Keywords: detention, suspected person, verification of a crime report.

Popova I. P. Civil Lawsuit and Supportive Measures in Criminal Cases: Problems of Effectiveness and Possible Solutions

Based on general problems of law efficiency the article considers some issues of the institute of civil lawsuit designed to serve as means for protection of rights and legitimate interests violated by crime. As a result, conclusions about the shortcomings of legal regulation and law enforcement practice are formulated, options for improving the effectiveness of civil lawsuit and supportive measures in order to achieve the purpose of criminal proceedings being proposed.

Keywords: civil lawsuit, redressing the damages, imposing arrest on property, supportive measures, effectiveness, court decisions, assignment of criminal proceedings, assessment categories.

Sidorov Ya. Yu. Correlation of Preventive Measures in the form of Custody, House Arrest and Prohibition of Certain Actions

The article is devoted to the correlation of preventive measures in the form of detention, house arrest and prohibition of certain actions at the present stage of development of social relations. The author substantiates the increasing role of socio-economic, political, cultural, family factors, moral and ethical values, stages of formation and development of personality when making a decision upon selection of preventive measures. It is noted that they affect the interests not only of persons suspected and accused of committing crimes, their close relatives, but also the rights and freedoms of other participants in legal proceedings, as well as the surrounding community. It is concluded that the system of measures and restrictions proposed by the legislator gives law enforcers a wider range of opportunities to influence the behavior of suspects and defendants, to exercise proper control over them in order to ensure the objectives of the preliminary investigation and trial, to prevent the emergence of grounds for the selection of the most severe preventive measure.

Keywords: coercive measures, prohibition of certain actions, pledge, house arrest, taking into custody, selecting measure of coercion, applying measure of coercion, changing measure of coercion.

Tkacheva E. S. Procedure for Making a Decision by the Official, responsible for Investigation, to carry out an Investigative Action in Urgent Cases

The peculiarities of making a decision by the investigator (inquirer) upon carrying out investigative actions in urgent cases are under consideration. The author analyzes approaches to the definition of the category of "urgent cases", points out the requirement for their justification in the ruling on the investigative action, provides examples of law enforcement practice. It is concluded that it is necessary to observe the terms for carrying out an investigative action in urgent cases.

Keywords: pre-trial proceedings, restriction of Constitutional rights of man, carrying out investigative actions, urgent case.

Fedorova A. A. The System of Measures of Procedural Coercion applied to Juvenile Suspects Accused of Committing a Crime

The article focuses on the study of peculiarities of measures of procedural coercion applied to juveniles. In particular, an assessment is given to supervision – a preventive measure especially provided for juvenile suspects and accused, the grounds and conditions of applying custody to them being described. The conclusion made concerns the sufficiency of existing measures of criminal procedural coercion to ensure the established order of criminal proceedings and to have an educational impact on this category of persons.

Keywords: juvenile suspect, accused, measures of procedural coercion, preventive measures, supervising the juveniles, legal representative.

Shaidenko D. A. Genesis of the Grounds for Detention of a Suspect in the Russian Criminal Procedure

The paper examines the issues related to the formation and development of the grounds for detention of a person on suspicion of committing a crime. Much attention is paid to the analysis of the Statute of Criminal Procedure of 1864, the Criminal Procedural Code of the RSFSR of 1922, 1923, 1960, as well as the Criminal Procedural Code of the Russian Federation with regard to the norms containing these grounds. The conclusion states that, on the one hand, the grounds for detention are classic exceptional cases where a particular body has the right to deprive a person of liberty, though according to the general rule it is not empowered to do this. On the other hand, these grounds are "police" in nature and are not fully suitable for investigative bodies.

Keywords: detention of a suspect, grounds for detention, deprivation of liberty.

Shumilova T. N. Court Hearing on Selecting Preventive Measures in Pre-Trial Proceedings as a form of Administration of Justice

The article concerns the procedural order of the court hearing on consideration of motions of preliminary investigation bodies to select preventive measures. The focus is made on some problematic aspects of legal regulation and law enforcement practice concerning the need to ensure the participation in the court hearing of a person, who initiated the motion, the victim, the independence of the judge when the prosecutor refuses to

support the motion, the judge's assessment of the qualification of the crime, some ways to resolve them being proposed.

Keywords: justice, court, trial, motion, preventive measure.

Criminal Law

Tikhonov I. N. **Enforcement of the Law as a Circumstance Excluding the Criminality of an Act**

Under consideration is the issue related to the existence of the necessity of adopting a new circumstance excluding the criminality of an act, which would take into account the situations when a person is forced to act by virtue of the execution of provisions provided for by regulatory legal acts. There are legal relations that are not fully regulated by the provisions of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, in this regard, the author proposes to fill the legal gap by adopting such a circumstance excluding the criminality of an act as "enforcement of the law".

Keywords: enforcement of the law, officials, realization of powers, use of weapon.

Current Issues of Organization of Solution and Investigation of Crimes

Korotaeva Yu. A. **Separate Assignment of an Inquirer, Investigator as a Subject of Procedural and Departmental Control**

The article discusses separate assignments of an inquirer, investigator to conduct investigative and other procedural actions, operational detective activities. The author proves that they are one of the most common and stable forms of interaction in the criminal procedure, analyzes the organizational and managerial forms of departmental control over the organization of execution of instructions: organization of registering of instructions of the inquirer, investigator; negotiating the draft of a separate assignment with the head of the inquiry unit, the head of the investigative body; development and use of standard samples of assignments given to the body of inquiry. The shortcomings in the application of the institution of a separate assignment that reduce its effectiveness are outlined, and ways to eliminate them are proposed, mainly through departmental control over the direction and organization of the execution of separate assignments.

Keywords: inquirer, separate assignment, inquiry body, procedural control, crime report, investigation of a criminal case.

Merlakov D. S., Sokolov A. B. **Organization of the Investigator's Activity when Considering a Crime Report: Unresolved Issues**

Based on the scholars' opinions, as well as on the results of the study of law enforcement activities, the authors identify problematic issues arising within the organization of the investigator's activities when considering a crime report. The article contains the authors' understanding of its essence, the process of formation of its internally organized structure being outlined. It is concluded that it is necessary to optimize the activities of subjects on considering crime reports, the situations described in the article, which require resolution, taken into consideration.

Keywords: consideration of a crime report, investigation, investigator, organization of activity, investigative action, investigative jurisdiction.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вниманию авторов журнала «Законодательство и практика»!

Редакция журнала принимает к опубликованию:

1. Статьи по проблемам законотворчества, теории уголовного, уголовно-процессуального права, криминалистики, криминологии, оперативно-розыскной деятельности. Поскольку основная направленность журнала — прикладная, предпочтение отдается статьям, в которых рассматриваются вопросы, актуальные для правоприменительной практики.
2. Комментарии ученых к законам, ответы на вопросы правоприменителей, анализ и обобщение прокурорской, следственной и судебной практики, разъяснение позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.
3. Обзоры следственной, прокурорской и судебной практики.
4. Методические рекомендации по вопросам правоприменения, а также методике и тактике расследования преступлений.
5. Опыт расследования преступлений.
6. Материалы о юристах — профессионалах своего дела.
7. Очерки истории органов предварительного расследования, прокуратуры, судов.

Требования, предъявляемые к материалам:

1. Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 п. л., включая приложения. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.
2. Прилагать к рукописи:
 - список ключевых слов (не более семи речевых единиц);
 - аннотацию.Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации — до 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна:
 - быть перифразом заглавия статьи;
 - включать малоинформативные формулировки.Перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.
3. Автор должен указать следующие анкетные данные: фамилию, имя, отчество (полностью, а не инициалы), должность, ученую степень, ученое звание, электронный адрес, телефон.
4. Рукописи представлять на бумажном и электронном носителях (в форматах DOC, RTF или ODT, кегль 14, с параметрами страницы сверху, снизу, справа, слева — 2,5 см, межстрочным интервалом — 1,5 см).
5. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски).
6. К материалам, подготовленным преподавателями, не имеющими ученой степени, адъюнктами и аспирантами, прилагать выписку из протокола заседания соответствующей кафедры образовательной организации.

Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издательства, не допускается.

Представляя статью для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение ее и метаданных в тех информационных системах, с которыми у издателя имеются соответствующие соглашения.

Рукописи принимаются заместителем главного редактора Пупышевой Любовью Андреевной (т. р. (3812) 75-11-28, 75-11-13, доб. 2-42, кафедра уголовного процесса Омской академии МВД России, т. с. 8-905-921-97-22). Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, редколлегия журнала «Законодательство и практика». E-mail: prozess_oma@mail.ru.

Редколлегия оставляет за собой право направлять рукописи на рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Все статьи публикуются бесплатно.

Приглашаем практических работников принять участие в дискуссии по наиболее важным проблемам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Периодичность выхода журнала — 2 номера в год.

Уважаемые коллеги!

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Научной электронной библиотеки: <http://elibrary.ru>.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).